

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2020 Том 25 № 4

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Галай К.Н., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Бодор Ф., профессор факультета гуманитарных наук, Университет Бордо III имени Мишеля де Монтеня, Бордо, Франция

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (EJTA), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор департамента лингвистики факультета массовых коммуникаций, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области филологических исследований. Журнал является международным как по составам редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и журналистиковедческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся литературного процесса, прозы, поэзии, драматургии, литературной критики, жанров журналистики, печати, радио и телевидения, рекламы, связей с общественностью. Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

Электронный адрес: ak-taurus@mail.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Подписано в печать 21.12.2020. Выход в свет 28.12.2020. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 17,85. Тираж 500 экз. Заказ № 1055. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2020 VOLUME 25 NUMBER 4

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Karina N. Galay, Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Philippe Buadorre, Professor of the Department of Humanities, Bordeaux Montaigne University, Bordeaux, France

Niko Drok, Ph.D, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Nataliya Panasenko, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Linguistic Communication of the Faculty of Mass Media Communication, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

**RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed by Russian Index of Science Citation, DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising. The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

E-mail: ak-taurus@mail.ru

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Пороль О.А.** «Свивая славу обеих половин сего времени...»: пространственно-временное и мифологическое проявление в «Слове о полку Игореве» 619
- Коржова И.Н., Леденёв А.В.** Омонимическая и тавтологическая рифма в поэзии К. Симонова 627
- Kikhney L.G., Lamzina A.V.** The English trace in the heading-final complex of Anna Akhmatova's "Poem without a Hero" (Английский след в заголовочно-финальном комплексе «Поэмы без героя» Анны Ахматовой) 639
- Шафранская Э.Ф., Волохова Т.В.** Поэтика ориентализма: повесть Леонида Соловьёва «Кочевье» 648

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

- Kulieva Sh.A.** Translingual text within a meaning-generating context of Russian literature (Транслингвальный художественный текст в смыслопорождающем контексте русской литературы) 657

КОМПАРАТИВИСТИКА

- Лю Ши.** Культурные коннотации образа восприятия эмигрантов в китайском этническом сознании 20–40-х годов XX века на материале китайской литературы и публицистики 671

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Литвиненко Н.А.** Концепт «нео-» и романы Ж. Роденбаха: между романтизмом и символизмом ... 682
- Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М.** Женские образы на историческом фоне: победа оманской писательницы Джохи аль-Харти в The Man Booker International Prize – 2019 692
- Лесик К.А.** Кафкианские мотивы в прозе Кунвара Нараяна 705
- Gupta P.** Locating reality through visual narratives: Marjane Sartapi's surfacing in "Persepolis" (Обнаружение реальности в повести М. Сартапи «Персеполис») 714
- Бондарь М.Н.** Источники поэмы Фирдоуси «Шах-наме» 724

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ

- Палахан Н., Громова Л.П.** Особенности реализации советской пропаганды в Таиланде в период холодной войны 734
- Ефанов А.А., Эфендиева Н.Э.** Становление инновационности в России и за рубежом: историко-генетический и компаративистский анализ 746

РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- Шилина М.Г., Минтусов И.Е.** Генезис российского электорального PR: проблема периодизации 756
- Линь Ч., Смирнова О.В.** Медиарепрезентация политических лидеров: исследовательские подходы 766

АКСИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

- Кадырова Ш.Н., Фомин А.** Проект закона «О медиа» № 2693: новые ограничения свободы СМИ на Украине 775

ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Бухарбаева А.Р., Сергеева Л.В.** Клиповое мышление поколения Z: методы развития творческого потенциала студентов 787

НОВЫЕ МЕДИА

- Курманова Д.Б., Зарифиан М.** Тренды медиапотребления в Грузии 797

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

- Шервашидзе В.В.** «Путешествие души»: рецензия на книгу: Балашова Т.В. Париж принадлежит мечтателям... М.: ИМЛИ, 2019. 352 с. 808
- Овчаренко А.Ю.** «Сей первый русский ежемесячник»: рецензия на книгу: Готовцева А.Г. «Сие есть наиболее полезное для российского общества»: журнал «Ежемесячные сочинения» как российский интеграционный просвещенческий проект середины XVIII века. М.: ЯСК, 2018. 369 с. 812

CONTENTS

LITERARY STUDIES

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

- Porol O.A.** “Twisting the glory of both halves of this time...”: on the spatio-temporal and mythological manifestation in “The Lay of Igor’s Host” 619
- Korzhoval I.N., Ledenev A.V.** Homonymous and tautological rhymes in K. Simonov’s poetry 627
- Kikhney L.G., Lamzina A.V.** The English trace in the heading-final complex of Anna Akhmatova’s “Poem without a Hero” 639
- Shafranskaya E.F., Volokhova T.V.** Orientalism poetics: story by Leonid Solovyov “The Nomad” 648

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

- Kulieva Sh.A.** Translingual text within a meaning-generating context of Russian literature 657

COMPARATIVE STUDIES

- Liu Shi.** Cultural connotations of the image of perception of emigrants in Chinese ethnic consciousness of the 20–40s of the 20th century based on the material of Chinese literature and publicism 671

FOREIGN LITERATURE

- Litvinenko N.A.** The concept of “neo” and the novels of G. Rodenbach: between romanticism and symbolism 682
- Zarytovskaya V.N., Al-Rahbi A.M.** Female images on historical background: victory of Omani writer Jokha al-Harti in The Man Booker International Prize – 2019 692
- Lesik K.A.** Kafkaesque motifs in Kunwar Narain’s novels 705
- Gupta P.** Locating reality through visual narratives: Marjane Sartapi’s surfacing in “Persepolis” 714
- Bondar M.N.** Sources of Ferdowsi’s poem “Shahnāma” 724

JOURNALISM

HISTORY AND THEORY OF MEDIA

- Palahan N., Gromova L.P.** Implementation and features of Soviet propaganda in Thailand in the Cold War period 734
- Yefanov A.A., Efendieva N.E.** Formation of international broadcasting in Russia and abroad: historical-genetic and comparative analysis 746

ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

- Shilina M.G., Mintusov I.E.** The genesis of Russian electoral PR: issue of periodization 756
- Lin C., Smirnova O.V.** The media presentation of political leaders: research approaches 766

AXIOLOGY OF MEDIA

- Kadyrova Sh.N., Fomin A.** Draft law “On Media” No. 2693: new restrictions of freedom of media in Ukraine 775

JOURNALISM EDUCATION

- Bukharbaeva A.R., Sergeeva L.V.** Clip thinking of generation Z: methods of developing students’ creative potential 787

NEW MEDIA

- Kurmanova D.B., Zarifian M.** Georgian media consumption trends 797

REVIEWS

- Shervashidze V.V.** “Journey of the Soul”: Book review: Balashova, T.V. (2019). Paris Belongs to Dreamers... Moscow, IMLI Publ. 808
- Ovcharenko A.Yu.** “This is the first Russian monthly”: Book review: Gotovtseva, A.G. (2018). “This is the most useful for Russian society”: The “Monthly Essays” as a Russian integrative enlightenment project of the mid-18th century. Moscow, YASK Publ. 812

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-619-626

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

**«Свивая славу обеих половин сего времени...»:
пространственно-временное и мифологическое
проявление в «Слове о полку Игореве»**

О.А. Пороль

Оренбургский государственный университет
Российская Федерация, 460018, Оренбург, пр-кт Победы, д. 13
olgaporol@mail.ru

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза о существовании в «Слове о полку Игореве» богини древних славян *Славе*. Осуществлен перевод некоторых «темных мест». При анализе произведения применялся поиск текстовых параллелей. Выявлена и обоснована взаимосвязь отдельной древнерусской и церковнославянской лексики. Рассмотрены семантические оттенки слов «ум», «сердце», «время», «путь», содержащиеся в «темных местах». Предпринята попытка понимания особенностей проявления в «Слове» пространственно-временных форм. Сосуществование настоящего и прошедшего времени в «Слове о полку Игореве» объясняется вневременными формами бытия, осознанием древнерусским книжником двух пространств. «Двомирие» в «Слове» проявляется в использовании древних языческих образов, «старых словес» и «былин сего времени». Церковнославянское слово, восходящее к тексту Библии, содержит множество смысловых оттенков, объяснение которых способно открыть глубину и богатство древнерусского текста. Проанализированы выражения, восходящие к теме христианства. В конце произведения возникшее радостное отношение автора «Слова» к герою, погубившему свое войско и бежавшему из плена, рассматривается как христианское. Своеволие и исполнение воли Божией сопричастствуют в характере князя Игоря, в его поступках. Христианские образы в «Слове» и доброе отношение автора к потерпевшему поражение князю повествуют читателю о новом сложившемся христианском мире, находящемся, однако, в сложном взаимоотношении с миром прежних словес, языческих древних славянских образов.

Ключевые слова: Слово о полку Игореве, Слава, языческий, христианский, пространство, время, темное место, церковнославянская лексика, древнерусский текст, образы, символы

© Пороль О.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: поступила в редакцию – 27 октября 2020 г.; принята к публикации – 9 ноября 2020 г.

Для цитирования: *Пороль О.А.* «Свивая славу обеих половин сего времени...»: пространственно-временное и мифологическое проявление в «Слове о полку Игореве» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 619–626. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-619-626>

“Twisting the glory of both halves of this time...”: on the spatio-temporal and mythological manifestation in “The Lay of Igor’s Host”

Olga A. Porol

Orenburg State University
13 Pobedy Ave, Orenburg, 460018, Russian Federation
olgaporol@mail.ru

Abstract. The article puts forward a hypothesis about the existence of the goddess of the ancient Slavs *Slava* in the “Lay of Igor’s Host”. Some “dark places” have been translated. When analyzing the work, a search for text parallels was used. Revealed and substantiated the relationship between separate Old Russian and Church Slavonic vocabulary. The semantic shades of the words “mind”, “heart”, “time”, “path”, contained in “dark places” are considered. An attempt was made to understand the peculiarities of the manifestation of space-time forms in the “Lay of Igor’s Host”. The coexistence of the present and the past tense in “The Lay of Igor’s Campaign” is explained by the timeless forms of being, the recognition by the ancient Russian scribe of two spaces. The “duality” in “The Lay of Igor’s Host” is manifested in the use of ancient pagan images, “old words” and “epics of this time”. The Church Slavonic word, dating back to the text of the Bible, contains many semantic shades, the explanation of which can reveal the depth and richness of the Old Russian text. The expressions that go back to the theme of Christianity are analyzed. At the end of the work, the emerging joyful attitude of the author of “The Lay of Igor’s Host” to the hero who destroyed his army and escaped from captivity is regarded as Christian. Willfulness and the fulfillment of God’s will are present in the character of Prince Igor, in his actions. Christian images in “The Lay of Igor’s Host” and the author’s kind attitude to the defeated prince tell the reader about the new established Christian world, which, however, is in a difficult relationship with the world of former words, ancient pagan Slavic images.

Keywords: The Lay of Igor’s Host, Slava, pagan, Christian, space, time, dark place, Church Slavonic vocabulary, Old Russian text, images, symbols

Article history: received – 27 October 2020; revised – 30 October 2020; accepted – 9 November 2020.

For citation: Porol, O.A. (2020). “Twisting the glory of both halves of this time...”: On the spatio-temporal and mythological manifestation in “The Lay of Igor’s Host”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 619–626. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-619-626>

Введение

Интерес к «Слову о полку Игореве», несмотря на многочисленные исследования ученых, нисколько не уменьшается. Сложными при рассмотрении остаются художественные образы пространственно-временного происхождения, неожиданные модификации смыслов при попытке нового прочтения древнего текста.

С самого начала повествования «Слова» автор рассуждает о том, начать ли ему «старыми словесы трудных повестей о полку Игореве» или же начать песнь по «былинам сего времени». Во вступлении «Слова» сосуществуют две временные формы – прошлое и настоящее. Можно утверждать, что настоящее не мыслится автором «Слова» без прошлого. Сосуществование двух временных форм бытия проходит через всю образную систему произведения. Упоминание языческих древних богов и призыв бороться «за христиан против нашествия поганых» объясняется исторической действительностью, существовавшим «двоемирием», обращением автора к древним языческим образам как к поэтическим символам.

Исследование книжной и фольклорной традиции в «Слове» – одна из актуальных тем в литературоведении и лингвистике. Однако она обычно рассматривалась как стилистическая проблема. «Язык старославянский и живой разговорный русский составляли два стилистических полюса литературных произведений – один высокий, торжественный, другой – «низкий», обыденный. Это позволяло авторам создавать множество вариантов «среднего» стиля. Здесь была обширная палитра для художника слова, разнообразная гамма, широкая шкала эмоциональных отношений [1. С. 8]. «Церковнославянизмы» или «славянизмы» – широко известные понятия, которыми в своих работах активно пользовались Б.А. Ларин, В.В. Виноградов, А.И. Соболевский, А.М. Камчатнов и другие, рассматривая их как определенный слой, поступивший на службу древнерусскому литературному языку. Однако для понимания древнерусского произведения важно знание семантических особенностей славянского слова, которое часто содержит глубокий подтекст, отчасти открывающийся при знании языковых фактов духовной культуры прошлого.

Обсуждение

Неоднозначность «знакомых» выражений «Слова» заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к нему:

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря. Иже истягну ум крѣпостию своею, и поостри сердца своего мужествомъ; наплънився ратного духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцкую за землю Руськую [2. С. 254].

В переводе Д.С. Лихачева выражение *Иже истягну ум крѣпостию своею, и поостри сердца своего мужеством* означает: «который скрепил ум силою своею и поострил сердце свое мужеством» [2. С. 565]. О.В. Творогов перевел: «который обуздал ум своею доблестью и поострил сердца своего мужеством» [2. С. 255].

Однако Е.М. Камчатнов, комментируя вышеприведенный фрагмент утверждает, что это не героизированное изображение князя Игоря. «<...> перед средневековым читателем предстал иной образ князя, так как ему открывался иной смысл этого сообщения в свете библейского тематического ключа» [3. С. 91]. Далее Е.М. Камчатнов для объяснение своей мысли ссылается на работу Р. Пиккио «“Слово о полку Игореве” как памятник религиозной литературы»: «Князь Игорь не владеет ни своим “умом”, ни своим “сердцем”. <...> Победить можно лишь смирением: “ратный дух”, “упорное сердце” и “мужество” являются не добродетелями, но признаками духовной патологии, происходящей от гордости» [3. С. 91].

Не вполне соглашаясь с переводом «героизированного изображения» князя Игоря («подчинил свои мысли своей “крепости” – мужеству, храбрости и поострил сердце свое мужеством») и принимая верную мысль Е.М. Камчатного, что, действительно, изображение князя Игоря в вышеприведенном фрагменте текста не «героизированное», не согласимся с приведенной цитатой из работы Р. Пиккио. Подобное объяснение образа князя противоречит всей концепции автора «Слова», который не только не осуждает князя, но «вздыхает» о нем на протяжении всего произведения, сопереживая, а в конце поет ему славу. Важно осознать, что, изображая духовное состояние князя, автор, несомненно, прибегает к книжной традиции, церковнославянской лексике, поэтому выражение *Иже истягну ум крѣпостию своею, и поостри сердца своего мужеством* семантически богато, возможно, содержит «библейские тематические ключи», являющиеся языковым средством высокого торжественного стиля.

Ум, сердце, время, путь – древние образы-символы, сквозные для всей мировой культуры мотивы. Библия – семантическое ядро всей европейской культуры, в том числе и русской. Являясь сквозными для всей мировой культуры, образы *ума, сердца, времени и пути* в славянской культурной традиции выражают не просто идею жизни, а прежде всего ее нравственную направленность. Церковнославянское слово в древнерусском произведении становится необходимым условием возникновения смыслов. Введенное автором в художественное произведение церковнославянское слово или выражение обнаруживает генезис текста и формирует единое лексико-семантическое поле.

Обратимся к лексическому уровню фразы. Рассмотрим значения слов в словаре Г. Дьяченко, который считал своей целью «дать возможность читать и понимать памятники древнерусской письменности, как духовной, так и светской, как прозаические, так и поэтические, оригинальные и переводные» [4. С. XVI]:

«истягну, истягати – вынимать, извлекать, вытягивать;

истягнути – вытянуть [4. С. 231];

крѣпость – победа; сила, крепость [4. С. 273];

поостри – поострити, поостряти – побудить, поощрить, возбуждать [4. С. 456];

мужество – подвиг, славное дело, победа [4. С. 319]».

Учитывая значения выше приведенных слов и осознавая, что о душе (сердце) и уме в древнерусских произведениях писали с опорой на книжную традицию, выражение *Иже истягну ум крѣпостию своею, и поостри сердца своего мужеством* мы можем перевести так: <Игорь> подчинил ум *своему* желанию победы и побудил (подчинил) сердце к *своей* славе. То есть князь искал не воли Божьей, но искал воли своей, человеческой.

Точный перевод фразы особенно необходим, потому что в ней – начало *пути* князя Игоря. Однако *из земли Половецкой на землю Рускую* князю Игорю *Богъ путь кажетъ* [2. С. 266]. Бог ведет Игоря из плена.

Верность предложенного нами перевода можно увидеть в дальнейшем тексте «Слова», где автор снова обращается к *уму* князя.

Древнерусский текст

Спал князю ушь
похоти
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго [2. С. 256].

Перевод Д.С. Лихачева

Ум князя уступил
желанию,
и охота отведать Дон великий
заслонила ему предзнаменование [2. С. 566].

Одним из «темных мест» «Слова», передающих сложность восприятие времени, издавна считалось древнерусское выражение *свивая славы оба полы сего времени*. Ф. Буслаев, находя это местом «темным», предлагал следующую интерпретацию: «свивая <...> обе половины сего времени, то есть воспевая прошедшее и настоящее, старину и былины сего времени» [4. С. 576].

Приведем исследуемый нами фрагмент текста:

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сиа плъкы ущекоталъ,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подь облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню
чресь поля на горы [2. С. 254].

Н.С. Серегина в работе «“Слово о полку Игореве” и русская гимнографическая традиция XII века» указывает, что многие «оттенки “славы” остаются не раскрытыми, их богатство и глубина не исчерпанными. А между тем адекватное их понимание может по-новому осветить и темные места в “Слове”, и оттенки других значений» [5. С. 152]. Ссылаясь на исследования В.П. Адриановой-Перетц, заметившей, что для «оба полы» «сочетания с существительным “время” не встречается (есть оба полы звезды, круга, креста, земли и т.д.)», Н.С. Серегина утверждает: «“Обаполы” относится не к “времени”, как обычно переводят, а к “славе”. <...> Обаполы – скорее всего, пишется вместе и означает обе половины, обе стороны *чего-то целого, единого*» [5. С. 154].

Важно осознать, что в древнерусском не секулярном сознании сосуществовали две пространственно-временные действительности, составляющие единое целое, настоящее. Древнейшие славяне и «алане» веровали в единую властительницу судеб жизни как *земной*, так и *загробной, райской*. Веровали в *царицу неба*, единое божество – *Славу*. Видимо, поэтому Боян-соловей изображен летающим «под облакы, свивая славы <Славы> оба полы сего времени», то есть воспевая *Славу* (языческую царицу земли и неба) сего (то есть старого, а может будущего) времени. Местоимение «сего» соотносится нами со старым временем, потому что выше звучали следующие строчки: «О Бояне, соловию *стараго* времени». Однако если сохранить ранее утвержденное, «непереведенное» *се* время, в котором «рыскал» *бы* Боян, то почему нельзя предположить в его «окружении» *Славу*?

Иными словами, «окружение» Славы в этом фрагменте текста, соседство с ней языческого бога Трояна («рища въ тропу Трояню») также позволяют предположить значение Славы как языческой древнерусской богини. Известно, что Д.С. Лихачев, считая Трояна славянским языческим божеством, выражение «рища въ тропу Трояню» перевел как «носясь по *божественным путям*». Комментируя это место в «Слове», академик указывал,

что Троян упоминается в «Слове» еще три раза: «были вѣчи Трояни» («были века язычества»), «на землю Трояню» («на Русскую землю») и на «сѣдьмомъ вѣцѣ Трояни» («на последнем веке язычества»).

Еще одним аргументом о божественной природе Славы может стать следующая особенность, замеченная Н.С. Серединой: «Славу ищут, <...> похищают, расшибают, проливают за нее кровь, но она и сама действует, диктует, управляет, стоит над людьми...» [5. С. 155].

Культе древней языческой богини Славы был описан в Сборнике Григория, епископа болгарского: «от племени Афетова родился Сероух, иже нача первое еллинскаго закона Славу, рекше кумирслужения приносить душам божескам кумиром каменом» [4. С. 613]. Комментируя сведения о происхождении культа Славы, открывающиеся в трудах славянского писателя X века, знатока славянской древности, Г. Дьяченко пишет, что ранее еллинского закона существовал культ Славы, что кумиры этого культа были каменные, что они считались одушевленным божеством.

Немаловажным для предположения Славы как древней языческой богини в «Слове о полку Игореве», соединяющей два мира и одновременно два времени (настоящее и прошлое), является устойчивое мнение среди большинства исследователей об «архаизирующей» повествовательной манере и об архаичности отдельных литературных мотивов «Слова» (Д.С. Демин), о его идейно-политической архаичности (А.Н. Робинсон). Д.С. Демин, ссылаясь на работу Д.С. Лихачева «Предположение о диалогическом строении “Слова о полку Игореве”» (1986) пишет о том, что «Слово» исполнялось «как бы двумя певцами», первый из которых – «певец-архаист», он предлагает исполнять песнь «старыми словесы» «в манере Бояна», а второй – «певец-рассказчик», «он предлагает петь по “былинам сего времени”»; правда, отделить «старые словеса» от «былин сего времени» в тексте «Слова о полку Игореве» удастся все-таки с трудом: «тема Бояна оказывается в известной мере более естественной и органичной для “Слова”» [6. С. 138].

Среди современных исследователей «Слова» об архаике, мифологическом мировосприятии произведения особенно важно высказывание А.О. Шелемовой: «Памятник создавался в русле представлений, восходящих к архаике, к мифологическому мировосприятию. В обращении к символике языческой древности заключается, на наш взгляд, поэтическая задача автора, использовавшего эстетическую энергетику язычества» [7. С. 12]. Однако с утверждением автора о том, что «христианский элемент в “Слове” практически не влияет ни на идейное содержание, ни на поэтику произведения» сложно согласиться. Герой, погубивший войско и бежавший из плена, был встречен всюду с радостью. Остается вспомнить знаменитые пушкинские строки: «И милость к падшим призывал». В следующей строфе, как известно, звучит тема музы, послушной Богу: *Веленью Божию, о муза, будь послушна* («Я памятник себе воздвиг нерукотворный», 1836).

Приведем выражения, которые так или иначе восходят к теме христианства в «Слове».

Древнерусский текст

Тому въ Полотыскѣ позвониша заутреню рано у Святыя Софеи въ колоколы [2. С. 264].

...из земли Половецкой на землю Рускую князю Игорю Богъ путь кажетъ [2. С. 266].

Съ тоя же Каялы Святоплкъ повелѣ яти отца своего между угорскими иноходьци ко святыѣй Софии къ Киеву [2. С. 258].

Игорь ѣдет по Боричеву къ святыѣй Богородици Пирогощей.
Страны рады, гради весели [2. С. 266].

Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганяя плъки! [2. С. 266].

Перевод Д.С. Лихачева

Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола [2. С. 578].

Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой в землю Русскую [2. С. 579].

С той же Каялы Святополк повелел отца своего привезти между венгерскими иноходцами ко святой Софии к Киеву [2. С. 570].

Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей.
Села рады, гради веселы [2. С. 581].

Здравы будьте, князья и дружина, борясь за христиан против нашествий поганых! [2. С. 582].

Фраза *С той же Каялы Святополк повелел отца своего привезти <...> ко святой Софии к Киеву* указывает на место погребения Изяслава в киевском храме святой Софии.

Из выражения *Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей. Села рады, гради веселы* мы узнаем, куда стремится князь Игорь, которому сам *Бог путь указывает*.

Заключение

«Библейские тематические ключи», церковнославянская лексика способны привести к пониманию многих «темных мест» древнерусского текста.

Можно допустить, что найденный нами мифологический древний образ богини Славы содержится и в других «темных местах» «Слова о полку Игореве», потому что о богине было также известно, что она – «великая царица и госпожа, Слава народа, поддерживающая жизнь народную, мать всякого целомудрия, благотворительница всего человеческого рода» [4. С. 612]. Вполне возможно, что в трагической ситуации, когда над Русью нависла половецкая опасность, а князья находились в бесконечных братоубийственных войнах, вспомнилась автору древнего текста богиня Слава.

Подтверждением или опровержением этой мысли может стать текстуральное изучение всех случаев «славы», которая встречается в «Слове» пятнадцать раз «открыто», четыре – «видоизмененно» и в трех случаях – «скрытно» [5. С. 155].

Природа пространства и времени в «Слове» сложна, непостижима и необъяснима с точки зрения обычного человеческого разума. Подходом к изучению этой проблемы могло бы стать известное утверждение П. Флоренского, что в различных системах течет *свое время, со своею скоростью* и со *своею мерою*. Время может быть *мгновенным* (возможность времени течь с бесконечной быстротой) и *обращенным от будущего к прошедшему*, когда «наша жизнь от видимого переходит в невидимое, от действительного – в мнимое» [8. С. 6]. Наверное, только с таких позиций можно будет объяснить «странное» поведение Бояна, который «рыскал» *бы*, если бы он жил, когда Игорь задумал свой поход.

Список литературы

- [1] Лихачев Д.С. Великое наследие. М.: Современник, 1975. 366 с.
- [2] Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII. 687 с.
- [3] Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М.: Академия, 2008. 688 с.
- [4] Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. Репринтное воспроизведение издания 1900 г. М.: Отчий дом, 2001. 1120 с.
- [5] Серегина Н.С. «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 400 с.
- [6] Демин А.С. О древнерусском литературном творчестве: опыт типологии с XI по середину XVIII в. от Илариона до Ломоносова / отв. ред. В.П. Гребенюк. М.: Языки славянской культуры, 2003. 760 с.
- [7] Шелемова А.О. Художественный феномен «Слова о полку Игореве» // Вестник российского университета дружбы народов. 2010. № 2. С. 5–13.
- [8] Флоренский П. Иконостас. Имена. М.: АСТ, 2009. 318 с.

References

- [1] Lihachev, D.S. (1975). *Velikoe nasledie* [Great legacy]. Moscow, Sovremennik Publ.
- [2] Lihachev, D.S., Dmitriev, L.A., Alekseev, A.A., & Ponyrko, N.V. (Eds.). (1997). *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Ancient Russia Literature] (vol. 4: XII). Saint Petersburg, Nauka Publ.
- [3] Kamchatnov, A.M. (2008). *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: XI – pervaya polovina XIX veka* [History of the Russian literary language: XI – first half XIX century]. Moscow, Akademiya Publ.
- [4] Dyachenko, G. (2001). *Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar'*. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1900 g. [Complete Church Slavonic Dictionary. Reprint reproduction Edition, 1900]. Moscow, Otchij dom Publ.
- [5] Seregina, N.S. (2011). “*Slovo o polku Igoreve*” i russkaya pevcheskaya gimnografiya XII veka [“The Lay of Igor’s Host” and Russian singing hymnography of the 12th century]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ.
- [6] Demin, A.S. (2003). *O drevnerusskom literaturnom tvorchestve: Opyt tipologii s XI po seredinu XVIII v. ot Ilariona do Lomonosova* [About Old Russian literary creativity: The experience of typology from the 11th to mid-18th century from Hilarion to Lomonosov]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ.
- [7] Shelemova, A.O. (2010). Fictional Phenomenon of Igor’ Tale. *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Studies in Literature. Journalism*, (2), 5–13.
- [8] Florenskij, P. (2009). *Ikonostas. Imena* [Iconostasis. Names]. Moscow, AST Publ.

Сведения об авторе:

Пороль Ольга Анатольевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка филологического факультета Оренбургского государственного университета.

Bio note:

Olga A. Porol, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Philology and Methods of Teaching the Russian Language of the Philological Faculty of the Orenburg State University.

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-627-638

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Омонимическая и тавтологическая рифма в поэзии К. Симонова

И.Н. Коржова, А.В. Леденёв

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
clean24@yandex.ru; aledenev@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются омонимические и тавтологические рифмы как форма языковой игры в поэзии К. Симонова. Изучение рифм в поэзии названного автора, как и обращение в связи с его творчеством к категориям игровой поэтики, осуществляется впервые. Для обозначения частотного у Симонова переходного случая между двумя видами рифм вводится термин «полисемантическая рифма». Выявлена динамика предпочтений рифм и выдвигаются их функции на протяжении творчества Симонова. В ранних поэмах он активно обращается к омонимическим рифмам, имеющим характеризующую и миромоделирующую функции. Рифма становится частью более сложной игры и усиливается повторами однокоренных и сходнозвучающих слов, создающих плотную семантическую сетку из важных для Симонова понятий. В зрелом творчестве поэт чаще обращается к полисемантической рифме, а если ставит в позицию конца строки омонимы, то не всегда рифмует их друг с другом. При сохранении прежних функций к ним добавляются традиционная юмористическая и композиционная, связанная с обособлением строк в качестве самостоятельных афоризмов.

Ключевые слова: омонимическая рифма, тавтологическая рифма, полисемия, языковая игра, афоризм, К. Симонов

История статьи: поступила в редакцию – 1 сентября 2020 г.; принята к публикации – 12 сентября 2020 г.

Для цитирования: Коржова И.Н., Леденёв А.В. Омонимическая и тавтологическая рифма в поэзии К. Симонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 627–638. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-627-638>

Homonymous and tautological rhymes in K. Simonov's poetry

Inessa N. Korzhova, Alexander V. Ledenev

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
clean24@yandex.ru; aledenev@mail.ru

Abstract. The article explores homonymous and tautological rhymes in K. Simonov's poetry as a form of language game. The study of rhymes in the author's poetry, as well as the appeal to the categories of play-element poetics in connection with his work, is realized for

© Коржова И.Н., Леденёв А.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the first time. The term “polysemantic rhyme” is introduced to denote the transitional case between the two types of rhymes which is often found in Simonov’s poetry. The dynamics of rhyme preferences and their functions throughout Simonov’s work is revealed. In the early poems, he actively uses homonymous rhymes, that have a characterizing and world-modeling function. Rhyme becomes part of a more complex game and is reinforced by repetitions of similar-root and similar-sounding words, that create a dense semantic grid of important to Simonov concepts. In mature creativity, the poet often turns to polysemantic rhyme, and if he puts homonyms at the end of the line, they does not always rhyme with each other. While maintaining the previous functions, traditional humorous and compositional ones are added to them, the latter is associated with the separation of lines as independent aphorisms.

Keywords: homonymous rhyme, tautological rhyme, polysemy, language game, aphorism, K. Simonov

Article history: received – 1 September 2020; revised – 6 September 2020; accepted – 12 September 2020.

For citation: Korzhova, I.N., & Ledenev, A.V. (2020). Homonymous and tautological rhymes in K. Simonov’s poetry. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 627–638. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-627-638>

Введение

Поэтика лирики Симонова изучена очень незначительно, искать же стиховедческие исследования о нем вовсе безнадежно. Л.И. Лазарев делает единственное известное нам наблюдение над рифмой поэта: «Симонов как будто не слишком заботится о том, что Маяковский называл “приемами обработки слов”, вроде бы не отличаются у него особой свежестью и разнообразием рифмы – попадают даже “тобой – мной”, “других – твоих”, “собой – тобой”. <...> Обманчиво впечатление, что он, не утруждая себя, пользуется тем, что лежит под руками. Скажем, в переводах и “домашних” стихах Симонов куда более изобретателен и по части рифмовки, и по части словесной инструментовки, он нередко демонстрирует изощренную поэтическую технику» [1. С. 36–37]. И подводит итог: «Симонов стремится к ясности выражения и ясности самого чувства, избегая какой-либо экстравагантности – словесной и образной» [1. С. 37–38].

Но следующие строки из поэмы «Победитель» об уже прикованном к кровати Островском заставляют пересмотреть тезис об экстравагантности: «В августе слег с воспалением легких, / Если к нему применимо – слег. / Со всем исхудавши, сделался легким, / Неошутимым, как мотылек» [2. С. 321]. Здесь и горький каламбур, возникающий из-за наложения прямого и переносного значения слова «слег», и вынесенная в сильную позицию конца строки игра омонимами «легких – легкий». Для ее характеристики приходится изобрести такой терминологический гибрид, как неточная омонимическая рифма, она и формирует гротескный образ жестокой усмешливой судьбы. Создавая сложный контрапункт мотивов, поэт рифмует тяжелое «слег» с крылатым «мотылек». Но и на этом семантические возможности рифмы не исощаются: бабочка и мотылек – вечные мифологические символы души; легкие – орган телесный, но связанный с дыханием; дыхание же буквально родственно слову «душа». Однако дыхание затруднено – душа заперта. Так омонимы усиливают тему телесного плена.

Обращение к омонимии и полисемии, в том числе в позиции рифмы, не является единичным в поэзии Симонова. Задачей данной статьи является исследование омонимической и тавтологической рифмы во всем корпусе поэтических текстов Симонова и выявление их функций.

Омонимическая и тавтологическая рифмы в свете теории языковой игры

Омонимическая и тавтологическая рифмы традиционно противопоставляются как богато и бедно звучащие [3; 4], хотя М.Л. Гаспаров отмечает: «Между этими двумя крайностями есть, однако, еще более любопытные промежуточные случаи – правда чрезвычайно редкие: когда одно и то же слово употреблено в рифме один раз в своем основном значении, а другой раз – в переносном, метафорическом» [4. С. 49–50]. Именно эти промежуточные случаи особенно частотны у Симонова.

Различение повтора и омонимии на практике очень сложно. Ю.М. Лотман подчеркивал: «В отличие от разговорной речи, поэтическая речь не знает абсолютного семантического повтора, так как та же лексическая или та же семантическая единица при повторении оказывается уже в другой структурной позиции и, следовательно, приобретает новый смысл» [3. С. 127–128]. Поскольку в большинстве омонимических рифм Симонов обыгрывает разошедшиеся значения когда-то единого слова, а в тавтологических рифмах заставляя слово мерцать разными значениями, мы будем называть переходные случаи полисемантической рифмой и расценивать интерес поэта к омонимической и тавтологической рифме как целостное явление, имеющее общие функции.

Демонстративное обращение к омонимии и полисемии исследователи относят к приметам игровой поэтики и, шире, языковой игры. Термин «игровая поэтика» был введен А.М. Люксембургом и Г.Ф. Рахимкуловой в книге «Мастер игры Вивиян Ван Бок» и теоретически обоснован последней. В осмыслении Г.Ф. Рахимкуловой важной характеристикой игрового текста является его сосредоточенность на собственных механизмах порождения: «Нет необходимости выделять в игровом тексте “серьезное измерение”. Игра на уровне текста самоценна, она вполне может рассматриваться как “серьезный” вид деятельности» [5. С. 19].

О.А. Корниенко в своей монографии, напротив, косвенно признает служебную роль языковой игры в реализации идейно-эстетических задач: «В приведенных фрагментах произведений серьезного и трагического звучания мы сталкиваемся с приемом словесной игры, но не с каламбуром, функциональное поле которого все же связано с остроумием и сферой комического использования» [6. С. 24].

В лингвистических исследованиях языковой игры, одновременно с тенденциями замкнуть ее только рамками комических задач, существует более широкое понимание. Так, Т.А. Гридина, наряду с функциями транслятора культурных смыслов и имитативной, выделяет «функцию усиления художественной изобразительности», создания «новых форм и смыслов слова как элемента образной эвристики художественного произведения» [7. С. 67].

Таким образом, представляется возможным говорить о языковой игре в поэзии Симонова как явлении, связанном с широким кругом идейно-эстетических задач. Вопрос же об игровой поэтике, даже в понимании О.А. Корниенко, требует исследования его творчества на нескольких уровнях.

Рифма как элемент языковой игры в довоенном творчестве К. Симонова

В ранних поэмах Симонова интерес к омонимической и тавтологической рифмам наиболее очевиден. В «Повести о трех братьях» мы видим переход от тавтологической к омонимической рифме: «А через город, ровняя фронт, / Летел по четыре в ряд / Из Петрограда на южный фронт / Конно-морской отряд» [8. С. 167–168]. Полисемантическая рифма фразеологически связанного «ровняя фронт» со словом в основном значении соседствует с полутавтологической (по терминологии М.Л. Гаспарова) рифмой «ряд – отряд». Вторые слова в парах вбирают значение первого члена, частная история героев в финале показывается как сколок с грандиозных событий гражданской войны.

В поэме «Возвращение» поэт соединяет рифмой омонимы «часы – часы»: «На миг его доверчивое тело / напомнило давнишние часы... / Но вспоминать сейчас не захотел он / и с легким вздохом вытащил часы» [9. С. 145]. Для поэтики Симонова характерно, что в этой же строфе появляется корневой повтор «напомнило – вспоминать». И рифма, и повтор призваны подчеркнуть различие, разделить тело и дух, волю. Тело ностальгирует по прошлому, связанному с нехитрым уютом и семьей, – безытный дух стремится за убегающим временем. Так, рифма выявляет внутренний конфликт в героической романтике и указывает на его нетождественность самому себе. Диалектическую сущность рифмы подчеркивал Ю.М. Лотман: «Процесс со- и противопоставления, разные стороны которого с различной ясностью проявляются в звуковой и смысловой гранях рифмы, составляет сущность рифмы как таковой. Природа рифмы – в сближении различного и раскрытии разницы в сходном» [3. С. 129].

Широким полем языковой игры стала поэма Симонова «Павел Черный». Не все омонимические рифмы Симонова изобретательны, он не упускает случая зарифмовать существительные нарицательные с именами собственными «Губой <прозвище героя> – губой» [10. С. 9]. (В.Е. Холшевников относит такие случаи к тавтологии [11. С. 90].) Другие рифмы также служат характеристике персонажей: «садились за очередной тур – на скользкой почве пешек, слонов и тур» [10. С. 23], «он деньги вкладывал в банк – рисковал по крупной, но никогда – ва-банк» [10. С. 43]. Даже минимального контекста достаточно, чтобы увидеть, что омонимическая рифма построена на переходе от частного действия к характеристике ситуации или героя. Даже конкретное существительное «тура» («ладья») в метафоре «почва тур» обретает значение «любовь к шахматам».

Для характеристики используются и омофоны: «Черный взглянул на голос, молча выхватил молот / Из Иоськиных рук, а Иоську прочь оттолкнул слегка. / Иоська тихо заплакал, он был еще слишком молод, / Он мог еще

обижаться от каждого пустяка» [10. С. 59]. Омонимы относятся к разным героям и выявляют несходство их натур, при этом образ молота указывает на внутренние качества Павла Черного. Так, деталь внешности, частный случай поведения или случайный предмет благодаря омонимической рифме повышаются до знаковой характеристики образа.

Самый изысканный случай рифмовки представляют собой составные омонимические рифмы. Именно за ними, как чересчур броскими, закрепилось название каламбурные [12; 4]. Единственный раз Симонов обращается к ним в ранней поэме: «Много я мест объездил. Много я касс очистил. / И не было специалистов по кассам почище нас. / Как грек на углу ботинки, так я эти кассы чистил. “Пожалте другую ножку! Эта почищена-с!”» [10. С. 63] Формальный изыск, выставленный напоказ, идет в пандан с самовосхвалением героя и в некотором смысле удостоверяет его мастерство. Симонов настойчиво выделяет корень «чист»: вторая рифма в строфе – полутавтологическая «очистил – чистил». Во втором слове поэт использует дилогию и сливает с переносным значением основное «освобождал от грязи». Уже этот пример из ранней поэзии Симонова позволяет утвердиться в мысли, что для поэта важнее интерес к повторам, чем к собственно омонимической рифме. Кроме эстетического наслаждения остроумной игрой, ощущения подвластности языка, здесь очевидна и миромоделирующая функция, показывающая сложность жизни, прошитой разнообразными связями.

Рифму, и без того выдвигающую центральное понятие, поддерживают повторы в следующем виртуозном пассаже: «Там, в приемном покое, белизна после трех побелок, / Сестрица в белом халате, в белом платке с узлом, / Белой дебелой ручкой заполняет пробелы / В белой больничной книге, за белым большим столом» [10. С. 57]. Неточную рифму «побелок – пробелы» сложно отнести к тавтологическим, но устойчивый интерес к повторам, и не только зарифмованным, очевиден. В изображении холодных и светлых больничных покоев вовлечены «дебелой» и «пробелов», тоже начинающие светить отраженным светом других слов. Возникает явление, которое Ю. Тынянов называл «ритмической метафорой». Это звуковые повторы, благодаря им «в слове оживают колеблющиеся признаки значения, которые в наиболее редких случаях могут привести к явлениям ложной этимологии» [13. С. 107–108].

Значение языковой игры, максимально обнаженной благодаря рифме, может выходить за рамки отдельного эпизода. Слова «чистить» и «белый» оттеняют название поэмы и фамилию героя «Павел Черный» и в совокупности подчеркивают мотив изменения – перековки.

В ранних стихотворениях Симонова находим только одну неточную омонимическую рифму в «Новогоднем тосте». «Друзья, тревожиться сейчас стоит, / Республика опять в колодце волчьем. / Итак, поднимем этот тост стоя / И выпьем нынче в первый раз молча» [2. С. 77]. В данном случае рифма создает у обоих глаголов тот, говоря словами Ю. Тынянова, «колеблющийся признак», который указывает на потребность и готовность к мобилизации. Здесь особенность речи порождает ощущение связи называемых совпадающими словами реалий. Омонимы не бросаются в глаза, но подспудно действуют, подтверждая пророческую уверенность, с которой произносится тост.

В довоенных поэмах языковая игра реализуется чаще, чем в отдельных стихотворениях. В поэме «Победитель», цитатой из которой начиналась статья, есть несколько подлинно омонимических рифм. «Очнулся при электрическом свете, / Поднялся. Кругом зашептали: “Ложись”. / Озлобленно вспомнил: “Чтоб жить на свете, / Придется лекарства жевать всю жизнь”» [2. С. 315]. Снова омонимы обнажают трагическую нелепость жизни, но теперь слово с более узким значением поглощает более широкое: мир сужается до кружка электрического, неестественного света. Эффект омонимической рифмы в поэме «Победитель» близок к гротеску, жизнь изломана, и Островский Симонова, как подлинно романтический герой, противопоставит этому страшному миру.

То же двоemiрие фиксирует и следующая рифма: «У двери холодного черного дома / Дважды нажал старомодный звонок / “Дома ли доктор?” – “Профессор дома”. / Он святотатственно пренебрег / Ковриком для вытирания ног» [2. С. 316]. Хиазм, усиливающий рифму, разводит контекстуальные антонимы «доктор» и «профессор». Для героя важна возможность исцеления, и он использует слово «доктор» в значении «врач», даже «лекарь». Но открывший дверь принадлежит иному миру и подчеркивает статус врача – «профессор». Безрезультатность лечения предсказана уже в этом эпизоде. И это предчувствие усиливает рифма «дома – дома». Для раннего Симонова дом – образ отрицательный, связанный с мещанством. Настойчивое повторение «дом» убеждает во враждебности пространства герою. А выразительное определение «святотатственно», передающее точку зрения обитателей дома, закрепляет антагонизм образов.

Заканчивается поэма «Победитель» часто цитируемой строкой, в которой справедливо узнавали аллюзию на Маяковского, но не обращали внимания на подлинную омонимическую рифму: «Слышишь, как порохом пахнуть стали / Передовые статьи и стихи? / Перья штампуют из той же стали, / Которая завтра пойдет на штыки» [2. С. 326]. Симонов использует тот же эффект характеристики времени через его приметы, который мы отмечали в «Новогоднем тосте». Очевидно, что в том и другом случае поэт стремится к созданию строф афористической четкости. В. Жирмунский, говоря о ритмико-синтаксическом параллелизме как магистрали появления рифмы, отмечает и еще одну боковую тропку – «случаи, когда причиной появления рифмы является сближение двух слов, далеких по значению, но совпадающих в звуковом отношении – “каламбурную рифму”, например в пословице, поговорке, загадке» [14. С. 425]. Вероятно, порой (особенно в финале произведений) Симонов использует омонимическую рифму как способ придания афористической четкости стиху, приближая строки к остроте и емкости пословицы.

В поэме «Ледовое побоище» Симонов повторит рифму «стали – стали» [2. С. 341], зарифмует грамматически разнородные «встав рядом – Торговым рядом» [2. С. 337]. Концептуально более важна другая омонимическая рифма: «Шли псковичи и ладожане, / Шли ижоряне, емь и весь, / Шли хлопцы, смерды, горожане – / Здесь Новгород собрался весь» [2. С. 340]. Синтаксически, путем использования обобщающего слова, закрепляется одна из функций омонимической рифмы у Симонова – включение частого в общее.

Другой пример из той же поэмы относится к характеризующей функции рифмы: «Князь Александр расположился / В той горнице, где комтур

жил. / Как видно, комтур тут обжился – / Валялась плеть из бычьих жил» [2. С. 342]. Омонимическая рифма выдвигает слово, которое усиливается повтором корня: «обжился» и ритмической метафорой «расположился». Последний глагол звуково соотносится со словами с корнем «жил», но коннотативно противопоставляется им. Защитник народа Александр не похож на рыцарей, о чьих нравах говорит остросатирическая деталь «плеть из жил». Эта рифма будет повторена поэтом в переводе стихотворения Киплинга «Гиены»: «За что он умер и как он жил – / Это им все равною. / Добраться до мяса, костей и жил / Им надо, пока темно» [2. С. 541]. Рифма выступает в другой функции и подчеркивает трагизм бытия, когда от человека остается комок терзаемой плоти. Заметим, что в оригинале Киплинг не прибегает к игре с омонимами.

В поэме «Суворов» рифм, которые бы могли быть однозначно определены как омонимические, нет. Остановимся на случае, в котором сама непроясненность природы рифмы становится элементом содержания: «Пять лейб-гвардейцев на пирушке / Решили, что царя пора... / Пора, а что – нам неизвестно. / Но у Гостиного двора / Кинжал какой-то житель местный / Купил, промолвивши: “Пора...” / Пора, а что – мы не дознались, / Но есть донос, что до утра / В трактире в номере шептались, / всё повторяли: мол, пора...» [2. С. 355]. Каждый раз слово «пора» рифмуется с другим, но через несколько строчек появится снова: мнительному Павлу даже в верноподданническом «ура-а!» слышится зловещее «Пор-р-а...». В приведенных строчках реплике покупателя ножа недостает контекста, чтобы отличить существительное от категории состояния. Что если покупатель просто говорил о погоде – поре? Так невозможность классифицировать рифму актуализирует вопрос о недоказуемости обвинений.

Полисемантическая рифма в зрелом и позднем творчестве К. Симонова

На следующем этапе творчества, который открывается монгольским военным циклом, языковая игра идет на убыль. В поэме «Первая любовь» Симонов развивает менее броский, но ставший основой его поэтики прием корневого повтора, усиленного рифмами: «Да, стоит быть нелепым, безрассудным, / Уехать к ней, себе же на беду, / Как хорошо, что ничьему суду / Такие преступления неподсудны» [2. С. 422]. Здесь поэт прибегает к этимологической регенерации, актуализируя мысль, что рассудок самого человека есть его судья. Отметим, что слово с тем же корнем включено и во вторую пару рифм. Мы считаем, что подобная игра порождена стойким интересом автора к выдвиганию центральных мотивов и обогащению их с помощью создания густой семантической сетки.

В произведениях, непосредственно связанных с Монголией, обращение к омонимическим рифмам происходит дважды. В стихотворении «Слишком трудно писать из такой оглушительной дали...» первая строчка стихотворения рифмуется с третьей «Все ли есть у него, все ли зимнее дали?» [2. С. 112]. В поэме «Далеко на Востоке» представлена более сложная языковая игра:

Там знают старый устав:
 танки идут с пехотой, а у русских нет пехоты,
 она еле бредет, устав,
 она еще в ста верстах,
 она еще в ста верстах,
 ей еще два перехода [2. С. 451].

Несложно заметить, что перекрестная рифма усиливается «раздвоением стиха» [15. С. 448], «устав – устав, верстах». Повтор введен, чтобы буквально показать и непреодолимость расстояния и путем отодвигания рифмы передать медлительность перехода. Но в мотивном сплетении участвует и внутренняя рифма «верстах – ста». Звуковое тождество снова способствует созданию сложного семантического комплекса. Сеть повторов показывает сцепление обстоятельств, которые буквально опутывают советское войско. Правила войны, усталость, расстояние – все делает невозможным танковый бой, который будет описан дальше как проявление стратегической смелости.

В годы войны мы не встречаем у Симонова омонимической рифмы в чистом виде, а пограничные случаи, основанные на полисемии, есть только в юмористических произведениях – «Корреспондентской застольной», «Сказке о городе Пропойске». Интересна рифма в «Песне о веселом репортере», написанной совместно с А. Сурковым. Омонимы вынесены в сильную позицию конца стиха, но не рифмуются между собой: «В блокноте есть три факта, / Что потрясут весь свет, / Но у Бодо контакта / Всю ночь с Москвою нет; // Он, чтобы в пусть неблизкий / Отправить этот факт, / Всю ночь с телеграфисткой / Налаживал контакт» [2. С. 137]. Здесь обыгрывание различных значений слова «контакт» подчеркнуто их рифмовкой со словом «факт» в разных словоформах.

В цикле «С тобой и без тебя» омонимических рифм нет вовсе. Лишь в предпоследнем стихотворении цикла Симонов обращается к выдвиганию вариантов одного слова, не рифмующихся между собой, в сильную позицию рифмы с очевидной целью создания афористичного финала: «Как камень я стою среди камней, / Прося лишь об одном: “Не трогайте руками / И посторонних надписей на мне / Не делайте... Я все-таки не камень...”» [2. С. 217]. Хотя второе значение фразеологически связано, словоформы «камней» и «камень» сохраняют близость, поэтому финал вызывает впечатление непрозрачности, невозможности для героя выдержать взятую на себя роль.

Новый всплеск интереса к омонимическим и полисемантическим рифмам обнаруживается у Симонова в цикле «Друзья и враги». Многие его стихотворения – политические памфлеты, потому и приемы острословия оказываются актуальны. Так, в стихотворении «Тигр», обличающем жестокую, родственную фашистской природу американского хозяина газет, сущность героя раскрыта в строфе: «В том, как весь вечер выдержал он стойко / Со мной на этих вежливых ножах, / Была не столько трезвость, сколько стойка / Перед прыжком в газетных камышах» [2. С. 228]. Рифма не сближает, а разводит понятия, работая на снижение образа: стойкость, важное и уважаемое человеческое качество, низводится до инстинкта хищника.

В «Балладе о трех солдатах» сразу несколько полисемантических рифм. Иронично описание польских военных на службе у союзников: «Прямо англичане – да и только, / Все различье – над плечами только» [2. С. 233] (под разли-

чиями имеются в виду погоны, хотя, возможно, речь идет и о голове, сознании). Второе «только» как бы уточняет, а на самом деле перечеркивает значение фразеологизма, уничтожает тождество. Далее о тех же солдатах говорится: «Три давно уж в глубине души / Мертвые для Лондона души».

В стихотворении «Немец», посвященном немецкому коммунисту, персонифицирована песня, которую он исполняет: «Все видели, она одета / Из-под Мадрида, прямо с фронта: / В плащ и кожанку с пистолетом / И тельманку с значком Рот-Фронта» [2. С. 236]. В данном случае Симонову важно сближение понятий, приравнивание войны идеологической к вооруженным действиям.

Несколько неточных рифм, основанных на омонимии и многозначности, скрепляют строки более интимных стихотворений цикла «Друзья и враги». Они окрашены мягким юмором и содержат пропитанные самоиронией ламентации оторванных от дома мужчин. О русских именах, начертанных по-японски, герой говорит: «Иероглифами три имени, / Четвертое – мое, / Но так и не знаем именно, / Где – чье?» [2. С. 254]. Имя как фактор идентификации часто отождествляется с сущностью, носитель имени не может забыть или перепутать его, но здесь это происходит, о чем говорит уточняющая частица. Снова парадоксальность, но теперь уже комическая. Та же самоирония проявляется и в полуомонимической рифме: «Особенно если конечности / Мерзнут до бесконечности» [2. С. 255]. Эффект этой рифмы уже вовсе каламбурный, так как сводит предельно далекие понятия.

Поздние поэмы Симонова совершенно свободны не только от омонимических рифм, но и от игры с многозначными словами в рифмующейся позиции. Единственное исключение составляет фраза, воспроизводящая устную речь, в поэме «Иван да Марья». «Если ж в ноль часов он не будет, / Просит сутки продлить до завтра... / Что вы, Марья Петровна? Будет! / Будет с трубкой сидеть в слезах-то!» [2. С. 477] Здесь рифма связана с тоном мягкого юмора, которым окрашена вся сцена и просьба мужа. Очевидно, что омонимические рифмы все явственней воспринимаются как комический прием.

У позднего Симонова интерес к повтору как способу придания стихам афористической отточенности практически полностью вытесняет игру с омонимами. Так, финал «Госта, услышанного в Дагестане» полостью тавтологичен: «Пусть те, кого мы любим, / Живут, как мы желаем! / И те, кого не любим, / Живут, как мы желаем!» [2. С. 277]. Но очевидно, что слово «желаем» имеет диаметрально противоположное наполнение. В другом коротком стихотворении Симонов возвращается к полутавтологической рифме «видеть» – «ненавидеть». Поэт неоднократно рифмовал эти глаголы в разных словоформах, преимущественно чтобы создать общее поле значений и продемонстрировать сложность отношений. Но у позднего Симонова афористические строки строятся именно на противопоставлении: «Бывает, слово “ненавижу” / Звучит слабей, чем “не увижу”» [2. С. 286].

На фоне интереса к повтору выделяются несколько поздних случаев использования омонимов в рифме. Неточная омонимическая рифма создает острый обличительный эффект в стихотворении из цикла «Вьетнам, зима семидесятого»: «Моя сестра благополучно родила / В землянке, в результате опе-

рации. / Пилот, пустивший “шрайк” из-под крыла, / Цель поразив, сказал своим по рации: / “Я цел, о’кей!” – про эту операцию» [2. С. 287]. Здесь омонимы относятся к разным лицам и, как нигде, четко противопоставляют две точки зрения на одно и то же событие и два мира, которыми они порождены.

Последний случай игры с омонимами мы встречаем в стихотворении 1974 года «То недосуг самих себя чинить...»: «Не оттого ль так часто и хороним, / Что некогда друг друга хоронить?» [2. С. 304]. Омонимы не рифмуются, но вынесены в сильную позицию. «Хоронить» во втором случае используется в значении «беречь», обращение к полисемии повышает смысловую емкость фразы и приближает строки даже не к афоризму, а к парадоксу. Так, в поздних стихотворениях, наряду с новой функцией обособления ключевых строк, происходит возвращение к прежней – обнажать гротескность бытия.

Заключение

Интерес Симонова к омонимической и тавтологической рифме связан с более широким явлением – языковой игрой, основанной на полисемии. В начале творчества названные виды рифмы используются чаще, поэт обращается даже к такой эффектной форме, как составная омонимическая рифма. С годами внешняя броскость таких экспериментов затеняется, поэт выносит омонимы или многозначные слова в сильную позицию конца стиха, но не рифмует между собой. Рифма может выполнять характеризующую функцию, создавая емкий образ героя или времени. Отношения между компонентами рифмы основаны либо на включении частного в общее и повышении роли детали или на противопоставлении рифмующихся слов. В зрелом творчестве омонимические и тавтологические рифмы имеют закрепленную в литературе юмористическую функцию, а в послевоенном творчестве еще и подчеркивают особую отточенность стихотворных афоризмов. Попутно с этими функциями, а иногда и не затрагивая их, рифма становится способом миромоделирования. Используя повторы, семантизируя случайные совпадения, Симонов создает плотный семантический узор, раскрывающий порой гротескные, порой просто неочевидные связи жизненных явлений. Совокупность рассмотренных примеров дает основания утверждать, что для Симонова характерен стойкий интерес к языковой игре. Этот факт позволяет в дальнейшем ставить вопрос об игровом характере поэтики Симонова и требует пересмотра отношения к нему как поэту, не интересующемуся вопросами формы.

Список литературы

- [1] *Лазарев Л.И.* Поэзия Константина Симонова // Симонов К.М. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1982. С. 5–68.
- [2] *Симонов К.М.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1982. 623 с.
- [3] *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
- [4] *Гаспаров М.Л.* Рифмы омонимические и тавтологические // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 2. С. 44–57.
- [5] *Рахимкулова Г.Ф.* Языковая игра в прозе Владимира Набокова. К проблеме игрового стиля: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2004. 46 с.

- [6] Корниенко О.А. Игровая поэтика в литературе. Киев: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2017. 242 с.
- [7] Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: УралГПИ, 1996. 215 с.
- [8] Симонов К. Повесть о трех братьях // Знамя. 1936. № 8. С. 164–168.
- [9] Симонов К. Возвращение // Октябрь. 1937. № 7. С. 140–146.
- [10] Симонов К. Павел Черный. М.: Советский писатель, 1938. 83 с.
- [11] Холшевников В.Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. М.: Академия, 2004. 208 с.
- [12] Жирмунский В. Теория стиха. Л.: Советский писатель, 1975. 664 с.
- [13] Тынянов Ю. Проблемы поэтического языка. Л.: Academia, 1924. 139 с.
- [14] Гаспаров М.Л. Очерки истории русского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 349 с.
- [15] Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. Л.: Учпедгиз, 1959. 535 с.

References

- [1] Lazarev, L.I. (1982). Poeziya Konstantina Simonova [Constantine Simonov's poetry]. In K.M. Simonov, *Stikhotvoreniya i poemu* [Poetries and Poem]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ.
- [2] Simonov, K.M. (1982). *Stikhotvoreniya i poemu* [Poetries and Poem]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ.
- [3] Lotman, Yu.M. (1970). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of the artistic text]. Moscow: Iskusstvo Publ.
- [4] Gasparov, M.L. (2011). Rifmy omonimicheskie i tautologicheskie [Homonymous and tautological rhymes]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 70(2), 44–57.
- [5] Rakhimkulova, G.F. (2004). *Yazykovaya igra v proze Vladimira Nabokova. K probleme igrovogo stilya* [Language game in Vladimir Nabokov's prose: To the problem of game style] (abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Rostov-on-Don.
- [6] Kornienko, O.A. (2017). *Igrovaya poetika v literature* [Play-element poetics in literature]. Kiev: Vid-vo NPU imeni M.P. Dragomanova Publ.
- [7] Gridina, T.A. (1996). *Yazykovaya igra: Stereotip i tvorchestvo* [Language game: Stereotype and creativity]. Yekaterinburg: UralGPI Publ.
- [8] Simonov, K. (1936). Povest' o trekh brat'yakh [Tale of three brothers]. *Znamya*, (8), 164–168.
- [9] Simonov, K. (1937). Vozvrashchenie [Return]. *Oktyabr'*, (7), 140–146.
- [10] Simonov, K. (1938). *Pavel Chernyi* [Pavel Chernyi]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ.
- [11] Kholshchikov, V.E. (2004). *Osnovy stikhovedeniya. Russkoe stikhoslozhenie* [The basics of poetry. Russian versification]. Moscow, Akademiya Publ.
- [12] Zhirmunskii, V. (1975). *Teoriya stikha* [The theory of verse]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ.
- [13] Tyunyanov, Yu. (1924). *Problemy poeticheskogo yazyka* [The problem of verse language]. Leningrad, Academia Publ.
- [14] Gasparov, M.L. (2000). *Ocherki istorii russkogo stikha* [Essay on the history of Russian verse]. Moscow, Fortuna Limited Publ.
- [15] Tomashevskii, B.V. (1959). *Stilistika i stikhoslozhenie* [Stylistics and versification]. Leningrad, Uchpedgiz Publ.

Сведения об авторах:

Коржова Инесса Николаевна, докторант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Леденёв Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Bio notes:

Inessa N. Korzhova, doctoral student of the Department of the History of the Newest Russian Literature and the Modern Literary Process of the Lomonosov Moscow State University.

Alexander V. Ledenev, Professor of the Department of the History of the Newest Russian Literature and the Modern Literary Process of the Lomonosov Moscow State University.

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-639-647

UDC 821.161.1

Research article / Научная статья

The English trace in the heading-final complex of Anna Akhmatova's "Poem without a Hero"

Lyubov G. Kikhney¹, Anna V. Lamzina²

¹Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov
21 Entuziastov Highway, Moscow, 111024, Russian Federation

²Moscow Institute of Physics and Technology

9 Institutskii Lane, Dolgoprudnyi, 141701, Russian Federation

lgkikhney@yandex.ru; alamzina@mail.ru

Abstract. The specificity of the heading-final complex of Anna Akhmatova's "Poem without a Hero" ("Poema bez geroya") is based on the fact that the semantics of the components included in it refers to several sources at once, and allusions to the works of English romantics, authors of poems, play the most important role among the components included in the poem's frame, and above all to J.G. Byron. The relevance of the undertaken research is due to the application of an integrated approach to the analysis of the elements of the frame text "Poem without a Hero": not only primary, but also secondary and tertiary allusions, playing with the reader's perception and his knowledge of predecessor texts are considered. The purpose of the study is to identify the "English trace" in "Poem without a Hero" and the ways of its manifestation through the heading-final complex. The authors trace the genealogy of "Poem without a Hero" from Byron to Pushkin and to the nominally absent, but implicitly animated, hero of Akhmatova's poem. Research objectives are defined as the study of the framework text as an essential element of the poem, identification of the features of the frame text and its intertextual links, comparison of epigraphs in the poem with notes, comments and critical articles of the author. The authors show that the poet often "hides" Byronic allusions in the reception from Pushkin's poems (mainly "Eugene Onegin"), placing them in the heading-final complex. The article proves that this technique is used by Akhmatova to build the genre genealogy of her own poem, which goes back to the tradition of English romantic poems, mediated by the tradition of A. Pushkin. The reason for turning to this tradition, according to the authors, lies in the tragic personal and epoch-making collisions, the genre interpretation of which could become the transformed Akhmatova canon of the romantic poem, the founder of which was Lord Byron.

Keywords: frame of the work, title, dedication, epigraph, notes, heading-final complex, canon of a romantic poem, intertext

Article history: received – 5 September 2020; revised – 7 September 2020; accepted – 14 September 2020.

For citation: Kikhney, L.G., & Lamzina, A.V. (2020). The English trace in the heading-final complex of Anna Akhmatova's "Poem without a Hero". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 639–647. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-639-647>

Английский след в заголовочно-финальном комплексе «Поэмы без героя» Анны Ахматовой

Л.Г. Кихней¹, А.В. Ламзина²

¹Институт Международного права и экономики имени А.С. Грибоедова
Российская Федерация, 111024, Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21

²Московский физико-технический институт
Российская Федерация, 141701, Долгопрудный, Институтский пер., д. 9
lgkikhney@yandex.ru; alamzina@mail.ru

Аннотация. Специфика заголовочно-финального комплекса «Поэмы без героя» Анны Ахматовой заключается в том, что семантика компонентов, входящих в раму поэмы, отсылает сразу к нескольким источникам, и важнейшую роль среди этих компонентов играют аллюзии к произведениям английских романтиков, авторов поэм и прежде всего к Дж.Г. Байрону. Актуальность предпринятого исследования обусловлена применением комплексного подхода к анализу элементов рамочного текста «Поэмы без героя»: рассмотрены не только первичные, но и вторичные и третичные аллюзии, игра с восприятием читателя и его знаниями о текстах-предшественниках. Цель исследования заключается в выявлении «английского следа» в «Поэме без героя» и способов его манифестации через заголовочно-финальный комплекс. Авторы прослеживают генеалогию «Поэмы без героя» от Байрона к Пушкину и к номинально отсутствующему, однако имплицитно мультиплицированному герою поэмы Ахматовой. Задачи исследования определяются как изучение рамочного текста в качестве важнейшего элемента поэмы, выявление особенностей рамочного текста и его интертекстуальных связей, сопоставление эпиграфов в поэме с заметками, комментариями и критическими статьями автора. Результаты исследования позволили убедительно продемонстрировать, что поэтесса нередко «прячет» байроновские аллюзии в рецепции из пушкинских поэм (преимущественно «Евгения Онегина»), помещая их в заголовочно-финальный комплекс. В статье доказывается, что этот прием применяется Ахматовой для выстраивания жанровой генеалогии собственной поэмы, восходящей к традиции английских романтических поэм, опосредованных традицией А.С. Пушкина. Причина обращения к этой традиции, вероятно, лежит в трагических личностных и эпохальных коллизиях, жанровым осмыслением которых смог стать преображенный Ахматовой канон романтической поэмы, родоначальником которой был лорд Байрон.

Ключевые слова: рама произведения, заглавие, посвящение, эпиграф, примечания, заголовочно-финальный комплекс, канон романтической поэмы, интертекст

История статьи: поступила в редакцию – 1 сентября 2020 г.; принята к публикации – 14 сентября 2020 г.

Для цитирования: Kikhney L.G., Lamzina A.V. The English trace in the heading-final complex of Anna Akhmatova's "Poem without a Hero" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 639–647. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-639-647>

Introduction

In modern literary criticism, the beginning and end of a text (or parts of it) is usually denoted by the term heading-final complex or text frame (French – *cadre*, English – *frame*, German – *Rahmen*, Spanish – *marco*). The beginning of the text (highlighted graphically) may include the following components: name (pseudonym)

of the author, title, subtitle, dedication, epigraph(s), preface (introduction, preface, in some cases – prologue). The main text can be provided with author's notes, which are printed either on the bottom margin of the page, or after the main text.

The obligatory/optional nature of certain framework components is largely determined by the genre of the work. The most important of them for epic and dramatic works, lyric poetry of “large forms”, lyro-epic is the title. The organizing role of the framework components is especially evident when referring to works that have a complex composition, in which stylistically heterogeneous components are combined. It is to such works that Anna Akhmatova’s “Poem without a Hero” (“Poema bez geroya”) belongs to such works.

The purpose of research

One of the striking features of the “Poem without a Hero” framework is its intertextual nature. Almost all the components – the title, subtitle, epigraphs, preface, notes refer to the texts of both Russian and foreign predecessors, mostly classics. In this article, we set ourselves the task of isolating, among the numerous intertextual references contained in the frame of “Poem without a Hero”, an English trace, or rather a trace of an English romantic poem.

Scientific content and methods

It is important to note that a literary text, while functioning simultaneously as a separate work and at the same time enters into a “dialogical relationship” not only with the reader, but also with other texts. Epigraphs (most of which are quotations), genre subtitles (implying the presence of a certain literary series) emphasize the openness of the text boundaries, its correlation (sometimes through irony and negation) with the texts of other authors and other eras. It follows that the framework components of the heading-final complex should be considered not separately, but in their connection with each other and with the main text of the work, since the functions they perform can be redistributed both among themselves and between the inline components.

With the help of intertextual, system-typological and receptive methods, we will reveal the reasons for Akhmatova's indexed appeal to the discourse of the English poem and to her outstanding creators.

Review

An extensive literature is devoted to the interpretation of the intertexts of “Poem without a Hero”, Akhmatova's dialogue with Russian and world classics, although the actual English reception of the poem has been studied to a lesser extent.

Let's point out some of the works that have already become classics, relevant for our research: such as V. Musatov, T. Tsiviyan, R. Timenchik, L. Dolgoplov, V. Zhirmunskiy [1–6]. Of the latest works in terms of identifying Western European, including English, receptions in “Poem without a Hero”, the article is especially valuable to us is the article by G. Mikhailova [7]. The article by O. Rubinchik [8] was also important for our research. Also the book by G. Kruzhkov [9], the fragment of chapter eight devoted to the recalls by Akhmatova and

Yeats. Also the article by E. Kulikova [10] was significant, and in it the problem of intertextual dialogue is presented as a version of the intersubjective polylogue.

The semantics and poetics of the title complex of the Akhmatov poem have also repeatedly become the object of attention of researchers. Especially in this regard, Akhmatov's epigraphs were "lucky". There are a number of studies devoted to the epigraphs to "Poem without a Hero" like the work by T. Tsiviyan, V. Zhirmunskiy, D. Batalov [11–15]. Also the significant relevant works were made by the commentators and publishers of the poem: N. Kraineva, O. Filatova and Yu. Tamontseva [16], who, firstly, collected, systematized and commented on the epigraphs to different editions and lists of the poem, and secondly, gave the necessary comments to them. As our cursory review shows, there are currently no special works devoted to the reflection of the topic of the English poem in the heading-final complex "Poem without a Hero", which makes the topic of this study especially relevant.

Research results

According to our observation, the English "trace" in "Poem without a Hero" in a number of cases is given not explicitly, but secretly, and is often hidden in references to Russian classics, most often to A.S. Pushkin. We will try to figure out the reasons for this "concealment", leading to the effect of an intertextual "puff pie".

Consider the references to "Eugene Onegin". The first epigraph is "There are no others, but those are far away" ("Inykh uzh net, a te daleche"). Pushkin puts it before the prosaic preamble "Instead of a Preface" ("Vmesto predisloviya"), that is, it opens the poem. It expands and at the same time encrypts the meaning of the preface, indicating the hidden motives of the poem (its requiem "echo"). But its semantic function lies not only in this: the epigraph specifies the algorithm of "mirror writing" necessary for the author to build the intertextual genesis of his poem.

We should pay attention to the fact that the author gives a reference to Pushkin's quote, which, in the context of 51 stanza of chapter eight of "Eugene Onegin", refers to Saadi's quote: "But those to whom in a friendly meeting / I read the stanzas first... / There are no others, and those are far away, / As Sadi once said" ("No te, kotorym v druzhnoy vstreche / Ya strofy pervyye chital... / Inykh uzh net, a te daleche, / Kak Sadi nekogda skazal") [17]. But Saadi (Sadi) at that time was not yet translated into Russian, but was perceived by Pushkin in the context of the romantic poems of Thomas Moore ("Lalla Rook") and Byron ("The Siege of Corinth") [18].

Thus, the epigraph became a cipher, the key to which was in the source text (Pushkin's poem "Eugene Onegin"). But this source, in turn, referred to another source, namely – to Saadi and at the same time – to English romantic poems with an "oriental" flavor. The "oriental" poems of Moore and Byron Akhmatova, who professionally studied the origins of Pushkin's work, undoubtedly took into account when building the genre genesis of the poem. But here, of course, is a reference to the "eastern" poem of Pushkin himself – to the "The Fountain of Bakhchisaray", where the name of Saadi first appeared.

The principle of using genre references in a double function (as a semantic code and as a way to expand the receptive field) Akhmatova reveals in one of

the “Editor’s Notes” (“Primechaniya redaktora”). Commenting on the technique of skipping stanzas, in a number of editions, including the last, 9th (1963) in the 21st note, she explains: “The skipped stanzas are an imitation of Pushkin. See “About “Eugene Onegin” (“O Evgeni Onegine”): “I also humbly confess that there are two missing stanzas in ‘Don Juan’, wrote Pushkin” [19. P. 345]. Pushkin in his article “Refutation of Critics and Comments on Own Works” (“Oproverzheniye na kritiki i zamechaniya na sobstvennyye sochineniya”) (1830), before the quoted phrase by Akhmatova, writes: “The missed stanzas have repeatedly given cause for censure. That there are stanzas in ‘Eugene Onegin’ that I could not or did not want to print is nothing to be surprised at. But when they are released, they break the connection of the story, and therefore the place where they were supposed to be is signified. It would be better to replace these stanzas with others or to transport and merge the ones I have saved...” [20]. Comparison of Akhmatova’s note with the cited Pushkin’s note convinces us that Akhmatova “imitates” the “secret writing” of the Russian classic, who points out the omission of uncensored stanzas by referring to Byron’s authority. The reference to Pushkin assumes that the reader is aware of the censorship reasons for missing stanzas in “Eugene Onegin”, which suggests that in “Poem without a Hero”, there should be “seditious”, “hidden” stanzas in place of the omissions.

Akhmatova’s (and in anamnesis) Pushkin’s game with the reader is aggravated by the fact that in Byron’s “Don Giovanni” the missing stanzas appeared precisely for censorship reasons, but without the author’s knowledge. Look Byron’s reproaches in a letter to Murray (August 31, 1821): “Upon what principle have you omitted the note on Bacon & Voltaire? and one of the concluding stanzas sent as an addition? ...I desire the omissions to be replaced (except the stanza on Semiramis) particularly the stanza upon the Turkish marriages” [21. Pp. 109–110].

It is easy to see that the demonstrated intertextual chain (when the frame text refers to another text (in this case, to Pushkin’s), which, in turn, refers to the third text or to several texts at once, is the very “mirror letter”, about which Akhmatova writes in “Reshka” as her discovery.

As we can see, one of the “assemblage points” of intertextual projections is the genre “gene” of the romantic poem, which Akhmatova – through Pushkin – erected to the English romantics and, above all, to Byron. Byron’s poems are perceived by her as a standard example of romantic poems, the forerunner of Pushkin’s poems, including “Eugene Onegin”, whom she also considered a poem. N. Roskina cites Akhmatova’s judgment on this topic: “About ‘Don Juan’ by Byron: ‘Great, but our ‘Onegin’ fluttered out of it like a butterfly!’ ” [22. P. 530].

At the same time, the genesis of “Poem without a Hero” goes back, in the view of Akhmatova, goes back to Byronic poems, and more broadly – to English romantic poems – as canonical examples of romantic poems in general. Let’s prove it.

First, the poetess gives the title to her poem, based on the first verse of Byron’s poem “Don Juan” – “I want a Hero!”. This reference was first mentioned by V. Zhirmunsky, who explains that “Byron complains that in modern times there are no heroes for a poem” [12. P. 513]. In the “Prose about the Poem” (“Proza o poeme”) Akhmatova comments on the title of the “Triptych” (“Trip-

tikh”): “The one who is mentioned in its title <...> is really not in the poem, but much is based on his absence...” [19. P. 358].

Secondly, Akhmatova identifies the image of the “romantic poem” with Byron’s “Beppo”. Thus, in the notes to the fourth edition (1946) of “Poem without a Hero”, we read: “The Centenary enchantress is a romantic poem, like Byron’s ‘Beppo’ ” [19. P. 660].

Thirdly, Akhmatova puts an epigraph from Byron’s “Don Juan” to the early editions of the “Triptych”, in particular to the first edition (1942): “In my hot youth, when George the III was King... / Don Juan” [16. P. 165].

In addition, these allusions, placed in the heading complex, are supported by receptions for Byron's works in the text of the poem itself. Thus, the author refers the reader to Byron's poem “Manfred” by means of the phrase “Manfred’s spruce” (“Manfredovy eli”) [19. P. 340]. Moreover, this image appears in the context of meta-descriptive reasoning about the romantic poem. The very mention of Byron's name is also significant: “And George held the torch” [“I fakel Georg derzhal”] [19. P. 340] in “Reshka”.

But the last of the specified receptions of Byron is a projection not on a literary text, but on a life one, referring to the tragic situation of Shelley's funeral, at which Byron was present. Therefore, references to Shelley are in the same row of the poem's appeal not only to art, but also to collisions of life.

On the one hand, Shelley is important for Akhmatova as the author of romantic poems, one of which, namely the tragedy poem “Chenchi”, she was going to translate in 1936. In addition, Akhmatova was interested in his philosophical study “Defense of Poetry”, which, according to G. Mikhailova [7], was reminiscently reflected in the first chapter of the poem – in the context of discussions about the “poet in general”. These reminiscences show that Akhmatova knew this treatise well. In it, Shelley gave a “meta-meaningful” definition of the genre of the poem, which should have appealed to Akhmatova. The poem, in Shelley's interpretation, – “...is a picture of life, depicting what is eternally true in it. The difference between the story and the poem is that the story is a list of separate facts connected only by the relations of time, place, circumstances, cause and effect; in the poem, the action is subordinated to the unchanging principles of human nature, as they exist in the consciousness of their creator, reflecting all other consciousnesses. The first is something private, referring only to a certain time and to certain combinations of events that may never be repeated; the second is something universal, containing the beginnings of kinship with any motives or actions possible for human nature” [23. P. 483].

On the other hand, the mention in the XXV stanza – in the context of reasoning about the origins of “Poem without a Hero”, about Shelley’s tragic death and his cremation on the seashore – refers not only to the literary traditions of English romantics (note that the stanza also contains an allusion to the poem Shelley “To the Skylark”, the title and authorship of which is disavowed in the 24th footnote in the “Editor's Notes” [19. P. 345]), but to the “text of life”, in which both legislators of the genre of the English romantic poem are united:

...to the shore where Shelley is dead,
Looking straight into the sky, lying, –
And all the larks of the whole world
Tore apart the abyss of ether
And Georg held the torch
[19. P. 340].

...na bereg, gde mertvyi Shelli,
Pryamo v nebo glyadya, lezhal, –
I vse zhavoronki vsego mira
Razryvali bezdnu efira,
I fakel Georg derzhal.

Akhmatova needs a reference to the biographical situation, because one of the central collisions of the poem is the death of the Poet. Thus, Shelley's death serves as a prelude to the tragic deaths of poets of the 20th century and is projected onto their biographical code.

The topic of Shelley's funeral also becomes a code for the death of Mandelstam (the second addressee of "Dedication" to "Poem without a Hero"), which is indicated in the title date – December 27, 1940 – the second anniversary of the poet's death. In "Dedication" the same semantic signs are found – eyes/gaze, sea, smoke, needles, burial [19. P. 320], as in stanza XXV, and they refer to Mandelstam's poetics of the period of the Cherdyn and Voronezh exile. So, in "Dedication" are hidden quotes from Mandelstam's poems of the "Voronezh" period, such as, for example, "Not a mealy white butterfly..." ("Ne muchnistoy babochkoyu beloy..."), "Having deprived me of the seas, running and flying..." ("Lishiv menya morey, razbega i razleta..."), "The day was about five heads..." ("Den' stoyal o pyati golovakh..."). One gets the impression that the supporting images of these poems (eyes, sea, needles, funeral) Akhmatova implicitly includes both in "Dedication" and in stanza XXIII.

But the situation of Shelley's funeral is interpreted not only in the aspect of realities of life, but also in autometatextual terms. Thus, it is curious that the episode of Byron Shelley's burial with the culminating collision of Akhmatova's early poem "Near the Sea" ("U samogo morya"), the hero of which, the prince, like Shelley, drowned while sailing on a yacht, seems curious. The drowned prince (just like Shelley) looked at the sky (cf.: "He lay quietly and looked at the sky" ("Tikho lezhal i glyadel na nebo")). It is also noteworthy that the burial of Shelley and the death of the tsarevich are accompanied by "bird" motives (cf. in the poem "Near the Sea" ("U samogomorya"): "Swallow, swallow, how it hurts!" ("Lastochka, lastochka, kak mne bol'no!").

These literary and biographical roll-overs place Akhmatova's early poem in the same genealogical paradigm as "Poem without a Hero". It follows from this that Akhmatova actualizes in the "Triptych" the tradition of English romantic poems, onto which she projects not only "Poem without a Hero", but her first poem as well.

Conclusion

As a result, the English romantic poem acts as a paradigmatic structure, projected, on the one hand, on Akhmatova's poems written in this genre; on the other hand, on certain biographical situations that can be read through a romantic code. In romantic discourse, according to Akhmatova, the boundaries between life and art are erased. And the genre of the romantic poem is revived in "Poem without a Hero" precisely because life situations themselves gave this foundation. That is why Shelley's death grows into the text of the "Triptych" and becomes an "accumulator" of similar situations, both literary and real-life.

The genre patterns of the English romantic poem became for the poet a way of crystallizing life's collisions. The English romantic poem, mediated by the tradition of Pushkin's romantic poems, thus turns out to be a kind of cultural universal, a kind of “categorical grid” within which the tragic aspects of being and consciousness are being comprehended. The archetype of the romantic poem, according to Akhmatova, typologically generalizes the fateful collisions of the poet's fate.

References

- [1] Musatov, V.V. (1992). *Pushkinskaya traditsiya v russkoy poezii pervoy poloviny XX veka: Ot Annenskogo do Pasternaka* [The Pushkin Tradition in Russian Poetry of the First Half of the 20th Century: From Annensky to Pasternak]. Moscow, Prometei Publ.
- [2] Tsviyanyan, T.V. (1971). Zametki k deshifrovke “Poemy bez geroya” A. Akhmatovoy [Notes on deciphering “Poem without a Hero” by A. Akhmatova]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on Sign Systems], V, 255–277.
- [3] Timenchik, R.D. (1971). Neskol'ko primechaniy k stat'ye T. Tsviyanyan (zametki k deshifrovke “Poemy bez geroya”) [Several notes to the article by T. Tsviyanyan (notes on decryption “Poems without a Hero”). *Trudy po znakovym sistemam* [Works on Sign Systems], V, 278–289.
- [4] Dolgopolov, L.K. (1979). Po zakonam prityazheniya (o literaturnykh traditsiyakh v “Poeme bez geroya” Anny Akhmatovoy) [According to the laws of attraction (about literary traditions in “Poem Without a Hero” by Anna Akhmatova)]. *Russkaya literatura* [Russian literature], (4), 38–57.
- [5] Zhirmunskiy, V.M. (1973). *Tvorchestvo Anny Akhmatovoi* [The works by Anna Akhmatova]. Leningrad, Nauka Publ.
- [6] Zhirmunskiy, V.M. (1978). *Bairon i Pushkin* [Byron and Pushkin]. Leningrad, Nauka Publ.
- [7] Mikhaiolva, G.P. (2003). “Mif o poete” Anny Akhmatovoy v zapadno-evropeyskom literaturnom kontekste: Intertekstual'nyi analiz [“The Myth of the Poet” by Anna Akhmatova in the Western European literary context: Intertextual analysis”]. *Respectus Philologicus*, 3(8). Retrieved October 14, 2020, from <http://filologija.vukhf.lt/3-8/mixajlova.htm>
- [8] Rubinchik, O.E. (2008). Shelli i Bayron v “Poeme bez geroya”: Izobrazitel'nyi podtekst [Shelley and Byron in “Poem without a Hero”: Pictorial subtext]. *Anna Akhmatova: Epokha, sud'ba, tvorchestvo. Krymskiy Akhmatovskiy nauchnyy sbornik* [Anna Akhmatova: Era, fate, creativity. Crimean Akhmatovsky scientific collection], (6), 158–191.
- [9] Kruzhkov, G.M. (2001). *Nostalgia obeliskov* [Nostalgia of the monuments]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
- [10] Kulikova, E.Yu. (2014). “Progulki s Pushkinym” Anny Akhmatovoy [“Walking with Pushkin” by Anna Akhmatova]. *European Social Science Journal*, 7(3), 239–246.
- [11] Tsviyanyan, T.V. (2001). Ob odnom akhmatovskom sposobe vvedeniya chuzhogo slova: Epigraf [On one Akhmatov's way of introducing someone else's word: Epigraph]. In T.V. Tsviyanyan, *Semioticheskiye puteshestviya* [Semiotic travel] (pp. 184–195). Saint Petersburg, Izdatelstvo Ivana Limbakha Publ.
- [12] Zhirmunskiy, V.M. (1979). Primechaniya [Notes]. In A. Akhmatova, *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel Publ. (pp. 445–523).
- [13] Batalov, D.V. (2017). Syuzhetnaya dinamika epigrafov k tret'yey glave “Poemy bez geroya” Anny Akhmatovoy [Plot dynamics of epigraphs to the third chapter of “Poem without a Hero” by Anna Akhmatova]. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*, 27(2), 210–218.
- [14] Batalov, D.V., & Serova, M.V. (2016). Mekhanizmy transformatsii parateksta v “Poeme bez geroya” na primere strukturno-semanticheskoy svyazi tryokh epigrafov [The mechanisms of transformation of the paratext in “Poem without a Hero” on the example of the structural-semantic connection of three epigraphs]. In L.F. Kilina (Ed.), *Yazyk i*

literatura v nauchnom dialoge. Spetsial'nyy vypusk: Integrativnyye protsessy v filologii [Language and Literature in Scientific Dialogue. Special issue: Integrative processes in philology]: Collection of scientific articles (pp. 141–154). Izhevsk, Udmurtskiy universitet Publ.

- [15] Batalov, D.V. (2017). “Peterburgskiy tekst” v epigrafakh k “Poeme bez geroya” Anny Akhmatovoy [“Petersburg text” in the epigraphs to the “Poem without a Hero” by Anna Akhmatova]. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*, 27(5), 675–681.
- [16] Kraineva, N.I., & Filatova, O.D. (2009). “Ya ne takoytebyakogda-to znala...”: Anna Akhmatova. *Poema bez Geroya. Proza o Poeme. Nabroski baletnogo libretto: Materialy k tvorcheskoy istorii [“I once knew you not like that...”: Anna Akhmatova. Poem without a Hero. Prose about the Poem. Sketches of a Ballet Libretto: Materials for a creative history]*. Saint Petersburg, Mir Publ.
- [17] Pushkin, A.S. (2002). *Sochineniya [Works]*. Moscow, Olma-Press.
- [18] Rakov, V.D. (n.d.). Saadi. *Elektronnyye publikatsii Instituta russkoy literatury (Pushkinskogo Doma) RAN [Electronic publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of RAS]*. Retrieved October 14, 2020, from <http://pushkinskiydom.ru/>
- [19] Akhmatova, A. (1990). *Sochineniya [Works]* (vol. 1). Moscow, Pravda Publ.
- [20] Pushkin, A.S. (n.d.). *Oproverzheniye na kritiki I zamechaniya na sobstvennyye sochineniya [Refutation to criticism and comments on own compositions]*. Retrieved October 14, 2020, from <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st040.shtml>
- [21] Cochran, P. (Ed.). (n.d.). *Byron's Correspondence with John Murray, 3: 1820–1824*. Retrieved October 20, 2020, from <https://petercochran.files.wordpress.com/2010/09/byron-and-murray-1820-18241.pdf>
- [22] Roskina, N. (1991). “Kak budto proshchayus' snova...” [“As if I say goodbye again...”]. *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoy [Memoirs about Anna Akhmatova]* (pp. 520–546). Moscow, Sovetskii pisatel Publ.
- [23] Shelley, P.B. (1977). A Defence of Poetry or Remarks Suggested by an Essay Entitled “The Four Ages of Poetry”. In D.H. Reinam & Sh.B. Powers, *Shelley's Poetry and Prose. Authoritative Texts. Criticism* (pp. 480–525). New York, W.W. Norton & Company Inc.

Bio notes:

Lyubov G. Kikhney, PhD, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature of the Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0342-7125>.

Anna V. Lamzina, senior methodist of the Department of Foreign Languages of the Moscow Institute of Physics and Technology. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6464-9675>.

Сведения об авторах:

Кихней Любовь Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы факультета журналистики Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0342-7125>.

Ламзина Анна Владиславовна, старший методист департамента иностранных языков Московского физико-технического института. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6464-9675>.

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-648-656

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Поэтика ориентализма: повесть Леонида Соловьева «Кочевье»

Э.Ф. Шафранская, Т.В. Волохова

Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4
shafranskayaef@mail.ru; tvvolokhova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема ориентализма в литературе, суженная до вопроса «русского ориентализма» и его советского извода. Среди русских литературных ориенталистов упомянуты имена Николая Каразина, Андрея Платонова. Обозначены отличия советского ориентализма от ориентализма XIX века. Намечены перспективы исследования «Узбекистанских импрессион. Сальпр-Гюль» (1933) Сигизмунда Кржижановского и романа Павла Зальцмана «Средняя Азия в Средние века» (1930-е годы) в парадигме, представленной в статье. Впервые подробно анализируется повесть русского писателя XX века Леонида Васильевича Соловьева «Кочевье», написанная в 1929 и опубликованная в 1932 году. Одним из главных приемов ориентальной поэтики Леонида Соловьева названо обращение к фольклорной, обрядовой, ритуальной жизни народов Средней Азии. Повествователь Соловьева не традиционный для ориентализма сторонний наблюдатель чужой, а потому экзотической картины мира. В поэтике Соловьева субъект повествования слит с его объектом, представляет единое целое: русская литературы заговорила голосом чужеземца. Материал статьи отвечает тем интенциям, которые намечены в современных постколониальных штудиях.

Ключевые слова: русский ориентализм, советский ориентализм, Леонид Соловьев, фольклор, Средняя Азия, постколониальная проблематика в литературе

История статьи: поступила в редакцию – 15 августа 2020 г.; принята к публикации – 30 августа 2020 г.

Для цитирования: Шафранская Э.Ф., Волохова Т.В. Поэтика ориентализма: повесть Леонида Соловьева «Кочевье» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 648–656. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-648-656>

Orientalism poetics: story by Leonid Solovyov “The Nomad”

Eleonora F. Shafranskaya, Tatyana V. Volokhova

Moscow City Pedagogical University
4 2-oi Selskokhozyaystvennyi Dr, Moscow, 129226, Russian Federation
shafranskayaef@mail.ru; tvvolokhova@gmail.com

Abstract. The article deals with the problem of orientalism in literature, narrowed to the question of “Russian orientalism” and its Soviet derivation. The names of Nikolai Karazin and Andrey Platonov are mentioned among Russian literary Orientalists. The researchers

identify the differences between Soviet Orientalism and the Orientalism of the XIX century. The analytical paradigm presented in the article outlines the prospects for the scientific study of “Uzbek impressions. Salir-Gul” (1933) by Sigismund Krzyzanowski and Pavel Zaltzman's novel “Central Asia in the Middle Ages” (1930s). For the first time, the novel “The nomad” (“Kochevye”) by the Russian writer of the twentieth century Leonid Solovyov written in 1929 and published in 1932 is analyzed in detail. Appeal to the folklore, ceremonial, and ritual life of the peoples of Central Asia becomes one of the main techniques of Leonid Solovyov's Oriental poetics. Solovyov's narrator is not a traditional orientalist observer of an alien, and therefore exotic, picture of the world. In Solovyov's poetics, the subject of the story merges with its object and represents a single whole: Russian literature spoke in the voice of a stranger. The material of the article corresponds to the intentions outlined in modern postcolonial studies.

Keywords: Russian Orientalism, Soviet Orientalism, Leonid Solovyov, folklore, Central Asia, postcolonial problems in literature

Article history: received – 15 August 2020; revised – 18 August 2020; accepted – 25 August 2020.

For citation: Shafranskaya, E.F., & Volokhova, T.V. (2020). Orientalism poetics: Story by Leonid Solovyov “The Nomad”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 648–656. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-648-656>

Введение

Русский писатель XX века Леонид Васильевич Соловьев известен своей романной дилогией о Ходже Насреддине, вобравшей в себя устное словесное творчество Средней Азии, приметы ландшафта, городских локусов, обрядовой и социальной жизни Туркестанского края (перечисленный ряд входит в набор паттернов туркестанского текста русской культуры [1]) – все то, что полюбил Соловьев, немало лет проживший в тех краях.

Актуальность нашей статьи связана с новой, постсоветской рецепцией творчества Л. Соловьева. Большинство исследователей XX века обходило период в биографии писателя, связанный с арестом и заключением (даже в исследовании 1980 года И.В. Кольцовой [2] об этом не упоминается). В XXI веке о биографии «забытого» писателя Леонида Соловьева с акцентом на трагических перипетиях его судьбы написан ряд статей (среди которых и статья одного из авторов настоящего материала [3]).

Настало время включить творчество Л. Соловьева в дискурс ориенталистских и посториенталистских штудий. По словам литературного критика А.И. Рейтблата, проблематика русского ориентализма существует, и она «постепенно разрабатывается, по большей части на материале жизни и деятельности того или иного востоковеда или человека искусства» [4. С. 392]. Таким образом, нашей статьей мы попытаемся включиться в процесс исследования русского ориентализма.

Представленный материал имеет целью показать особенности поэтики русского ориентализма XX века на примере одной повести Соловьева «Коcheвье», никем не исследованной прежде.

В «постсаидовском» дискурсе под ориентализмом принято понимать изображение Востока с позиции человека западных ценностей – с позиции пре-восходства. И какими бы ни были точки зрения оппонентов Эдварда Саида,

от такого толкования уже не уйти. Сегодня в науке исследуется прецедент «русского ориентализма», вызревшего в процессе колониальных и постколониальных рефлексий XIX–XX веков.

Обсуждение

В формирование русского ориентализма внес заметный вклад писатель XIX века Николай Каразин [5; 6]. Огромное по объему его творчество – публицистика и беллетристика – стало азбукой для всех последующих ориенталистов XX века. Даже если мы не находим частных свидетельств и упоминаний о Каразине у ряда авторов, сути дела это не меняет: у Каразина учились все ориенталисты, его имя и проза стали альфой и омегой русского ориентализма. Однако собственно «русский ориентализм» претерпевает некоторое изменение в советский период (назовем его «советский ориентализм»). Мы обнаружили, как минимум, *два отличия*, две новых ноты.

Первое: в изображении – в палитре от удивления до осуждения – нравов, быта, социальных условий жизни «туземцев» звучит надежда на скорую цивилизацию, которая придет со стороны русских завоевателей – таков канон русского ориентализма XIX века.

В культуртрегерском портфолио Каразина есть несколько записанных им от среднеазиатских сказителей фольклорных текстов (посредством переводчика), в частности, «Сказка о женском ханстве» [7] и легенда «Кара-джигит» [8]. Оба они имеют схожий финал: спасение от зла приходит (или должно прийти) со стороны России, прямо не названной в повествовании, но угадываемой в ряде прозрачных характеристик:

«А собьет те замки, повалит стены, развеет горе, вытрет слезы... одна женщина... Придет, прилетит эта чудная с далекого севера, волосы у нее будут, как снег, белые, глаза, как море синее, груди, как горы, льдом покрытые... и польется молоко-благодать из тех грудей на наши головы женские...» [7. С. 294].

«Чудная была эта девочка, малая, слабая, ребенок ребенком, волосы светлые, серебристее ковыля степного, в жаркую пору высохшего, глаза голубые, как небо весною, белое личико, белое тело... Привез ее мать батыр один, из наших, привез из-под “Орска, с севера”, забарантовал в набеге...» [8. С. 799].

Можно предположить, что эти два финала-прогноза звучат именно в присутствии русского фольклориста, не без желания угодить писателю-офицеру, в лице которого народный сказитель видит новую власть. Для ряда текстов, которые удалось записать Каразину, характерно прямо или опосредованно выраженное отношение фольклорного рассказчика к власти русских колонизаторов – от льстивого (в упомянутых выше текстах) до враждебного (например, в проповеди о белом верблюде из романа «Погоня за наживой» [5. С. 373–378]).

«Советский ориентализм» несколько меняет цивилизационную парадигму: *счастье* придет со стороны большевиков, советской власти. Оппозицией ориенталистского канона становится не *местное/русское* (где «местное» имеет обертоны – дикое, дремучее); новая оппозиция «подкорректирована»:

местное/советское (где «местное» выступает в симбиозе с колонизаторским-русским). Наглядно эта оппозиция выражена в повести Андрея Платонова «Джан»: Суфьян «одет был в старинную шинель русского солдата времен хивинской войны и в картуз, а обувался в обмотки из тряпок» [9. С. 417] – русское завоевание (хивинская война – одна из его фаз) не принесло счастья народу джан, это сделает Назар Чагатаев, посланец советской власти.

Второе: одним из паттернов русского ориентализма предстают так называемые *оксиденталистские* мифы – рецептивные тексты и мотивы, рожденные в среде «туземцев», некий ответ на ориентализм (или «обратный» ориентализм). Русские завоеватели предстают в них сверхъестественной силой: дьявол, шайтан, нечисть – таков враг в устных нарративах «туземцев». «Другой раз Юсуп в большом обществе... рассказывал про русских такие небылицы и так красноречиво описывал разные нелепости их обрядов и обычаев, что даже сам увлекся своею бранью, ругался напропалую, подбирая для “белых рубах” самые обидные сравнения...» (Каразин) [5. С. 138]. Наблюдения Каразина подтверждаются словами этнографа В.П. Наливкина: «“Когда наши войска приближались к Чимкенту и Ташкенту, среди здешних туземцев ходили, как им казалось тогда, достоверные, слухи о том, что русские не похожи на обыкновенных людей; что у них лишь по одному глазу, помещающемуся посередине лба; что у них такие же хвосты, как у собак; что они необычайно свирепы, кровожадны и употребляют в пищу человеческое мясо” – таков, в свою очередь, один из оксиденталистских мифов» [1. С. 240]. Каразин и целая плеяда ориенталистов XIX века (из популярных – В.В. Верещагин), будучи объективными, так как не обходят это враждебное к себе отношение со стороны завоеванных народов, сетуют на такое недружелюбие, но в то же время говорят о том, что надо подождать, все образуется. Взгляд ориенталиста соглашается с неприятием колонизируемого и видит перспективу своего доминирования, спасения от бед и дикости в «русском мире».

В текстах «советского ориентализма» этот оксиденталистский взгляд ориентализируется: авторы, в том числе А. Платонов и Л. Соловьев, разделяют оксиденталистскую точку зрения. Им есть что противопоставить «русскому миру» – советский.

Посмотрим, как работает канон «советского ориентализма» в повести Л. Соловьева «Кочевье». Надо отметить, что это была первая книга писателя, изданная в 1932 году. Больше повесть не переиздавалась. Она напечатана только в XXI веке в пятитомном собрании его сочинений (2010). Видимо, на то были идеологические причины.

И.В. Кольцова, соловьевовед, пишет: «В творчестве Л. Соловьева 1930-х годов вызывает интерес не только преломление восточной темы, но и упорное сочетание чисто “русского” направления со “среднеазиатским”» [2. С. 15]. Что имела в виду исследовательница под «русским направлением», из контекста не ясно – смеем предположить, что Соловьева интересовали проблемы «русской колонизации», которые многогранно представлены в «Кочевье». Характерно, что эта повесть ни разу не упомянута в исследовании И.В. Кольцовой.

В девяти главах «Кочевья» последовательно развивается линейный сюжет на фоне исторических событий начала XX века:

– это первая мировая война («Где-то далеко урусы воевали с джарманами...» [10. С. 197], «А русских, слышно, бьют...» [10. С. 203], «Австры обидели каких-то сербов, урусы почему-то заступились, а джарманы пошли за австров. Турки пошли за джарманов, англизы и франки – за урусов... Болгары, румыны, кара-тау...» [10. С. 240]);

– среднеазиатские бунты туземного населения против мобилизации («Русских солдат, будто бы, уже всех перебили, и теперь у царя осталась надежда только на киргизов» [10. С. 221], «Я не пойду. И никто не пойдет. В горы убежим» [10. С. 222]; «...Аильчины начали громить русское село» [10. С. 243], «Передние уже сошли вниз, а из-за холмов выходили все новые и новые толпы» [10. С. 243]);

– революция («...Произошли большие перемены: Ак-пашу выгнали, приставов и исправников тоже. <...> В городе стрельба, народ ходит с красными флагами, поет песни, базар сожжен... Нет ни стражников, ни пристава, ни исправников, ни губернатора... Ничего нет» [10. С. 251–252]);

– гражданская война («В Коканде под стенами крепости легло много тысяч: шестнадцать красных поставили на стенах пулеметы, а дураки басмачи, с муллами во главе, поперли на крепость... В Намангане тоже вышла большая резня: узбеки пошли на узбеков, армяне стали резать персов, персы, соединившись с узбеками, перебили армян и принялись за русских. Кто из них красный, кто черный, кто басмач, кто большевик – ничего не поймешь» [10. С. 282]).

Все эти события не предмет изображения в повести – это фон, на котором протекает жизнь небольшого кочевья Кара-Багиш в степях Джетысу, с внутренними проблемами кочевников, борьбой за местную власть, справедливость, с обрядами и ритуалами, упорядочивающими отношения с природой, которые влияют на ведение хозяйства. С одной стороны, жизнь карабагишцев подчинена сезонным процессам в природе – эту мирную, веками заведенную жизнь автор создает ритмизованными зачинами главок («Зимние вечера в степи долги и скучны...» [10. С. 207], «Зима пролетела быстро и незаметно» [10. С. 250], «На кустах наметились почки...» [10. С. 273], «Наступил веселый летний праздник Курбан» [10. С. 287] и т. д.), с другой стороны – эхо, казалось бы, далеких от Кара-Багиша мировых событий доносится до него, из эха превращаясь в море крови и горы трупов. Наличие «русского мира» в жизни кочевья не маргинальное – собственно, под него подстраиваются все институты обыденности кочевников. Русских не любят, но боятся – это власть.

Надо отметить, что повествователь – некий субъект, хорошо знающий жизнь кочевников, их уклад, мысли и тревоги, он без обиняков обосновывает антирусские настроения карабагишцев, передавая их в несобственно-прямой речи. Например, «Кругом обман и подкуп, русские отняли волю, землю, да еще в солдаты хотят брать!» [10. С. 202], «Лучшие земли заселялись прижимистыми переселенцами, киргизы оттеснялись к горам, на бесплодный камень. <...> Казаки распахали киргизскую землю, а суд признал их правыми... русский суд! <...> Налог брали за все: за скот, за зимние ста новища, за летние пастбища, за прогон скота, за угон скота, за покупку, за про-

дажу... Словно и скот и землю создали сами русские. А теперь еще придумали налог на войну...» [10. С. 208–209].

Подобных упреков в адрес новой власти в повести немало. Это «отраженное чужое слово», связанное «с фразеологической точкой зрения» [11. С. 47], то есть, по словам Б.О. Кормана, с «отношением между субъектом и объектом в речевой сфере», между их речевыми манерами [11. С. 51]. В. Виткович, хорошо знавший Соловьева, отмечает, что тот создает образ такого рассказчика, который владеет всем арсеналом народного сказительства [12. С. 61]. Виткович имеет в виду дилогию о Ходже Насреддине, однако этот прием вызывает у писателя много раньше.

Читатель, знакомясь с картиной жизни колонизированного народа и его настроениями, подспудно ожидает смены вектора в отношении к русской власти. И он не обманут. Иначе и быть не могло, если знать, когда написана повесть, каковы идеологические установки в стране. Но это еще не 1934 год, после которого вряд ли Соловьеву разрешили бы опубликовать «Кочевье», даже несмотря на то, что ближе к финалу сюжета гнет царской власти смещен большевиками. Новая большевистская власть в сюжете повести не выглядит добросердечной: когда глава кочевья, баш Назарбек, вместе со спутниками едет в город на разведку, большевики бесцеремонно реквизируют у него верблюда и коней: «Не видел, что ли повешенного? Солдаты стащили баша с верблюда. Один легонько подтолкнул его прикладом. – Иди, иди, старый. Ишь, вонючий какой...» [10. С. 275]. Единственным большевистским персонажем предстает безымянный «красный» командир, названный «раненым» (его, раненого, выходили кара-багишцы, тем не менее по выздоровлении повествователь продолжает называть его «раненым»). Он, на ходу сочиняя морализаторскую сказку о «толстом и тощем», пытается с ее помощью объяснить кочевникам, чем хороши большевики, однако убедить получается не всех, потому что «русские хоть и прогнали своего царя, но мусульманам не было легче: новые русские начальники работали плетью еще хлеще старых» [10. С. 321]. Этот командир-большевик – первый противовес в идеологическом арсенале Соловьева; второй – судьба пастуха Авеза, сквозного персонажа. С несправедливости местного богача в отношении Авеза начинается повесть – а заканчивается главой «Пастух», посвященной перипетиям судьбы Авеза. Не видя выхода в бесправии, Аvez становится участником бунта против власти колонизаторов, затем – арест, розги, ожидание казни, отправка на фронт, бегство, спасение в отряде басмачей, вера в газават, священную войну мусульман, разочарование, возвращение в родное кочевье и, наконец, единственный выход, который видит Аvez, – пойти на службу к красным. Возможно, для официальных начальников от советской литературы такой ход вещей (такое некатегоричное, неочевидное преимущество советской власти, противоречиво представленной в повести) и вызвал настоженное отношение к личности Леонида Соловьева, нескоро, но все же арестованного за «антисоветскую агитацию».

В поэтике ориентализма Л. Соловьева можно выделить элементы орнаментализма, спроецированные культурой, ландшафтом, бытом, фольклором Средней Азии. Эти речевые элементы характеризуют речь повествователя,

точка зрения которого, как субъекта, совпадает с точкой зрения объекта [11]. Таковы множественные *сравнения* в повести, например, «лицо пристава стало полосатым, как вызревший на солнцепеке арбуз» [10. С. 236], «луч заходящего солнца... походил на прозрачный ятаган» [10. С. 237], «твой язык, Сарымсак, длиннее, чем дорога до Ташкента» [10. С. 265], «его голос звенел, как сталь беговатской сабли» [10. С. 269]; *символы* культуры: «Баш... надел белый халат – символ власти и справедливости» [10. С. 214]; описание *обрядов*, например, погребального: «В дорогом одеянии опустили баша в могилу, удобно усадив его в подземной комнате...» [10. С. 227]; описание *магических практик*, например против джута (падежа скота, связанного с обледенением почвы). Текст повести изобилует пословицами кочевников, которые Соловьев умело и к месту вплетает в повествование.

В. Виткович, друг Леонида Соловьева, напишет в повести «Круги жизни» о любви своего друга к устному слову Средней Азии: «Тяга к фольклору и народному языку у Лени проявилась очень рано. После уроков в Кокандском железнодорожном училище он любил побродить по знаменитому в те времена крытому базару Коканда – одному из самых больших базаров Средней Азии. И особенное удовольствие ему доставляли базарные певцы и рассказчики. <...> Еще учеником он начал приспособливать узбекский фольклор к русскому языку и очень этим забавлялся» [12. С. 61].

Если обращение к восточному фольклору у классических ориенталистов способствует созданию экзотической картины чужого мира, то не так у Соловьева. У читателя создается впечатление, что для повествователя восточный фольклор органичен, ни в какой мере не чужероден, будто говорит один из «туземцев». В этом также специфическая черта поэтики ориентализма писателя.

Почему повесть Соловьева «Кочевье» не вошла в корпус популярных текстов русской литературы 30-х годов XX века? Думается, что власть «не пустила». Несмотря на развязку, созданную в матрице социалистического реализма, в подтексте повести тем не менее заложена мысль о разрушении мира кара-багишцев с приходом русской власти, как царской, так и большевистской. В итоге такого племени больше нет: одна половина ушла в басмачи, другая подчинилась большевикам, брат пошел против брата (глава «Брат»), и не стало прежнего мира, ритмизованного сезонами года, со своим правым судом, справедливыми законами, с устоями почитать старейшин – «только в степных преданиях сохранится и самое имя “Кара-Багиш”» [10. С. 348].

Заключение

В «Кочевье» сокрыты те постколониальные интенции, которые выйдут на поверхность только в постсоветский период. Над подобными проблемами задумывались многие современники Л. Соловьева, которые писали о Средней Азии, например, Сигизмунд Кржижановский («Салыр-Гюль») и Павел Зальцман («Средняя Азия в Средние века»). По-разному складывалась судьба их текстов, предвестников постколониальных штудий: «Салыр-Гуль» не печатали при жизни писателя, кроме фрагмента под названием «Скитаясь по Востоку» в журнале «Тридцать дней» (в 1930-е годы), впервые полный текст –

в собрании сочинений (2003, т. 3); свой роман «Средняя Азия» Зальцман писал «в стол», «Кочевье» предали забвению. Но все эти тексты предвосхитили грядущее – нашу современность, в которой эти проблемы, волновавшие писателей 1930-х годов и закамouflированные под аллегории, эзопов язык, ныне четко артикулированы.

Список литературы

- [1] Шафранская Э.Ф. Туркестанский текст в русской культуре: колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Свое издательство, 2016. 370 с.
- [2] Кольцова И.В. По следам Насреддина: диалогия Л. Соловьева о Ходже Насреддине. Ташкент: Изд-во литер. и иск. им. Гафура Гуляма, 1980. 112 с.
- [3] Волохова Т.В. Он мечтал стать дервишем: биография Леонида Соловьева // «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...» Забытые писатели: сб. науч. статей. СПб.: Свое издательство, 2019. С. 185–199.
- [4] Рейтблат А.И. «Ориентализм» и русский ориентализм (обзор книг по ориентализму в русских востоковедении и литературе) // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 392–400.
- [5] Каразин Н.Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: романы / подгот. Э.Ф. Шафранская; отв. ред. Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 2019. 632 с. (Серия «Литературные памятники»).
- [6] Шафранская Э.Ф. «Каразин! Азия!» // Н.Н. Каразин. На далеких окраинах. Погоня за наживой: романы / подгот. Э.Ф. Шафранская; отв. ред. Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 2019. С. 525–596. (Серия «Литературные памятники»).
- [7] Каразин Н.Н. Сказка о женском ханстве: отрывок из записной книжки // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 3. № 11. С. 290–294.
- [8] Каразин Н.Н. Кара-Джигит: былина среднеазиатских кочевников // Нива. 1880. № 40. С. 794–800.
- [9] Платонов А. Джан: повесть // Платонов А. Избранные произведения / сост. М.А. Платонова. М.: Экономика, 1983. С. 396–506.
- [10] Соловьев Л.В. Кочевье: повесть // Соловьев Л.В. Собр. соч.: в 5 т. М.: Книговек, 2010. Т. 3. С. 197–366.
- [11] Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма: межвузовский сб. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1981. С. 39–54.
- [12] Виткович В.С. Круги жизни: повесть в письмах. М.: Молодая гвардия, 1983. 290 с.

References

- [1] Shafranskaya, E.F. (2016). *Turkestanский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий)* [The Turkestan text in the Russian culture: Colonial prose of Nikolay Karazin (historico-literary and cultural and ethnographic comment)]. Saint Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ.
- [2] Kolcova, I.V. (1980). *Po sledam Nasreddina: Dialogiya L. Soloveva o Hodzhe Nasreddine* [In the wake of Nasreddin: L. Solovyov's dilogy about Hodge Nasreddin]. Tashkent, Izdatel'stvo literatury i iskusstva imeni Gafura Gulyama Publ.
- [3] Volokhova, T.V. (2019). On mechtal stat dervishem: Biografija Leonida Soloveva [He dreamed to become a dervish: Biography of Leonid Solovyov]. "Neuzheli kto-to vspomnil, chto my byli..." Zabytye pisateli ["Really someone remembered that we were..." The Forgotten writers]; Collection of scientific articles (pp. 185–199). Saint Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ.

- [4] Rejtblat, A.I. (2020). “Orientalizm” i russkij orientalizm (obzor knig po orientalizmu v russkikh vostokovedenii i literature) [“Orientalism” and the Russian orientalism (the review of books on orientalism in Russians oriental studies and literature)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 1(161), 392–400.
- [5] Karazin, N.N. (2019). *Na dalekikh okrainah. Pogonja za nashivoy* [On the far outskirts. Pursuit of a profit]: Novels. Moscow, Nauka Publ.
- [6] Shafranskaya, E.F. (2019). “Karazin! Azija!” [“Karazin! Asia!”]. In N.N. Karazin, *Na dalekikh okrainah. Pogonja za nashivoy* [On the far outskirts. Pursuit of a profit]: Novels (pp. 525–596). Moscow, Nauka Publ.
- [7] Karazin, N.N. (1875). Skazka o zhenskome hanstve: Otryvok iz zapisnoj knizhki [Tale of the female khanate: A fragment from the notebook]. *Drevnjaja i novaja Rossija* [Ancient and new Russia], 3(11), 290–294.
- [8] Karazin, N.N. (1880). Kara-Dzhigit: Bylina sredneaziatskikh kochevnikov [Cara Dzhigit: Bylina by the Central Asian nomads]. *Niva*, (40), 794–800.
- [9] Platonov, A. (1983). Džhan [Gian]: Story. In A. Platonov, *Izbrannye proizvedenija* [Chosen works] (pp. 396–506). Moscow, Ekonomika Publ.
- [10] Solovev, L.V. (2010). The Nomad [Kochevye]: Story. In L.V. Solovev, *Sobranie sochinenij* [Collected works] (vol. 3, pp. 197–366). Moscow, Knigovek Publ.
- [11] Korman, B.O. (1981). Celostnost literaturnogo proizvedenija i jeksperimentalnyj slovar literaturovedcheskikh terminov [Integrity of the literary work and experimental dictionary of literary terms]. *Problemy istorii kritiki i poetiki realizma* [Problems of history of criticism and poetics of realism]: Interuniversity collection (pp. 39–54). Kujbyshev, Kujbyshevskij gosudarstvennyj universitet Publ.
- [12] Vitkovich, V.S. (1983). *Krugi zhizni: Povest v pismah* [Life circles: The story in letters]. Moscow, Molodaja gvardija Publ.

Сведения об авторах:

Шафранская Элеонора Федоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета.

Волохова Татьяна Витальевна, аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета.

Bio notes:

Eleonora F. Shafranskaya, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the Moscow City University.

Tatyana V. Volokhova, graduate student of the Department of Russian Literature of the Moscow City University.

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-657-670

UDC 821.161.1

Research article / Научная статья

**Translingual text within a meaning-generating context
of Russian literature****Sheker A. Kulieva**

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
shekkul@mail.ru

Abstract. In this article, the translingual text in the aspect of its interconnection with the meaning-generating context of classical Russian literature is analyzed. The literary translingualism is defined as the phenomenon of writers who create texts in more than one language or in a language other than their primary one. This is an urgent problem for modern literary criticism, requiring an interdisciplinary approach to its study. Within the framework of translingualism theory, as the text is comprehended not only as a product of speech activity subjected to structural preparation. It turns into a zone of “cross-pollination” with multiple meanings, becomes a representative of cultures in their contamination, mutual repulsion, symbiosis, submission, adaptation. Intercultural communication within the literary text also affects the level of the intertext: the intertextual paradigm elements of various complexity (from selected intexts, unmodified reminiscences to expanded propositions) in a translingual text are often subject to the process of so-called intertextual acculturation, in which the intext is filled with ethnospecific linguistic and literary content. The material for the study is the literary cycle “Dreams of the Damned” (“Sny okayannykh”) by the modern Kazakhstan writer A. Zhaksylykov. Some of the intertextual echoes of the cycle with canonical texts of classical Russian literature (works by Pushkin, Yesenin, Dostoevsky, etc.) are analyzed in order to trace the adaptation process of its key motives (the motive of “flight from people”, the motive of wandering, the motive of the desert, the motive of the black man, etc.) to the Kazakh linguocultural and aesthetic reality. Using methods such as comparative analysis, linguopoetic commenting, intertextual analysis, the conclusion is made that an appeal to the literary works of the acquired language for a translingual author is necessary: they constitute his cognitive base, but at the same time undergo certain linguo-specific transformations, the result of which is generation of new images of the world.

Keywords: translingualism, meaning-generating context, intertext, intext, motive, Russian literature, Kazakh prose, A. Zhaksylykov

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

© Kulieva Sh.A., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Article history: received – 15 September 2020; revised – 15 September 2020; accepted – 12 October 2020.

For citation: Kulieva, Sh.A. (2020). Translingual text within a meaning-generating context of Russian literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 657–670. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-657-670>

Транслингвальный художественный текст в смыслопорождающем контексте русской литературы

Ш.А. Кулиева

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
shekkul@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется транслингвальный текст в аспекте его взаимосвязанности со смыслопорождающим («живым»), по формулировке Ю. Кристевой) контекстом классической русской литературы. Термин «транслингвизм» подразумевает создание автором текста на языке, который не является для него этнически первичным. Это актуальная для современного литературоведения проблема, требующая междисциплинарного подхода к ее изучению. В рамках теории транслингвизма, как показывает анализ корпуса художественных произведений, текст перестает быть только продуктом речевой деятельности, подвергаемым структурной препарации. Он превращается в зону «перекрестного опыления» множественными смыслами, становится репрезентантом культур – их контаминации, взаимоотталкивания, симбиоза, подчинения, адаптации. Межкультурная коммуникация внутри художественного целого затрагивает и уровень интертекста: элементы интертекстуальной парадигмы различной сложности (от отдельных интекстов, немодифицированных реминисценций до развернутых пропозиций) в транслингвальном тексте зачастую подвержены процессу так называемой интертекстуальной аккумуляции, при которой интекст наполняется этноспецифическим содержанием. Материалом исследования послужил художественный цикл «Сны окаянных» современного казахстанского писателя А. Жаксылыкова. Рассмотрены некоторые интертекстуальные переключки цикла с произведениями классической русской литературы (текстами Пушкина, Есенина, Достоевского и др.), чтобы проследить процесс адаптации ее ключевых мотивов («бегства от людей», странничества, пустыни, черного человека и др.) к казахстанской лингвокультурной и эстетической реальности. Используя такие методы, как сравнительный анализ, лингвопоэтическое комментирование, интертекстуальный анализ, сделан вывод, что апелляция к литературным произведениям усвоенного языка для транслингвального автора необходима: они составляют его когнитивную базу, но в то же время подвергаются определенным лингвоспецифическим трансформациям, результатом которых становится генерация новых образов мира.

Ключевые слова: транслингвизм, смыслопорождающий контекст, интертекст, интекст, мотив, русская литература, казахстанская проза, А. Жаксылыков

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию – 15 сентября 2020 г.; принята к публикации – 12 октября 2020 г.

Для цитирования: *Kulieva Sh.A.* Translingual text within a meaning-generating context of Russian literature // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 657–670. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-657-670>

Modern universal human culture at all levels of its embodiment from epistemological that affects scientific research of various disciplines, to artistic one represented in the works of writers from different countries is characterized by openness, nonlinearity, and integrativity. The global picture of the world is based on the philosophy of instability with the idea of the multivariable universe laid down to it. From this position, the world represents a synergistic and dissipative system, the guarantee of the existence of which is its openness. It is natural that the development of science in the 21st century is taking place under the sign of interdisciplinary synthesis.

National fiction is becoming more and more cosmopolitan and is being created under the influence of multidirectional “forces” – a tendency to preserve ethnic authenticity and appeal to the world art field. A literary text, embodied in the mainstream of such an epistemological paradigm, turns into a “meeting point” for various cultures and mentalities. This, in turn, contributes to the formation of a new “image” of the world – the world of intercultural interaction. For writers who use multicultural codes in their work, a certain *transposition* is characteristic, i.e. existing both within one's own culture and outside it.

Aslan Zhaksylykov is one of the most significant *translingual* writers in Kazakhstan. S.G. Kellman defines literary translingualism as the phenomenon of writers who create texts in more than one language or in a language other than their primary one. The multinational, multicultural, multilingual Post-Soviet space, in which Chingiz Aitmatov and Gennadii Aigi wrote in their native Kyrgyz and Chuvash, respectively, as well as Russian, is a natural incubator for translingual literature [1. P. 337]. The literary cycle “Dreams of the Damned” (“Sny okayannykh”) [2], Zhaksylykov’s largest work, is defined by critics and researchers as “a breakthrough into the future”, and this characteristic is essential. In creating his artistic world, Zhaksylykov “departs” from the socialist realist paradigm due to its strict limitations. The approach to personality as the bearer of the social function, the absence of a metaphysical horizon, the dictate of ideological guidelines are rejected by the author as unacceptable creative coordinates.

Zhaksylykov is looking for a synthesis of realism and modernism; his heroes try to master an illogical and discrete world as Chaos and restore Harmony to it. In this respect as in the organization of the textual space, the work is “superimposed” on a new artistic reality – the semiotic field of postmodernism. According to N.L. Leiderman, postmodernism proceeds from the idea of acceptance and aesthetic legitimization of Chaos, which is what all the characters of the cycle strive for. Their mental and spiritual Being can be denoted by a word invented by D. Joyce – *Chaosmos*, the Cosmos generated by Chaos. Chaosmos “reveals the wholeness of the world in its breaks, connectivity in the conflict of opposites, stability in the very process of endless movement. Such Cosmos does not reconcile with Chaos, but orders it” [3. P. 48].

One of the “meaning-generating” forces of the artistic cycle “Dreams of the Damned” is Russian literature as a bearer of constant images and axiological guidelines.

The title of Aslan Zhaksylykov's cycle “Dreams of the Damned”, which represents a global proposition of the entire novel space, carries two associative stimuli:

the concept of *dream*, which correlates with the whole corpus of texts in Russian literature, and the subjective *damned*, a generic characteristic of all the heroes of the poetic Universe.

Having received a textual “impulse”, the perceiving consciousness of the reader is connected to the process of creative cooperation with the Author, it discovers in its own precedent base the points of possible intersections of the original text with predecessor texts. It is likely that the element *damned* will be deciphered by the addressee in the context of another work, where the same unit is present in a strong position – “Cursed Days” by I. Bunin; the explication of the inner form of the word is possible, as a result of which the crystallization of the biblical story about Cain will occur. In any case, the source text will undergo semantic transformations. Thus, without having read the works of Zhaksylykov, we are already doing significant inner work, because the cultural memory (otherwise, the cognitive base) of the individual creates a “background” for the subsequent interpretation of the text. In the direct analysis of the cycle novels, as more and more new connections are discovered, the work acquires even greater multidimensionality.

“It is only necessary for the reader to recognize the fragment, regardless of the degree of its reproduction as *a stranger*. Only in this case he will have associations that will enrich the author's text with the meanings of the source text. The transformation and formation of the meanings of the author's text is the main function of quotations” [4. P. 507].

Thanks to intertextual connections, the artistic whole acts as a “condenser of cultural memory” and “a generator of new meanings” (Y.M. Lotman); dialogue with the literary tradition “incorporates” the work into the established cultural paradigm.

It is especially important to emphasize that Zhaksylykov, as a bilingual author, is the bearer of an integrated linguistic consciousness. With the aesthetic and instrumental base of the Russian language to create a Text of high stylistic complexity, the Author preserves the “genetic core” of the native culture, which accumulates the archetype, axiology, mentality of the Kazakh ethnicity. In other words, “the writer thinks in the coordinates of one national culture, but in the language, in the speech forms of another national culture” [5. P. 50]. Thus, the created Text belongs to the multicultural phenomena appealing to both the world and Russian literary traditions.

We strive to show that a Kazakhstan writer, with the artistic codes of Russian literature, “sketches” them on the described world, structures it, leads it beyond his own culture to phenomena of a global nature.

Our goal is not so much a comparative analysis that reveals what is common and different in the artistic method of two (or more) authors, but the development of a *textual precedent network* “branched out” in the novels of the cycle. The presence of such a network, its “radius” can indicate the degree of cultural overlap of two artistic systems (Kazakh and Russian literature) and reveal some features of the integrated mental program, natural for the carriers of the Kazakh linguistic culture. Russian literature for the writers of Kazakhstan is both “canonical” and “their own”, therefore, the appeal to it is meaningful and structurally natural (V.R. Amineva).

A. Zhaksylykov is a bilingual author; the national and authentic in his work is always “supported” by the context of Russian and world literature “interwoven” into the work at the level of themes, motives, philosophical paradigms, allusions, etc., that gives it multidimensionality and formalization.

According to H.G. Gadamer, “here the being of the world is a linguistic being”. The very nature of Homo Loquens defines his life as continuous engagement in dialogue: “Life is by nature dialogical. To live means to participate in a dialogue: to question, listen, respond, agree, etc. A person participates in this dialogue with his whole life...” [6. P. 329]. This thesis is also true for the dialogue of literatures.

Each piece of art is antinomical in nature. On the one hand, this is a fragment of the individual author's and linguistic picture of the world determined by ethno-specific features; on the other hand, a part of the global intertext inscribed in the semiosphere, or, according to R. Barthes, the “text echo chamber” [7]. The presence of a variety of intertextual links, while not representing artistic integrity, however, gives the possibility of a deeper reading of the work, denotes cultural codes and increases the interpretative potential of the text.

Intertext is a paradigmatic phenomenon. This is a structure of a diachronic order, which is distinguished by asyntagmatism (there are no rules in following the subtexts in chronological terms) and anonymity (unlike the subtext, the intertext does not have a specific author). According to V.I. Tyupa approach, the unity of poetics in this case should be sought not in the structural indicators of the work, but in the object-semantic unity of a certain cultural topos. Such toponyms can be geographic objects of high cultural significance (Saint Petersburg, Moscow, Siberia, etc.) or symbolic complexes and archetypes (desert, sea, forest). Thus, the analysis of the mythological substrate that makes up the mythological tectonics of literary texts, united according to some criterion, becomes productive [8].

Let us consider as an “intertextual locus” the desert topos, the most important “metaphysical zone” in the life of Jean, the hero of “Singing Stones” novel (the first one of the cycle).

In the Russian literary tradition, the hypertext “desert” has different semantic content. In Christian culture, it goes back to biblical stories (the transition of the Israeli people through the desert to the Promised Land, the divine message to Moses, the trials of the prophets, etc.).

In the texts of the Old Testament, this is a geographically real desert with hot sand, scorching sun, lack of water. Natural parameters make the desert a place physically and physiologically difficult for humans; thus, the geographic arche-seme is explicated by means of potential connotations such as “place of testing”, “place of communion with God”, “place of solitude”. In hagiology, according to N.G. Fedoseenko, the desert is symbolically connected with the “pre-created world”, the virgin mother. The desert tests a person, turns him to the state of “primordial innocence” through conscious austerity.

Corpus of texts of Russian literature of the 19th–21st centuries allows revealing the following complex of differentiations in the “desert” hypertext: 1) geographical object; 2) the place of physical testing of a person; 3) a sacred place of solitude, closeness to God; 4) a place of spiritual cleansing; 5) the place of temptation; 6) the place of initiation in the life of the hero and his subsequent transformation; 7) Purgatory [9].

The semantics of “solitude” reveals the choice of Jean, the hero of the novel “Singing Stones” who “denies” the city and strives to live in a small house in nature. While the “external person” (with his social position, behavior, etc.) undergoes degradation, becomes a vagrant, the “internal” one (according to E. Etkind) subconsciously seeks purification and spiritual rebirth. He sees “movement” (evolution) alone:

Every movement is based on the world emptiness <...>.

More and more I liked to be alone. I locked the door with two locks, drew the curtains on all windows, except for the one in the office, tightened the taps tightly so that the tapping of drops on the sink would not annoy the ear. When you are alone long enough and obsessive restless thoughts are forgotten, an inaudible and subtle movement begins around you. Your whole being is permeated with the feeling of the deepest inexpressible mystery of being [2. P. 60].

The motive of “escape from people” is traditional for Russian literature and in this case is used by the author as a meaning-generating stimulus. According to V.I. Kuleshov, all-romantic tradition (in the world cultural space “Atal”, “Rene”, “Paul and Virginia”, “Corinna”, “Jean Sbogor”, Byron's “Gyaur”, “Corsair”, etc.) exposes the entire modern civilization, defined as urbanistic in its antihumanity (it is no coincidence that the significant cycle of E. Verharne will later bear the name of “Octopus Cities”).

In Russian literature, the main “adepts” of this tradition are first V. Zhukovsky, then to a greater extent A. Pushkin and M. Lermontov. A. Pushkin's heroes “break with society”, flee into an exotic environment for themselves. They always have “two biographies”, “civilized” and “new”, created in a different life context. As V.I. Kuleshov notes, Pushkin's heroes in such conditions are “defeated by reality”. For Zhaksylykov's hero, voluntary flight also becomes a global Trial situation. However, the “external” plot does not coincide with the complex of internal motives of the hero, which, in turn, “stratifies” the narrative. For the physical “manifestation” of Jean, the desert becomes a place of hard labor and bodily trials:

I looked around the deserted, overgrown with chengel and caragan banks, and the familiar bitterness scorched, burned my soul. Brown cliffs, dazzling rookeries of round stones, hot sandy slopes, indifferent sky tormented me with their lifeless appearance. The oppressive heat, which, probably, because of its density, could be touched with your fingers, could drive you crazy in a day [2. P. 28].

For the spiritual it is a desirable place of solitude, purification.

In the preromantic tradition of Russian literature (see, for example, Zhukovsky's translation of “The Hermit”), the desert is a place of “escape from people”. Pushkin “endows” it with sacredness and geographic specifics. In the poem “The Prophet” this topos is presented as a pre-created world, a “gloomy desert” without people and without light. Thus, symbolically, this is the “beginning of beginnings”. It is this semantics that gives us the opportunity to delve into the unconscious of the hero of “Singing Stones”:

The steep, sun-scorched bank of the Tyshkan river. For several days I wandered along the dry river bed, collected patterned, sometimes amazingly beautiful pellets in a canvas bag in the hope of finding the coveted jade [2. P. 27].

It is noteworthy that the hero's actions can be described as “picking up stones”, which on the subtext level connotes with Solomon's “Time to collect stones” (a verse semantically related to the preceding “Time to throw stones”).

In the accepted interpretation, “picking up stones” marks the process of restoration, *creation from the beginning*. Thus, we can decipher the symbolism of the desert by A. Zhaksylykov as “a place of return to the origins and rebirth”. This, however, does not exhaust the semantics of Zhaksylykov's “desert”. If Pushkin's intext allows us to consider it as a “pre-created world”, then Lermontov's (“The Demon”) inhabits life (“The Elders Tell Stories to Children”).

It is worth noting that it is the *old man* and the *child* who live in the desert with the hero Jean, contributing to his initiation. The old man becomes a subjective representation of the motive of *choice/temptation*, pushing Jean to commit suicide (the first of the deadly sins). The *baby* marks a new life. Jean's initiation thus involves a choice between life and death:

The razor hung over the fluttering vein... It was a terrible moment. The icy eternity was shattered by the mouse-like creak of the opening door. A barefoot toddler, the old man's grandson, was standing under the cone of light on the porch. “Baby, boy, shepherd boy”, I suddenly remembered, and like a bright burn swept through my heart. The fingers unclenched, and the razor slipped somewhere into the darkness [2. P. 73].

The lexical series “baby, boy, shepherd boy” becomes an allusion to the biblical *shepherd, the Son of God, the incarnation of God on Earth*. Jean's desert asceticism ends with unity with the Universe and the beginning of a new stage of life.

Thus, due to intertextual connections, the artistic whole acts as both an accumulator of already established meanings and a generator of new ones.

Black man's motive: meaning-generating stimulus. In the “dialogue” of texts, each work becomes a replica, a reaction to one or another artistic “stimulus”. The inclusion and further transformations of the “alien” word endow the work with a semantic plurality due to its correlation with other texts in the intertextual space of culture.

“Each text is a new fabric woven from old quotations, and in this sense each text is an intertext, while other texts are present in it at different levels in more or less recognizable forms” [7. P. 88].

The elements of the intertext perform a constructive (text-forming) function in the postmodernism. In this case, the new text not only assimilates the pretext, but it is also built as its interpretation.

The novel “Singing Stones” is characterized by a “cluster” subjective organization. The main character Jean acts as a plot-forming attractor, while the rest of the subjects (Arman, Ainura, Baksy, Shepherd) are distributed in accordance with the parameters of similarity and distance. At the same time, the minimum “biographical distance” between the characters often reveals the maximum degree of difference in their life attitudes (oppositions Jean – Arman, Jean – Ainur). Thus, Ainur is the wife of the protagonist, Arman is his closest friend, but their life orientations do not coincide and do not even intersect. The cluster (“grape”) principle of organization presupposes the semantic conditioning of each “branch” by its core; thus, each of the novel subjects is associated with the personality of the central hero, Jean, being his kind of semantic “increment”.

Thus, the figure of Arman can be considered as a component of the “Jean – Arman” dichotomy, where the latter acts not only as the antipode, but also as a “double” of the protagonist, the dark, destructive side of his personality. The Black man motive “sounds” especially in the explication of Arman's image, which is significant for both world and Russian classical literature. The details of his portrait like “poisonous smile”, “waddling pose” and “ironic look” seem to be interesting. Behind the external attributes of the character (“a thin graceful figure”, “hair shining with a resinous fresh shine”), his deep hypostasis is visible:

Arman winked at me and tried to smile, but the heavy pupils did not obey him. A strange and unknown man looked at me unkindly with these darkened eyes as if at point-blank range [2. P. 21].

This is how Arman appears after the “pearl temptation”, when the jewels he brought become stumbling blocks between Jean and Ainur. Increasingly, the author focuses the reader's attention on epithets related to the plane of darkness (“tarry hair”, “darkened eyes”, “darkened face”). Arman becomes the stimulus of Jean's darkest inner feelings:

Annoyance washed over me in such a dark wave that I felt sick. I suddenly felt a strong hatred for Arman. I could not refrain from the darkest feelings, the most embittered thoughts... [2. P. 37].

The following fragment is significant for interpretation of Arman's character:

“The devil is in the man himself”, Arman once said. I remember that Arman's lean, handsome face somehow darkened badly [2. P. 36].

And there is again a darkened face, which is significant color detail, associated with the archetype of shadow, one of the most important concepts of world culture. The works of Marie-Louise von Franz, a world expert in the field of psychological interpretation of literary texts, are devoted to a detailed study of the phenomenon of the shadow. According to the concept of Franz, the Shadow is the opposition of the individual and the collective that is initially embedded in the subconscious of the individual, objectively existing sides of the personality that were not included in its ego-complex for some reason.

Zhaksylykov creates a character who is dissonant with society and himself; the specificity of the character brings Jean closer to representatives of the traditional Russian literature personality type – “extra person”, which opens with the images of immature man, Eugene Onegin and Pechorin. It is noteworthy that researchers (V.I. Kuleshov) call Onegin “a restless wanderer who despises society and carries its evil in himself”. This definition is also true for Jean. The introduction of a demonic motive to the hero's ego-complex is not only a psychologization of his character, but also a comprehension of the metaphysical level of his life.

The motive of the “black man” originated in pre-Christian society and incorporated many elements of subsequent epochs (the image of the devil, the motif of long-suffering, the parable of the prodigal son).

In culture, the collective Shadow is manifested in various religious systems through the belief in the existence of the Devil and demons [10].

A. Zhaksylykov's “black man” at the conceptual level is close to the representations of this motive in Pushkin's “little tragedy” “Mozart and Salieri”, Yese-nin's similarly-named poem, and – in part – Dostoevsky's “The Double-Ganger”.

The confrontation between Mozart and Salieri is a “hidden” confrontation, since the inequality of talent is not directly indicated by any of the characters (*After all, he (Beaumarchais) is a genius just like you and me*). Mozart is the embodiment of absolute natural genius, “the ideal of the creator” (*You, Mozart, are God, and you don't even know it*); Salieri with his undoubted flair for talent is the “pathologist from art” (*I have destroyed music like a corpse. I tested harmony with algebra*).

The heroes presented as a dyad are in dialectical unity (as a stimulus to the creative process – and a reaction to it).

If Salieri “tested harmony with algebra”, then Arman is one of those who “tested the law of being with his forehead and stomach” [2. P. 37]. Salieri says that Mozart is “unworthy of himself”. Arman calls Jean “a complete idiot”. The allusion in this case is not attributed. It is built as a reproduction “of meta-science” (the only direct reference to Pushkin's tragedy is Zhaksylykov's introduction of syntactically identical structure “tested the law of being with his forehead and stomach”). Further “semantic crosses” are associated with the texts of Yesenin and Dostoevsky.

Yesenin's “Black Man” is synthetic work in philosophical and literary terms, which has absorbed the ideological core of many previous texts, mainly Pushkin's “Mozart and Salieri”. Both texts are combined thematically: they explicate the theme of the Genius (poet) in art in its indissoluble connection with the “dark” side of life and own personality. The soul of Yesenin's lyrical hero is “tormented by insomnia” and “black thoughts”. “The country of birch calico” in the Black man's remarks turns into “the Country of scoundrels”. We can find the same in Zhaksylykov's text: Arman argues that “life is truly beautiful when you drive a white Mercedes and pretty girls smile from the sidewalks” [2. P. 40]; otherwise – “All Kazakhstan is a landfill, a dump, a sump, or a drain pit!” [Ibid.]. Yesenin's Black man is not just the embodiment of “villainy”, but also the hypostasis of the lyrical hero himself, which he “deals” with a cane in the poem's final.

The black man of Zhaksylykov's hero is more “subjective”. The motive is implemented in the text in the image of a specific character – Arman. Like Yesenin's Black man, Arman (his words and deeds) “torture” Jean with insomnia, awaken “the darkest feelings” in him, make him feel hatred for reality. However, Jean is not rated by the author as a Poet (*The book of poems that I published was not noticed even by critics*); his figure, rather, embodies the idea of a person seeking Truth (Thinker). Yesenin's Black man “reads the burial service for a drunkard”; Arman calls Jean “a dead fool”.

Arman emphasizes that “he has something to be envied” (genius) and tries to take it away by destroying his life. Moreover, Arman has the features of another Black man – Golyadkin's double from Dostoevsky's work. Golyadkin and his double are the extreme points of the opposition; the second one implements all the characteristics and functions (personal and social) that are not available to the first one: self-confidence, “cheeky behavior”, etc. Like Golyadkin's double, Arman is the mirror opposite of the main character, which is repeatedly emphasized in the text. Jean has a “difficult level of life”, while Arman is really wealthy; Jean is not good-looking in appearance, while Arman is very attractive, “cheeky

and ironic”. His attitude to Jean is most often marked as irony or disdain. However, the main difference between Jean and his antagonist is basically metaphysical.

Thus, Arman confirms the primordial nature of the devil in human nature:

“And this devil is the flesh”, he continued, “because he is the body itself, his essence, he is insatiable always and everywhere. He is the internal fire of thirst and desire itself. No matter how much you give him, it's not enough. This demon of desire is invincible, he truly dominates the outside world. As long as we are in the flesh, we fully belong to him” [2.P. 36].

Jean characterizes Arman's words as “an apologetics of dark instincts” that can justify any meanness, the most extreme evil. This is a reinterpretation of Dostoevsky's “thesis” that “if there is no God, then everything is allowed”. Thus, the characters enter into an ontological dispute, where Arman takes obviously the “dark side”, thus becoming the embodiment of the demonic principle. The epithet “dark eyes” (*Arman turned a sideways gaze on me, flashing with dark attentive eyes*) once again connects the hero's image with the shadow symbolism. Recalling the history of their relationship, Jean notes that after marrying Ainur, “they had a falling out”, and “a demon interposed between them”.

Arousing the blackest feelings in the hero (*How many times did this black fire choke me when I tossed and turned on the mat on sleepless nights, not knowing where to put my buzzing head. Arman, why do you have such cynical cruelty?*), Arman performs a compensatory function, becomes a “black man” for Jean. Their painful communication forces Jean to mimic, bringing in him the “art of the actor and mime” to perfection. Let us recall that hypocrisy is one of the “charges” brought by the Black man against the hero of Yesenin's text: “In thunderstorms, in storms, / In cold life, / With heavy losses / And when you are sad, / To seem smiling and simple – / The highest art in the world”.

Eventually, Arman's treacherous act of seducing the main character's wife becomes critical:

What happened to me later at the height of the second floor was too cruel and painful to be able to remain the same person after that. My soul was burned and charred on those rings... It was not a man who fell from those rings, but a silent dead stone.

Yes. The old man did not accidentally leave a sharp razor made of German steel on the mat [2. P.72].

The turning point in the fate of the protagonist, the state of “suspension” (literal in our case) brings the Shadow to the fore. And this is the whole paradox of the situation: the destroyed life of Jean marks his victory over the “black man”, i.e. Arman. However, the path of spiritual metamorphosis is long and full of twists and turns.

Recalling his relationship with his wife before her betrayal, Jean says that the words they “gave each other were the first words in the world”.

“In the beginning there was a word” – this could be a synonymous transformation of the text, revealing all divinity (“and the word was with God”) and the purity of their union, in which Jean and Ainur were the Old Testament Adam and Eve (the most recurrent motives of the fragment are virgin nudity, primordial innocence).

Recreating the picture of a family idyll, Zhaksylykov “weaves” a reminiscence of “white nights” into the narrative, redirecting the reader to Dostoevsky's story: “How deep and heartfelt were those *white nights*, inspired by us!” This reference is substantively and narratively necessary, as well as justified as an additional meaning-generating impulse.

The protagonist of Dostoevsky's “The White Nights” is a Dreamer. The type of hero that Dostoevsky worked through during this period of his work is largely autobiographical; it is known that the writer conceived the novel “The Dreamer” (1870s), which never came true.

As conceived by Dostoevsky, the Dreamer is a special kind of “superfluous person” who experiences the tragedy of “forced inaction”.

“How many people have finally found their work?” says Dostoevsky in the essays “Saint Petersburg Chronicle” in 1847 – “<...> Something that is called dreaminess arises little by little in the characters, hungry for activities, hungry for immediate life, hungry for reality, but weak, feminine, delicate, and man finally becomes not a man, but a strange creature of neuter gender – a dreamer...”.

Despite the author's idea of the “sinfulness” of life, divorced from reality, Dostoevsky emphasizes its immutable creative value and sincerity. The Dreamer's love for Nastenka is unselfish and filled with reverence.

(Note that Jean, the hero of Zhaksylykov, *is in awe* of his wife:

I feared, I prayed over your body, always innocent, always virgin. I marveled at the father-creator of such beauty and babbled thanksgiving words with delight with my numb tongue [2. P. 39]).

Analyzing Dostoevsky's story, we should point to its leitmotif: the fantastic, which is “saturated” with reality; the line between the modes of reality is blurred and mutually permeable. Consequently, the Dreamer exists not only in his own spiritual dimension, but also in a specific urban space – Saint Petersburg. The level of the hero's perception of the city is significant: he is benevolent; the “City of Peter” is not felt by the Dreamer as a “smoky cage”. The Dreamer's attitude to the world is altruistic; in this aspect, he departs from both Byron's and Pushkin's hero, who despises his environment.

The Dreamer's idyll is “interrupted” by a failed happiness – Nastenka leaves him for the sake of her “earthly” lover – the Dweller.

Artistically, the Dweller is the Dreamer's counter – mask, which marks the character's belonging to the material world. Nastenka takes the transposition in the story. Being a person who is not devoid of conscience and spiritual values, she still leaves the Dreamer, defining her own act as “betrayal”. Nastenka is a woman-girl (the lexemes that characterize her are “little mouth”, “tiny hands”, “doll face”, etc.); she combines ingenuousness with practicality, reaching the point of prudence.

Zhaksylykov draws an implicit parallel between all three characters. Unselfish and sincere idealist Jean is the embodiment of the Dreamer type, eventually completely destroyed; while Ainur has Nastenka's character, which is intensified towards greater mercantilism; Dweller is a kind of Arman's correlation.

However, Dostoevsky's Dreamer, unlike the hero of “The Singing Stones”, managed to preserve not only his exalted and benevolent attitude to the world,

but also his pure love for Nastenka, despite the fact that her leaving darkened his vision of life (*My nights ended in the morning. It wasn't a good day. It was raining and the rain was beating against my windows; it was dark in the room, it was cloudy outside*).

Jean has similar feelings:

The barn is overgrown with moss of desolation. Hands hug the ground and cry from the cold. The longing of loneliness wanders in the chest [2. P. 39].

The end of Dostoevsky's story summarizes that even one minute of bliss is enough for a whole human life (these lines are correlated with the epigraph from the poem "The Flower" by I. Turgenev: "...Or was it created in order to stay at least a moment in the neighborhood of your heart?..."). One minute is enough for Zhaksylykov's hero, but in the opposite of its biographical significance:

Just one minute turned me into a pitiful, despicable creature. The wind of violent change drove me like a tumbleweed. A stream of malice, bile, and hatred were beating out of me... I turned into a completely different creature, being fierce and vile as a hyena. Yes, you did get your way.

Jean's entire family life turned out to be a "dream" and "illusion"; Ainur did not have true love for him (Nastenka, on the contrary, loved the Dreamer – but loved "in her own way").

The "paradise" of marriage, destroyed by the "deceived" Eva-Ainur, opened the way for "the knowledge of good and evil" for Jean; this "plot knot" turns out to be "Gordian": the protagonist will have to determine his place in the world.

Arman, who destroyed family happiness (Zhaksylykov again turns to the Old Testament, mentioning "heavenly meadows") symbolically becomes a tempting serpent, that is, the Devil, which once again emphasizes his functional connection with the Shadow, realized in the motive of the Black Man. However, this function is not so much destructive as initiatory:

You destroyed me, settled the argument for your own benefit, but were you able to delete the question that I was carrying with my existence? A person can be humiliated, disgraced, thrown out in the mud, even killed in extreme cases, but can you completely dismiss the indisputable fact that he is completely different from your creature, and this is the whole challenge of space for you? [2. P. 82].

The shadow thus becomes a "life-creating" sign that the main character's psyche creates for its own purification and self-affirmation. Maria-Louise von Franz notes that "there is a state of suspension, which everything has stopped in. The ego is in indecision between 'yes' and 'no', and the person is tormented, because the flow of life has stopped and all efforts are fruitless. The ego surrenders, obeying something objective, a sign from Above that points to the truth" [10. P. 352].

The meeting with the Shadow, embodied in the image of the Black Man, becomes the initiator for the protagonist. Acceptance of the dark sides of the personality, their consistent understanding are necessary conditions for the transformation of the main character and his spiritual evolution. And if in the Russian literary tradition a meeting with a shadow (a black man) ends in madness or death (Pushkin's "Mozart and Salieri", Gogol's "Portrait", Dostoevsky's "Double", etc.), it marks a rebirth and continuation of the life path on its new turn for A. Zhaksylykov's hero.

The artistic text is, in the words of P. Volkova, “a bridge across the abyss”, where the entire human culture appears as an Abyss. “Passing through it”, the Reader “sees” not only the hero of particular work, but also its “cultural counterparts”; hears the “chorus” of predecessors behind the voice of the Author-luminary; attributes the Text to previously known ideological and artistic “parameters”, making it “convex”. So, the Text is a carrier of cultural memory and at the same time a generator of new meanings.

The Author's appeal to a limited range of pretexts is due to his intention “to be understood” – *Esse est percipi*.

It is quite understandable that in the designated “range” consists of the canonical literature names the author is focused, in particular, on the “recognition” of someone else's voice by the Reader, therefore, this “voice” should be a textual precedent for his cognitive base – a set of knowledge that is mandatory for the carrier of this linguistic culture.

Russian literature, due to certain historical factors, became a “content and structurally obligatory” cognitive foundation for all the peoples of the Russian Empire and the Soviet Union; by the 20th century, its *development* by many foreign cultures had already taken place. Thus, there is a situation of “doom” to dialogue, which still has a huge constructive potential. A bilingual writer connected simultaneously to two domains native and Russian literature as compulsory translates elements of his own culture like national images of the world into “outer space” (through the Russian language). The inter-literary dialogue contributes to the establishment of strong cross-cultural cooperation. It is no coincidence that A. Zhaksylykov, the author of the novel series “The Dreams of the Damned”, was recognized as a gold laureate of the “Golden Pen of Russia” competition for his *enormous contribution to the literature of Kazakhstan, for the creation of priceless pieces of work*. The writer managed to create a text that is equally significant for representatives of different linguistic cultures, thanks to the configuration of such two concept spheres as Kazakh and Russian ones.

Zhaksylykov is truly original. The author starts from the facts of Kazakhstan's history, but places them in a multi-level meaning-generating context, in which each artistic element acquires ontological significance. The ideological and symbolic concentration of images, stylistic complexity, organization of narrative levels presented in the cycle have no analogues in the Kazakh prose. The complicated architectonics of the text, its “mental split” and at the same time continuity are isomorphic to the Author's idea of the existential continuity of all things, of Consciousness beyond limitations, of the continuity of Being.

According to Zhaksylykov, humanity is a paralogical phenomenon in the History of the Earth (“paralogy” is a synthesis of paradox and analogy, connection and contradiction, parallel and conflict). Being a collective form of “living life”, Humanity is the only one of all biological species that, reaching the apotheosis of its development at the next stage of evolution, begins to strive for self-destruction, leveling the excess of its own “living matter”. “Local” and “global” Fratricide is the result of this Program.

References

- [1] Kellman, S.G. (2019). Literary Translingualism: What and Why? *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16(3), 337–346. doi: 10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346.
- [2] Zhaksylykov, A.Zh. (2006). *Sny okayannyh: Trilogiya* [*Dreams of the Damned: Trilogy*]. Almaty, Almatinskij izdatel'skij dom Publ. (In Russ.)
- [3] Lejderman, N.L. (2005). Traektorii “eksperimental'noj epohi”: Vvedenie [Trajectories of the “Experimental Era”: Introduction]. *Russkaya literatura XX veka: Zakonomernost' istoricheskogo razvitiya. Kn. 1. Novye hudozhestvennye strategii* [*Russian Literature of the 20th Century: the Pattern of Historical Development. Book 1. New Literary Strategies*] (pp. 47–48). Ekaterinburg, UrO RAN Publ. (In Russ.)
- [4] Fomenko, I.V. (2012). *Citata. Vvedenie v literaturovedenie* [*Quote. Introduction to Literary Studies*]. Moscow, Akademiya Publ. (In Russ.)
- [5] Lejderman, N.L. (2005). Russkoyazychnaya literatura – perekrestok kul'tur [Russian-language Literature – the Crossroads of Cultures]. In *Russkaya literatura XX–XXI vekov: Napravleniya i techeniya* [*Russian literature of the XX–XXI centuries: directions and currents*] (p. 50). Ekaterinburg. (In Russ.)
- [6] Bahtin, M.M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*Aesthetics of Verbal Creativity*]. Moscow, Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- [7] Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [*Selected works: Semiotics: Poetics*]. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- [8] Tyupa, V.I. (2006). *Analiz hudozhestvennogo teksta* [*Analysis of literary text*]. Moscow, Akademiya Publ. (In Russ.)
- [9] *Belomorskie stariny i duhovnye stihi: Sobranie A.V. Markova* [*White Sea Antiquities and Spiritual Poems: Collection of A.V. Markov*]. (2002). Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ. (In Russ.)
- [10] Franz, M.-L. fon. (2010). *Fenomeny Teni i Zla v volshebnyh skazkah* [*The Phenomena of Shadow and Evil in a Fairy Tales*]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)

Bio note:

Sheker A. Kulieva, Candidate in History, Docent of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Сведения об авторе:

Кулиева Шекер Авдыевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

КОМПАРАТИВИСТИКА
COMPARATIVE STUDIES

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-671-681
УДК 821.581

Научная статья / Research article

**Культурные коннотации образа восприятия эмигрантов
в китайском этническом сознании 20–40-х годов XX века
на материале китайской литературы и публицистики**

Ши Лю

Амурский государственный университет
Российская Федерация, 675027, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21
228349909@qq.com

Аннотация. Актуальность исследования определяется интересом современного гуманитарного знания к изучению образа «чужого», исследованию механизмов рецепции инокультурного и иноэтнического мира в процессе межэтнического и межкультурного взаимодействия XX века. Новизна обусловлена привлечением материала публицистических и художественных текстов китайских авторов «левого» и «правого» крыла в их соотнесенности с историко-политическими и лингвокультурными реалиями 20–40-х годов XX века. Проблема исследования состоит в корреляции этнокультурных, этнопсихологических и социально-политических коннотаций образа восприятия эмигранта в китайском этническом сознании. Целью исследования является изучение лексико-семантических трансформаций понятия «эмигрант» в контексте китайской идеологии и китайской литературы 20–40-х годов XX века, а также выявление индивидуальных черт художественного восприятия эмигранта китайскими писателями. Методология исследования опирается на имагологический подход к исследованию литературы с привлечением этнопсихологических наблюдений. В работе использованы историко-литературный, сравнительно-исторический, лексико-семантический методы, а также приемы переводоведения. В результате исследования обнаруживается, что в китайских художественных и публицистических текстах указанного периода преобладает негативный художественный образ восприятия эмигрантов – «белоэмигрантов». Таким образом, негативная семантика культурных коннотаций понятия «эмигрант» в китайском этническом сознании 20–40-х годов прошлого века, с одной стороны, отразила реальные обстоятельства эмигрантской жизни и эмигрантского сознания; с другой стороны – запечатлела сложные общественно-политические и этнопсихологические процессы, протекающие в китайском обществе, затрагивающие глубинные основания китайской культуры и китайской этничности.

Ключевые слова: китайская литература, белоэмигрант, этническое сознание, культурная коннотация, художественный образ восприятия

© Лю Ши, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)».

История статьи: поступила в редакцию – 10 сентября 2020 г.; принята к публикации – 22 сентября 2020 г.

Для цитирования: *Лю Ши*. Культурные коннотации образа восприятия эмигрантов в китайском этническом сознании 20–40-х годов XX века на материале китайской литературы и публицистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 671–681. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-671-681>

Cultural connotations of the image of perception of emigrants in Chinese ethnic consciousness of the 20–40s of the 20th century based on the material of Chinese literature and publicism

Shi Liu

Amur State University
21 Ignatievskoe Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation
228349909@qq.com

Abstract. The relevance of the study is determined by the interest of modern humanitarian knowledge in the study of the image of the “alien”, the study of the mechanisms of reception of the foreign and other ethnic world in the process of interethnic and intercultural interaction of the 20th century. The novelty is due to the involvement of the material of journalistic and artistic texts of the Chinese authors of the “left” and “right” wing in their correlation with the historical, political and linguocultural realities of the 20–40s of the 20th century. The research problem consists in the correlation of ethnocultural, ethnopsychological and socio-political connotations of the image of the perception of an emigrant in the Chinese ethnic consciousness. The aim of the research is to study the lexical and semantic transformations of the concept of “emigrant” in the context of Chinese ideology and Chinese literature of the 20–40s of the 20th century, as well as to identify the individual features of the artistic perception of an emigrant by Chinese writers. The research methodology is based on an imagological approach to the study of literature with the involvement of ethnopsychological observations. The work uses historical-literary, comparative-historical, lexical-semantic methods, as well as techniques of translation studies. It is discovered that in the Chinese fiction and journalistic texts of the 20–40s of the 20th century the negative artistic image of the perception of emigrants – “white emigrants” prevails. Thus, in the Chinese ethnic consciousness of the 1920s and 1940s, the cultural connotation of the concept of “emigrant” had negative semantics. On the one hand, it reflects the real situation of emigrant life and emigrant consciousness; on the other hand, it captures the complex socio-political and ethno psychological processes that have taken place in Chinese society, affecting the foundation of Chinese culture and Chinese ethnicity.

Keywords: Chinese literature, White emigrant, Ethnic consciousness, Cultural connotation, Artistic image of perception

Acknowledgements and Funding. The work was financially supported by the RFFI grant No. 20-012-00318 “Images of Russia and China in artistic ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s–1940s of the 20th century)”.

Article history: received – 12 September 2020; revised – 20 September 2020; accepted – 22 September 2020.

For citation: Liu, Shi. (2020). Cultural connotations of the image of perception of emigrants in Chinese ethnic consciousness of the 20–40s of the 20th century based on the material of Chinese literature and publicism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 671–681. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-671-681>

Введение

Работа этнического сознания определяется его направленностью на восприятие «чужого» и через это – на самопознание. Основой рецепции инокультуры в этническом сознании становится корреляция этнических стереотипов через преодоление фреймов восприятия (религиозных, политических, социальных, культурных и т.д.) [1. С. 33–35]. Условия, когда воспринимающий этнос сталкивается с проблемой рецепции эмигрантской инокультуры, обнажают и усиливают скрытые механизмы работы этнического сознания. Непосредственные межэтнические контакты, бытовой и даже возможный брачный опыт с эмигрантами помогают разрушить или скорректировать книжные этнокультурные стереотипы, существующие в сознании культуры-реципиента. Данные процессы работы этнического сознания мы наблюдаем в 20–40-е годы XX века в китайской культуре по отношению к культуре «бывших русских» – они запечатлены в публицистических и художественных текстах «левого» и «правого» крыла литературы, а также исторических документах, политических манифестах и т. д.

С начала 20-х годов прошлого века начинается новый этап восприятия китайцами тех, кого они привыкли называть «заморскими дьяволами» (洋鬼子, yangguizi). Этот опыт не только открыл китайцам иное знание о «всемогущих» «белых варварах», но эксплицитировал неизвестные аспекты собственной этничности. После революции и Гражданской войны сотни тысяч беженцев из российского Дальнего Востока пытались спастись на территории Северной Маньчжурии – в Харбине, сохраняющем еще положение города, нетронутого революционными потрясениями, заселенного с начала века бывшими строителями Китайско-Восточной железной дороги и обслуживающим дорогу и ее жизнеобеспечение людом, а затем в Шанхае. Несмотря на этнические различия, всех беженцев (русских, украинцев, белорусов, евреев, поляков, литовцев, латышей, грузин, армян и других – всего около 35 национальностей) объединяло представление о бывшей родине – России, владение русским языком, общие беды изгнанничества [2. С. 3–18].

В восприятии китайцев эти люди также предстают в едином образе русских изгоев. В условиях острой политической борьбы, протекающей в Китае между сторонниками Коммунистической партии и Гоминьдана, восприятие эмиграции и эмигрантов становится призмой, сквозь которую политические противники рассматривают свое историческое прошлое, оценивают перспективы будущего и поверяют этничность.

В современном китайском литературном языке понятие «эмигрант» (侨民 qiáomín) имеет абсолютно нейтральное значение и определяется как 住在

外国而保留本国国籍的居民 (живущий за границей, но сохраняющий гражданство своей родины) [3. С. 1020]. Эмиграция (侨民(们)) – это собирательное именование для обозначения множества эмигрантов [4. С. 7417]. Прагматичные китайцы спокойно относились и относятся к проблеме эмиграции – они знают, что когда придет срок умирать, каждый истинный сын Поднебесной должен будет вернуться на родину предков. Таким образом, современные толковые словари китайского языка учитывают только географическую и пространственную семантику понятий «эмигрант» и «эмиграция», практически так же, как это было и при возникновении понятия. Но нейтральное значение понятия «эмигрант» не всегда было присуще китайскому лингвокультурному и этнокультурному сознанию.

Идейно-политическая коннотация понятия «эмигрант» в 20–40-е годы XX века в Китае

В разные эпохи у одних и тех же понятий возникают новые общественно-политические, религиозные, этносоциальные и этнокультурные коннотации [5. С. 147]. В 20-е годы прошлого века семантика слова эмигрант приобрела острые политические оттенки. В «Современном китайском словаре», опубликованном в 1933 году, понятие «эмигрант» (侨民, qiáomín) было расположено в синонимическом ряду со словом «белоэмигрант» (白俄侨民, báiféiqiáomín) и имело следующее толкование: «Русские, которые выступают против русской революции и Советов, живут в разных странах и помогают империалистам подавить революционное движение (反对俄国革命及苏维埃的俄罗斯人, 他们流落各国, 帮助帝国主义镇压革命运动)» [6. С. 124].

Долгие годы, вплоть до середины 1980-х годов, в китайском этническом сознании понятие «эмигрант» («белоэмигрант», с проекцией на политический, литературно-публицистический, научный дискурс) будет определять всех тех, кто волей или неволей оказался в Китае после Октябрьской революции, невзирая на их социокультурный уровень и этнические корни. При этом идейно-политическая коннотация практически вытеснит этимологию. Дополнительный иероглиф «белый» (白色的) превратит нейтральное до этого времени значение слова «эмигрант» в понятие с резко-оценочными смыслами.

Метаморфозе семантического значения социальной категории «эмигрант» в национально-политическую номинацию сопутствовали объективные общественно-политические обстоятельства. В 20–40-е годы прошлого века Китай переживал острые социальные потрясения: позади была эпохальная Синьхайская революция, приведшая к свержению многовекового маньчжурского владычества; шла напряженная война между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая (КПК), кроме того – перед Китаем нависла угроза японской агрессии. В этом контексте послереволюционная Россия, а затем и СССР и советские люди вызывают восторг, служат образцом (вспомним восторженные публикации Цюй Цюбо [7. С. 133]).

Иное дело – те, кто не принял русскую революцию и оказался в эмиграции. Китайские исследователи констатируют: «Белоэмигранты в китайском представлении утратили свою историческую и культурную привлекательность и сочувствие, они рассматривались как просто пассивный, историче-

ский обусловленный реликт: как яркое зеркальное отражение между двумя полюсами – царским империализмом и Советским Союзом, между двумя эпохами – царской Россией и Советской Россией, и даже между двумя революционными путями – идеологической и социальной революцией» [8. С. 78].

Образ восприятия «чужого» в публицистике и литературе [9. С. 246], или «культурные образы» [10. С. 180–181], как нельзя лучше эксплицируют этнокультурные стереотипы и фреймы (политические, религиозные, этнические) воспринимающего этноса. Китайской публицистике и литературе новейшего времени на протяжении почти всего XX столетия была присуща политическая ориентированность и идеологическая ангажированность. После Движения 4 мая (五四运动) 1919 года противодействие империализму стало основным направлением китайской идеологии. В это время Гоминьдан продвигал политику сотрудничества с Советской Россией и коммунистами. Позднее Советский Союз как крупнейший сосед стал центром идеологической ориентации в антиимпериалистической борьбе Китая [11. С. 71].

В 1927 году Гоминьдан объединил юг Китая и порвал с КПК, постепенно укрепляя диктатуру Чан Кайши [12. С. 1]. С 1928 года Чан Кайши и его правящая верхушка становятся объектами борьбы КПК, в том числе и на литературном фронте [13. С. 1]. Именно в этом контексте сформировалась проза о белоэмигрантах в творчестве прозаиков «Лиги левых писателей». Начало ей положили рассказы Цзян Гуанцы «Страдания Лизы» (1929) и «Поэт Ялов» Дин Лин (1932), повесть «Горе Софии» Сяо Хун (1936) и др.

Образ восприятия эмигрантов в литературе «левого крыла»

В конце 1920-х годов белоэмигранты становятся политическими врагами китайского пролетариата, угрожающими и Советскому Союзу [14], а с точки зрения конкуренции на рынке труда – экономическими врагами китайского пролетариата [15]. На протяжении 1927–1936 годов газета «Шэнь бао» (申报) публикует сотни материалов о жизни белоэмигрантов как разлагающихся социальных типов и «империалистических приспешников» [16. С. 119], «скрытых чужих» (Лу Синь) [17].

Такая политическая установка обусловила то, что в литературе «пролетарского направления» («левого крыла») образ эмигрантов (белоэмигрантов) обрел шаржевый, иногда доходящий до прямой карикатуры, характер. В произведениях, описывающих инцидент 1929 года (1) («красно-белый спор» в китайской трактовке), «ленивые эмигранты» становятся причиной возмущения «трудолюбивых» китайских рабочих: *«Забастовали китайские рабочие на водопроводном заводе иностранной концессии. Тогда отряды белоэмигрантских уголовников вторглись на завод. Концессионное правительство, желая, чтобы они помешали забастовке, заплатило им в пять раз больше денег, чем китайцам. Они хорошо поняли друг друга. Для этих ленивых белоэмигрантов – это благословение неба. Им не нужно много работать, они могут плавать в бассейне в такую жаркую погоду. Потому белоэмигранты вызвали возмущение китайских рабочих»* [18. С. 3].

В литературе антияпонского сопротивления (1932–1945) персонаж, желающий подчеркнуть свое отрицательное отношение к эмигрантам, обяза-

тельно ссылаясь на агрессивную политику царского правительства по отношению к Китаю, уравнивая действия России и русских с милитаристской Японией и японцами (Шу Цюнь [19. С. 169], Ма Цзя [20. С. 61] и др.).

В шанхайской литературе образ восприятия белоэмигрантов в таком карикатурном понимании реализует весь комплекс представлений о «заморских дьяволах», варварах, не имеющих морально-нравственных принципов [21. С. 8]. Не желающие признать «единственно правильную» родину – Советский Союз, живущие мечтами о прошлом России, эти люди (все как один – дворянского сословия) уподоблены диким зверям: «Эти “Ло Со” [22], которых в своей стране раньше называли “дворяне”, которые наслаждались прежде бесчисленными богатствами, сегодня – лишь частично люди, которые напиваются в хлам, шастают по улице туда-сюда, как призрак. Иногда они поют государственный гимн эпохи Николая – как похоронную песню. Они похожи на зверей, глупо ползают и блюют», – напишет Цянь Синцунь [23. С. 375]. Не случайно для них, в отличие от северо-восточных именованных «баймаоцзы» (белый волосатик), «лаомаоцзы» (старый волосатик) по отношению к русским, используется номинации «лосо», «лосун» (罗索, luósuǒ; 罗宋, luósòng) [24], в своей основе в китайской интерпретации связанные с понятиями «дикий», «страшный», «демонический».

Гендерные образы восприятия «чужих» – один их наиболее эффективных приемов литературной имагологии. От сатирического изображения «диких белоэмигрантов», иногда бросающихся на «настоящих» людей, автор переходит к гротескному изображению женщины «Ло Со» Маруси. Не случайно само произведение названо «Женщина Ло Со» (罗索的女人, luósuondeǚrén), подчеркивая одновременно типичный и безликий характер русских эмигранток. Эта «дамочка», супруга почтальона Хисотьева, женщина без совести и чести, продает себя американскому дельцу.

При этом есть отдельные группы эмигрантов, по отношению к которым клишированность и гротескность изображения не употребляется по социальным и этническим признакам – это в первую очередь *нищие*.

«Цивилизованное» поведение русского изгоя (рассказ «Эмигранты» Чжоу Лэнцзя) делает его в глазах образованного китайца равным человеком – потому, уважая его, рассказчик не может подать ему милостыню: *«Выхожу за порог, иду по улице, передо мной лицом к лицу стоит человек, снимает передо мной шляпу, – вот он, эмигрант. Я внешне равнодушен к нему. Но наши сердца перекликаются. Каждый раз, когда он видит меня, он снимает шляпу и улыбается. Эта горькая улыбка. В этой улыбке я вижу его прежнюю роскошь и нынешнюю бедность. Однако я ничего не даю ему, потому что не знаю, уместно ли жертвовать русскому нищему так же, как обычному китайскому нищему»* [25. С. 6]. Данная этнопсихологическая деталь весьма показательна и обнажает двойственность китайского этнического сознания: с одной стороны, эти русские эмигранты – «баймаоцзы», дикие и не знающие китайской традиции, к тому же утратившие свой социальный статус. С другой стороны, образованный китайский писатель, благоговейно взирающий на европейскую культуру, не может не видеть благородства и высокого культурного уровня встречаемого им каждый день «бывшего человека». По-

добные мысли выскажут Чэн Бибин [26. С. 5], писатель, творящий под псевдонимом Вэй [27. С. 14], Цзинь И [28. С. 13].

На наш взгляд, в таком восприятии проявлена «босая мифология», присущая произведениям раннего М. Горького, столь популярного в литературе «левого крыла» той поры. Опираясь на «босаяческую парадигму» в отношении образа восприятия эмигрантов-нищих, китайские писатели одновременно создают и образ самовосприятия. Автобиографические герои-китайцы сквозь призму своего отношения к нищим русским изгоям демонстрируют столь необходимые для конфуцианской этики качества «совершенного мужа (жень)» (圣人): благородство, справедливость, доброту, честность, внимание и чуткость к чувствам и нуждам людей, чувство такта и чувство приличия [29. С. 35–36].

Несколько иные коннотации приобретают образы эмигрантов в литературе Гомиьндана [30. С. 11], ставшей во главу угла не классовую борьбу, а националистические идеи [31. С. 33]. Образы восприятия эмигрантов стали необходимы, например, писателю Хуан Чжэнься как пример национального героизма [32]. В романе «Лунхайские линии» (1930), рассказывающем о «Войне центральных равнин» (2) и битве в Хэнань, выведены образы солдата Багрова, командира роты Гу, командира взвода Сергея, капитана Юй Идэ, лейтенанта Юй Ганькэ, Дягирова и Анисимова [33. С. 12]. Их характеры отчетливо индивидуализированы и в то же время воплощают различные аспекты единого образа эмигранта.

В характере Юй Ганькэ подчеркивается презрение к смерти и склонность к «бесстрашной авантюре» [33 С. 281–282]. Дягиров – опытный вояка, у него «белая нежная кожа», «острый нерв» и «любовь к тщеславию». Самый героический солдат в романе – Багров. В обычной жизни «горький пьяница и негодяй», на войне он – «бесстрашный солдат». Его героизм основан не на безрассудстве, это – хорошо подготовленный воин-профессионал.

Трогательная дружба героя-китайца и русских солдат питается духом братской взаимопомощи на войне. Душевная теплота русских военных подарила герою Хуан Цзунханю добрые чувства, а национальная гордость тоскующих по родине эмигрантов послужила примером китайскому народу в его национальной борьбе: *«Русские солдаты-эмигранты волею судеб были втянуты в гражданскую войну Китая и испытали ужасные потери в боях. На обширной китайской земле, от Шэньяна до Шанхая, от Циндао до Хэнани, везде и всюду возможно видеть могилы русских солдат и офицеров»* [34. С. 168]. При этом, отмечая лучшие воинские качества русских эмигрантов, писатель тем не менее отказывает им в непреложных достоинствах «совершенного мужа» (им может соответствовать только китаец), воюющего исключительно ради человеколюбия и Должного, а не ради денег и личной выгоды.

Заключение

Процесс рецепции феномена эмиграции и восприятия эмигрантов в китайском этническом сознании пришелся на годы яростной общественно-политической борьбы внутри китайского общества, становления новой коммунистической идеологии и новой эстетики, ориентированной на советские

образцы. В лучших образцах китайской литературы 20–40-х годов XX века гуманистический настрой авторов позволил снять с образов восприятия эмигрантов стереотип «жестокости и варварства». В корреляции «своего» и «чужого» образ восприятия русских эмигрантов стал подобен зеркалу, отражающему образы самовосприятия прогрессивных китайцев в тот период истории. При этом в литературном творчестве китайских авторов отразились сложные процессы работы этнического сознания, обнажились фреймы, присущие китайцам в восприятии иностранцев с глубокой древности.

Примечания

- (1) Красно-белый спор – конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (Дальневосточный конфликт), советско-китайский вооруженный конфликт, произошедший в 1929 году после захвата Чжан Сюэляном контроля над Китайско-Восточной железной дорогой, являвшейся совместным советско-китайским предприятием. В ходе последующих боевых действий Красная армия разгромила противника. Подписанный 22 декабря Хабаровский протокол положил конец конфликту и восстановил существовавший до столкновений статус дороги.
- (2) Война центральных равнин – май – ноябрь 1930 года, гражданская война в гоминьдановском Китае.

Список литературы

- [1] *Забияко А.П.* Фреймы в религиоведении // Вестник Российского сообщества преподавателей религиоведения. 2008. № 1. С. 33–35.
- [2] *Забияко А.А.* Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 447 с.
- [3] *Lu Shuxiang, Ding Shengshu.* Xiàndài hànyǔ cídiǎn [吕淑湘, 丁声树. 现代汉语词典]. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2016.
- [4] *Xīn shídài èhàn xiángjiě dà cídiǎn* [新时代俄汉详解大词典]: in 4 vols. Vol. 4. S–Ya. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2014.
- [5] *Телия В.Н., Опарина Е.О.* Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. 2011. № 1. С. 145–148. URL: <https://rucont.ru/efd/472129> (дата обращения: 16.09.2019).
- [6] *Li Dingsheng.* Xiàndàiyǔ cídiǎn [李鼎声. 现代语辞典]. Shanghai, Guangming shudian, 1933.
- [7] *Yang Hui.* Zhōngé wénběn shìyù xià de qúqīubái wénxué sīxiǎng [杨慧. 中俄文本视域下的瞿秋白文学思想] // Jílín dàxué xuébào [吉林大学学报]. 2015. No. 2. Pp. 133–139.
- [8] *Балакишин П.П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во ГПИИБ, 2013. 528 с.
- [9] *Jin Gang.* Èluósī wénhuà duì jìnxīndài dōngběi wénxué de yǐngxiǎng [金钢. 俄罗斯文化对近现代东北文学的影响]. Beijing, Publishing House of Social Studies Source, 2018.
- [10] *Pageaux D.-H.* Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle. Synthesis. Bucharest, 1981. 228 p.
- [11] *Chao Juren.* Lǔxùn niánpǔ [曹聚仁. 鲁迅年谱]. Beijing: People's Literature, 1981.
- [12] *Zhang Hong.* 1927–1937 nián shànghǎi jǐngchá [章红. 1927–1937 年上海警察]. Shanghai: Shanghai ancient book, 2004.
- [13] *Kuang Xinnian.* 1928 nián de gé mìng wénxué [旷兴年. 1928 年的革命文学]. Jinan: Shandong Education, 1998.

- [14] Fǎn dìguó zhūyì duì sūlián de wǔzhuāng gōngjī [反帝国主义对苏联的武装攻击] // Hóngsè zhōnghuá [红色中华]. 1931. No. 3.
- [15] Li Yimang. Suí bǐ – báirén yímín yǔ zhōngguó wúchǎnjiējí [李一氓. 随笔 – 白人移民与中国无产阶级] // Bā ěr dǐ shān [巴尔底山]. 1930. No. 2.
- [16] Yang Hui. Kǔnán de fēngjǐng: 1930 niándài zhōngguó wénxué zhōng de báié qǐgài [杨慧. 苦难的风景: 1930年代中国文学中的白俄乞丐] // Nán kāi dà xué xué bào [南开大学学报]. 2013. No. 4. Pp. 119–129.
- [17] Lu Xun. Tī [鲁迅. 踢] // Shēnbào: zìyóu tán [申报: 自由谈]. 1933. No. 2.
- [18] Feng Naichao. Piànduàn: cóng báié lǎopózi shuōqǐ [冯乃超. 片断: 从白俄老婆子说起] // Xiàndài xiǎoshuō [现代小说]. 1929. No. 1. P. 3.
- [19] Shu Qun. Wú guójí de rénmen [舒群. 无国籍的人们] // Zhàn dì [战地]. Shanghai: Bei Xin, 1938.
- [20] Ma Jia. Fùchóu zhī lù [马加. 复仇之路] // Shìjiè dòngtài [世界动态]. 1936. No. 1. P. 61.
- [21] Wang Yamin. 20 shìjì 20–30 niándài zhōngguó xiàndài wénxué yǔ éqiáo wénxué zhōng de shànghǎi [王亚民. 20世纪 20–30年代中国现代文学与俄侨文学中的上海] // Lánzhōu xuékān [兰州学刊]. 2015. No. 8. Pp. 6–11.
- [22] Qian Xingcun. Yīgè luósuǒ nǚrén [钱杏邨. 一个罗索女人] // Xīnliú yuèbào [新流月报]. 1929. No. 2.
- [23] Qian Xingcun. Yīgè luósuǒ nǚrén [钱杏邨. 一个罗索女人] // Qián xìng cūn wén jí [钱杏邨文集]. Shanghai: Modern Book, 1929. Pp. 373–393.
- [24] Zhang Mingyang. Báié zài yuǎndōng [张明养. 白俄在远东] // Tài bái [太白]. 1935. No. 4.
- [25] Zhou Lengjia. Qiáo mín [周楞伽. 侨民] // Shēnbào: zìyóu tán [申报: 自由谈]. 1933. No. 2. P. 6.
- [26] Cheng Bibing. Hòu xù [程碧冰. 后序] // Zài bìngyuàn zhōng [在病院中]. Shanghai: Shenzhou Guoguang, 1931. P. 5.
- [27] Wei. Báié zài hāěrbīn [微. 白俄在哈尔滨] // Hàn xuè zhōukān [汗血周刊]. Harbin, 1935. Pp. 14–20.
- [28] Jin Yi. Yǔn [靳以. 陨] // Dōngfāng [东方]. Shanghai, Commercial Press, 1931. Pp. 11–27.
- [29] Zhang Yan. Kǒng zǐ xíngxiàng xiángxī [张岩. 孔子形象详析] // Liáoníng dàxué xuéào [辽宁大学学报]. 2003. Pp. 35–36.
- [30] Zhou Yunpeng. Mínzú zhūyì wénxué lùn 1930–1937 [周云鹏. 民族主义文学论 1930–1937]: PhD Thesis, Philological Sciences. Shanghai, 2005.
- [31] Qin Jiaqi. Guānyú “yòuyì” wénxué yánjiū ruògàn wèntí de sīkǎo [秦家琪. 关于“右翼”文学研究若干问题的思考] // Nánjīng shīfàn dàxué xuéào [南京师范大学学报]. 1986. No. 3. Pp. 32–40.
- [32] Huang Zhenxia. Shìjiè de zhǔrén [黄震遐. 世界的主人] // Shēnbào: yìshù jiè [申报: 艺术界]. 1928. No. 2.
- [33] Huang Zhenxia. Lǒnghǎi xiànshàng [黄震遐. 陇海线上]. Shanghai, Shanghai Bookstore, 1989.
- [34] Li Xinggen. Éqiáo zài zhōngguó [李兴耕. 俄侨在中国]. Beijing, Bureau of the Central Committee of the Translation and Editing, 1997.

References

- [1] Zabiyaqo, A.P. (2008). Freimy v religiovedenii [Frames in Religious Studies]. *Vestnik Rossiiskogo soobshchestva prepodavatelei religiovedeniya* [Bulletin of the Russian community of teachers of religious studies], (1), 33–35.
- [2] Zabiyaqo, A.A. (2016). *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: Kul'tura i literatura russkogo Kharbina* [Mentality of the Far Eastern Frontier: Culture and Literature of Russian Harbin]. Novosibirsk, SO RAN Publ.

- [3] Lv, Shuxiang, & Ding, Shengshu. (2016). *Xiàndài hànyǔ cídiǎn* [*Dictionary of modern Chinese*]. Beijing, Shangwu yinshuguan Publ. (In Chinese.)
- [4] *Xīn shídài èhàn xiángjiě dà cídiǎn* [*The Big Russian-Chinese Explanatory Dictionary of the New Era*] (vol. 4. S–Ya). (2014). Beijing, Shangwu yinshuguan Publ. (In Chinese.)
- [5] Teliya, V.N., & Oparina, E.O. (2011). Kul'turnaya konnotatsiya kak sposob voploshcheniya kul'tury v yazykovoi znak [Cultural connotation as a way of translating culture into a linguistic sign]. *Kul'turologiya* [*Cultural studies*], (1), 145–148. Retrieved September 16, 2019, from <https://rucont.ru/efd/472129>
- [6] Li, Dingsheng. (1933). *Xiàndàiyǔ cídiǎn* [*Modern dictionary of the Chinese language*]. Shanghai, Guangming shudian Publ. (In Chinese.)
- [7] Yang, Hui. (2015). Zhōnggé wénběn shìyù xià de qúqīubái wénxué sīxiǎng [Literary thought Qu Qiubai in the horizon of Chinese and Russian texts]. *Jilin dàxué xuébào* [*Bulletin of Jilin University*], (2), 133–139. (In Chinese.)
- [8] Balakshin, P.P. (2013). *Final v Kitae: Vozniknovenie, razvitie i ischeznovenie beloi emigratsii na Dal'nem Vostoke* [*Finale in China: The emergence, development and disappearance of white emigration in the Far East*] (vol. 1, 170–171). Moscow, GPIB Publ.
- [9] Jin, Gang. (2018). *Éluósī wénhuà duì jìnxìàndài dōngběi wénxué de yǐngxiǎng* [*The influence of Russian culture on modern northeastern literature*]. Beijing, Publishing House of Social Studies Source. (In Chinese.)
- [10] Pageaux, D.-H. (1981). *Une perspective d'études en littérature comparée: L'imagerie culturelle. Synthesis*. Bucharest.
- [11] Chao, Juren. (1981). *Lǚxùn niánpǔ* [*Biography of Lu Xun*]. Beijing, People's Literature Publ. (In Chinese.)
- [12] Zhang, Hong. (2004). *1927–1937 nián shànghǎi jǐngchá* [*Shanghai police in the 1927–1937s*]. Shanghai, Shanghai ancient book Publ. (In Chinese.)
- [13] Kuang, Xinnian. (1998). *1928 nián de gémìng wénxué* [*Revolutionary literature of 1928*]. Jinan, Shandong Education Publ. (In Chinese.)
- [14] Fǎn dìguó zhǔyì duì sūlián de wǔzhuāng gōngjī [Anti-imperialist armed attack on the Soviet Union] (1931). *Hóngsè zhōnghuá* [*Red China*], (3). (In Chinese.)
- [15] Li, Yimang. (1930). Suí bǐ – báirén yímín yǔ zhōngguó wúchǎnjiējí [Essays – White Emigrant and Chinese Proletariat]. *Bā ěr dī shān* [*Baerdishan*]. (In Chinese.)
- [16] Yang, Hui. (2013). Kǔnán de fēngjǐng: 1930 niándài zhōngguó wénxué zhōng de báié qǐgài [Suffering landscape: an emigrant beggar in Chinese literature in the 1930s of the 20th century]. *Nán kāi dà xué xué bào* [*Bulletin of Nankai University*], (4), 119–129. (In Chinese.)
- [17] Lu, Xun. (1933). Tī [Kick]. *Shēnbào: zìyóu tán* [*Shenbao: Free talk*]. (In Chinese.)
- [18] Feng, Naichao. (1929). Piànduàn: cóng báié lǎopózi shuōqǐ [Excerpt: From the story of a white emigrant wife]. *Xiàndài xiǎoshuō* [*Modern romance*], (1), 3. (In Chinese.)
- [19] Shu, Qun. (1938). Wú guójí de rénmen [Stateless]. *Zhàn dì* [*Battlefield*]. Shanghai, Bei Xin Publ. (In Chinese.)
- [20] Ma, Jia. (1936). Fùchóu zhī lù [Road to revenge]. *Shìjiè dòngtài* [*World News*], (1), 61. (In Chinese.)
- [21] Wang, Yamin. (2015). 20 shìjì 20–30 niándài zhōngguó xiàndài wénxué yǔ éqíáo wénxué zhōng de shànghǎi [Shanghai in modern Chinese literature and Russian foreign literature in the 1920–1930s of the 20th century]. *Lánzhōu xuékān* [*Lanzhou Research*], (8), 6–11. (In Chinese.)
- [22] Qian, Xingcun. (1929). Yīgè luósuǒ nǚrén [Woman Luo Suo]. *Xīnliú yuèbào* [*Monthly Xin Liu*]. (In Chinese.)
- [23] Qian, Xingcun. (1929). Yīgè luósuǒ nǚrén [Woman Luo Suo]. *Qián xìng cūn wén jí* [*Collection of Qian Xingcun*]. Shanghai, Modern Book Publ. (In Chinese.)
- [24] Zhang, Mingyang. (1935). Báié zài yuǎndōng [White emigrant in the Far East]. *Tài bái* [*Tai Bai*]. (In Chinese.)
- [25] Zhou, Lengjia. (1933). Qiáo mín [Emigrants]. *Shēnbào: zìyóu tán* [*Shenbao: Free talk*], (2), 6. (In Chinese.)

- [26] Cheng, Bibing. (1931). Hòu xù [Afterword]. *Zài bìngyuàn zhōng* [In the hospital] (p. 5). Shanghai, Shenzhou Guoguang Publ. (In Chinese.)
- [27] Wei. (1935). Báié zài hāerbīn [White emigrant in Harbin]. *Hàn xué zhōukān* [Weekly Hang Xue] (pp. 14–20). Harbin. (In Chinese.)
- [28] Jin, Yi. (1931). Yǔn [Meteorite]. *Dōngfāng* [East] (pp. 11–27). Shanghai, Commercial Press. (In Chinese.)
- [29] Zhang, Yan. (2003). Kǒng zǐ xíngxiàng xiángxī [Exploring the image of Confucius]. *Liáoníng dàxué xuébào* [Bulletin of Liaoning University] (p. 35–36). (In Chinese.)
- [30] Zhou, Yunpeng. (2005). *Mínzú zhūyì wénxué lùn 1930–1937* [A study of nationalist literature in the 1930–1937s] (PhD Thesis, Philological Sciences). Shanghai. (In Chinese.)
- [31] Qin, Jiaqi. (1986). Guānyú “yòuyì” wénxué yánjiū ruògàn wèntí de sīkǎo [Reflections on some issues of studying the literature of the “right wing”]. *Nánjīng shīfàn dàxué xuébào* [Bulletin of Nanjing Educational University], (3), 32–40. (In Chinese.)
- [32] Huang, Zhenxia. (1928). Shìjiè de zhǔrén [Lord of the world]. *Shēnbào: yìshù jiè* [Shenbao: Art]. (In Chinese.)
- [33] Huang, Zhenxia. (1989). Lǒnghǎi xiànshàng [Longhai lines]. Shanghai, Shanghai Bookstore. (In Chinese.)
- [34] Li, Xinggeng. (1997). *Éqiáo zài zhōngguó* [Russian emigrants in China]. Beijing, Bureau of the Central Committee of the Translation and Editing. (In Chinese.)

Сведения об авторе:

Лю Шу, магистр филологии, аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8155-3421>.

Bio note:

Shi Liu, Master of Philology, postgraduate student of the Department of Literature and World Art Culture of Amur State University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8155-3421>.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА
FOREIGN LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-682-691
УДК 821.133.1

Научная статья / Research article

**Концепт «нео-» и романы Ж. Роденбаха:
между романтизмом и символизмом**

Н.А. Литвиненко

Московский государственный областной университет
Российская Федерация, 141014, Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
ninellit@list.ru

Аннотация. Разнообразные формы переходности в литературе и искусстве рубежа XIX и XX вв. недостаточно исследованы. Использование концепта «нео-» позволяет уточнить представления о неоромантизме, сложившиеся в современной науке. В статье анализируется романное наследие бельгийского писателя Роденбаха как явление переходное, сближающее тетралогия писателя с романтизмом, Парнасом и символистской французской поэзией; как явление, органично включающее бельгийскую литературу в европейское пространство интертекстуальности. Доказывается, что обращение к проблемам искусства, художника-творца, «прекрасной души» связывает Роденбаха с традициями йенского романтизма, на новом этапе развития литературы создает трансформацию романтического мифа. Идеал искусства не подвергается девальвации, но художник, живущий в обществе, неизменно терпит поражение. Предаваясь земной страсти, вступая в конфликт с социумом и самим собой, он изменяет идеалу. Реальная жизнь порождает иллюзии и самообман, ведет героя к катастрофе. Роденбах использует романтическую модель мифологизации, насыщая ее символическими аллюзиями и знаками, в преддверии модернизма создает неоромантический романтический синтез.

Ключевые слова: Ж. Роденбах, бельгийская литература, романтизм, символизм, неоромантический синтез, роман, эстетическая трансформация, романтический миф о художнике, традиции, идеал

История статьи: поступила в редакцию – 1 сентября 2020 г.; принята к публикации – 12 сентября 2020 г.

Для цитирования: Литвиненко Н.А. Концепт «нео-» и романы Ж. Роденбаха: между романтизмом и символизмом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 682–691. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-682-691>

The concept of “neo” and the novels of G. Rodenbach: between romanticism and symbolism

Ninel A. Litvinenko

Moscow State Region University
24 Very Voloshinoi St, Mytitschi, 141014, Russian Federation
ninellit@list.ru

Abstract. Various forms of transition in literature and art of the turn of 19th and 20th centuries haven't been explored enough. The use of the concept of “neo” allows to clarify the ideas of neo-romanticism that have developed in modern science. The article analyzes the novel heritage of the Belgian writer Rodenbach as a transitional phenomenon that brings together the writer's tetralogy with romanticism, Parnassus and symbolist French poetry; as well as phenomenon that organically includes Belgian literature in the European space of intertextuality. It is proved that addressing the problems of art, the artist-creator, the “beautiful soul”, connects Rodenbach with the traditions of Yen's romanticism, at a new stage of development of literature generates a transformation of the myth of romanticism. The ideal of art is not subject to devaluation, but the artist, who lives in society, always fails. Indulging in earthly passion, coming into conflict with society and himself, he doesn't keep faith in his beliefs. Real life creates illusions and self-deception, leading the character to disaster. Rodenbach uses a romantic model of mythologization, saturating it with symbolic allusions and signs, on the eve of modernism creates a neo-romantic novel synthesis.

Keywords: Rodenbach, Belgian literature, romanticism, symbolism, neo-romantic synthesis, novel, aesthetic transformation of the myth of romanticism about the artist, traditions, ideal

Article history: received – 1 September 2020; revised – 6 September 2020; accepted – 12 September 2020.

For citation: Litvinenko, N.A. (2020). The concept of “neo” and the novels of G. Rodenbach: Between romanticism and symbolism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 682–691. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-682-691>

Введение

Используемый как приставка в составных сложных словах аффикс «нео-» характеризует обновляемую семантику различных литературных направлений, явлений, связанных с частичным пересмотром устоявшихся традиций, трансформацией, модифицированием ранее сложившихся эстетических систем. На этой концептной основе возникли исследования, посвященные неоклассицизму, необарокко, неовикторианству, неоготике, неоромантизму и т. д., выдвигающие в центр проблему переходности эстетических феноменов и эпох. Литературоведы, размышляющие над этой проблемой, подчеркивают множественность и открытость семантики «нео-», поскольку она стягивает разнообразные социокультурные векторы восприятия и интерпретации – памяти, канона, «становления, эволюции, предсказуемых или неожиданных мутаций культуры», которая «постоянно находится в динамике связей между постоянно изменяющимся отношением к прошлому и колеблющимися, неустойчивыми, гипотетическими прогнозами будущего» [1].

Изучение феномена «нео-» осложняется множественной семантикой знаков, наличием разных риторических кодов, определяющих специфику воплощения и интерпретации литературно-художественных текстов – писателями, читателями и литературоведами, которые на каждом этапе историко-литературного развития формируют новую эстетическую реальность. При этом речь может идти о явлениях и направлениях, отстоящих во времени, с отчетливо просматриваемой границей разных эпох, но может идти и о перспективе изучения процессов, развивающихся синхронно или почти синхронно, приналежащих к различным стадиям историко-литературной эволюции.

Соотношение романтизма и символизма, попытки исследовать неоромантизм как одно из литературных направлений конца XIX – начала XX вв. предпринимались многократно, но в силу специфики и недостаточной теоретической отрефлектированности феномена получали, как правило, противоречивое истолкование. Г.К. Косиков полагал, что символизм вырастает из романтизма [2], В.М. Толмачев, возражая против «стереотипов восприятия символизма» в XIX и XX вв., различает «историко-литературные романтизм, натурализм, символизм», «не преодоление друг друга, а парадоксальное удвоение, утроение, учетверение культурной парадигмы» [3].

Очевидно, однозначная атрибуция франкоязычной литературы конца XIX в., творчества Роденбаха как явлений символизма не отвечает запросам современной филологии [4]. Эстетическая парадигма, в которой возникали взаимосвязи между романтизмом и символизмом, как и их интерпретация, обладала национальной спецификой. Очевидно и то, что «предчувствие кризиса цивилизации» формировало запрос на пересмотр ценностей, накопленных и создаваемых культурой. На этой почве на рубеже веков возник феномен неоромантизма, трансформировавшего на новой, часто символистской основе традиции литературы европейского романтизма.

Таким образом, цель статьи – исследовать семантику символических смыслов, лежащих в основе романистики бельгийского писателя Роденбаха, чье творчество, в равной мере принадлежащее истории бельгийской и французской литератур, формировало новые векторы трансформации романтических мифов. Для понимания специфики неоромантизма Роденбаха важно попытаться отрефлектировать то, что располагалось «на границе», свидетельствовало о взаимодействии эстетических систем; обозначить некоторые особенности трансформации романтических идей в романах писателя. В рамках небольшой статьи мы затронем особенности трактовки одного из мотивов, выполняющих в тетралогии структурирующую функцию, – мотива любви, который собирает в символистско-романтическом фокусе семантику переходности и эстетического обновления, характеризующую романы Роденбаха. Позднее и по-иному к этой проблеме в процессе поисков утраченного времени обратится М. Пруст.

Проблематика и поэтика романов Ж. Роденбаха

В конце XIX в. нарастанию пессимистических настроений идеям эстетизма столь разные писатели, как В. Гюго, Э. Ростан, Р.Л. Стивенсон, Р. Киплинг, Г.Р. Хаггард, Дж. Конрад, Р. Роллан противопоставляли героические

характеры, часто редуцируя в своих произведениях философско-эстетическую проблематику романтизма. Неоромантизм в этих условиях реализовал запросы массовой литературы и новой мифологизации. Как эпоха, культура, сложный комплекс взаимодействующих течений романтизм оставался актуальной почвой, продолжающей питать развитие европейских литератур, в том числе близкого ему по ряду эстетических принципов и признаков символизма. В новых условиях он становился ресурсом углубленных поисков новой субъективности, трагической соразмерности мира и человека, погруженного в поэтику символического удвоения.

В бельгийской литературе в 1780–1790-е гг., когда создавал свои произведения Роденбах, романтические идеи, взаимодействуя с символизмом, расширяли потенциал эстетического обновления литературы, речь шла не об отрицании романтизма, а о попытках переосмыслить его идеи на новом витке социокультурной эволюции.

Роденбах – поэт, романист, эссеист, драматург, наряду с Э. Верхарном и М. Метерлинком, Шарлем де Костером, принадлежит к крупнейшим создателям бельгийской литературы, тем, кто завоевывал ей новый статус в общеевропейском литературном процессе XIX века. Отвечая запросам становления новой бельгийской государственности, ускоряющегося времени, осознавая «кризис европейского духа», поэты, романисты, драматурги обращались к проблемам национальной истории, стремились выработать новые формы художественного письма (в 1881 г. возник журнал *La jeune Belgique*, в издании которого участвовали и Верхарн, и Роденбах).

Бельгийские писатели конца XIX в., подобно другим европейским современникам, переживали общеевропейский кризис рациональности, в преодолении и осмыслении которого особенно значимым стал эстетический опыт романтизма. В этих условиях для Роденбаха-романиста магистральной темой стала Фландрия, ее наследие и культура, в которой он «распознавал», угадывал актуальные для современности, мистические, прекрасные, вырастающие из романтизма символы.

Жизнь в Париже, языковая общность, психологический склад увлекали Роденбаха, поэта и романиста, в бурный поток разнообразных течений французской культуры, где переплетались, переплавлялись явления, эстетически, казалось, несовместимые. В 1860-е гг. заявил о себе будущий создатель «Ругон-Маккаров», в 1880 г. выходят «Меданские верчера». Гюго, чей голос «гремел над миром, подобно урагану», оставался новатором и знаменем романтизма до конца жизни (умер в 1885 г.), годом раньше прошла первая выставка импрессионистов, в 1890 г. один из крупнейших создателей «новой драмы» Метерлинк пишет символистские драмы – «Непрошенную» и «Слепых», несколькими годами ранее завоевывает громкий успех автор «Сирано де Бержерака» Э. Ростан. Для Роденбаха, погруженного в литературную жизнь Парижа, сохраняла особую притягательную ценность поэзия «Парнаса», новые, близкие, родственные горизонты открывало творчество Ш. Бодлера, П. Верлена, С. Малларме.

«Боги умерли» для многих в эту эпоху, но не для Роденбаха, который различает в их молчании напластования эпох, гул вековых традиций. Бог и

божественное начало вошли на романтико-символистской основе в мир художественных исканий его и его героев. Роденбаху были близки традиции не позднего, социального, а раннего, йенского романтизма, «звездного перекрестка», он как будто хотел заново осмыслить его эстетические идеи, пропустив их сквозь призму нового психологического опыта и символистского письма. Его неоромантизм нашел воплощение в этой двусосновности, в попытке преодолеть разрыв, определяющий трагедию художника, устремленного к идеалу, но живущего на земле.

Роденбах был частью французской художественной элиты, наряду с Бодлером и Малларме, Э. Гонкуром и Ж.К. Гюисмансом, М. Прустом, Метерлинком, Верхарном. Вместе с другими бельгийскими писателями и поэтами ему как романисту предстояло сделать то, что французская литература совершила в эпоху «битвы за романтизм» на историческом материале, а в эпоху Июльской монархии – на современном, – заново открыть, художественно исследовать национальную историю, сформировать новый эстетический миф о древней и современной – прекрасной Фландрии [5], подобный тому, который создал Гюго в «Соборе Парижской богородицы» или А. Дюма в бесконечной серии романов, на приключенческой основе мифологизировавших французскую историю. Это должен был быть не народный миф в духе Шарля де Костера, а эстетический, неоромантический миф. Важную роль играли в нем религиозно-мистические мотивы, сближавшие Роденбаха с автором «Духа христианства» (1802), с А. де Ламартином, с автором «Отверженных» (1862), в Германии – с романтизмом Новалиса, создателя «Генриха фон Офтердингена» (1799–1801) и «Гимнов к ночи» (1797–1798). В философско-эстетических идеях Роденбаха различимы отзвуки теорий А. Шопенгауэра и А. Бергсона, полемика с Ф. Ницше.

Многослойный эстетический синтез характеризовал творчество Роденбаха, как и множество произведений эпохи, в пределах которой «цветы» и «плоды» произрастали рядом, прошлое сочеталось с настоящим и будущим в попытках мнимого и реального прорыва к будущему, поисков новых форм художественного мышления в поэзии, романе, драме.

Романы Роденбаха «Искусство в изгнании» (*L'art en exil*, 1889), «Мертвый Брюгге» (*Bruges la morte*, 1892), «Призвание» (*La vocation*, 1895), *Le carillonneur* (1897, в русских переводах «Звонарь», «Выше жизни») образуют своеобразную тетралогия. В основе ее перекликающиеся образы-символы, поэтические мотивы, актуальная философско-эстетическая проблематика – призвания и поражения, любви и катастрофы, роковой недостижимости счастья; конфликт веры в бога, в высочайшую ценность искусства – и законов социума, несовместимых с идеальными устремлениями героя. Это мотивы жизни и смерти, рокового избранничества, зародившиеся еще в начале столетия, которые неуклонно влекут их носителей на разных витках исторического развития к катастрофе.

Жанровый синтез, характеризовавший эпопею Шарля де Костера, литературу рубежа XIX–XX вв., модернистские романы М. Пруста и Гюисманса, Дж. Джойса, Ф. Кафки нашел яркое преддверие, своеобразное воплощение в творчестве Роденбаха. Роман «Мертвый Брюгге» был признан культо-

вым [6], шедевром символистского искусства Франции и Бельгии. В то же время его относили к разновидности популярного романа (*roman de gare*), называли триллером, поэмой в прозе, считывали в нем миф об Орфее, видели историю инициации (*conte initiatique*). Современный исследователь творчества Роденбаха Гоффен назвал роман «Мертвый Брюгге» оккультным, распознал в нем интерпретацию эзотерических мотивов, которые возникли на почве разрыва с традициями, поисков Грааля, характерных для Франции и Бельгии в этот период, теософских стремлений заново «открыть» религии и восток.

Центральный, сквозной мотив романной тетралогии Роденбаха – мотив любви. Он лежит в основании сюжетных коллизий, варьируется, меняет свою семантику, всегда полисемантичен. В «Призвании» он преломляется в любви Ганса к богу, к матери и служанке Урсуле, в «Мертвом Брюгге» – в любви героя к умершей жене и ее жалкому двойнику – актрисе, в «Звонаре» – в любви Борлюта к Барбаре и Годеливе, к искусству древней Фландрии. Одержимые страстью – поиском идеала, герои Роденбаха наполняют свою любовь мифологической символикой, музыкой веры, служения искусству, красоте. Это та симпозиция, симфилософия, в которой йенские романтики находили безграничную свободу творческого духа, лирическая и трагическая сущность жизни как таковой. Однако мир, в котором живут эти герои, утратил широту, он еще сохранил связи с горными вершинами духа, но горизонт, связующий миры духовной и реальной жизни, истончился, стал мучительно узким, со всех сторон его теснят границы, не только внешние – социальные и общественные, но и внутренние, связанные с натурой, психологическим складом героя. Высоким материям идеальных сущностей противопоставлено нечто притягательное, обманчивое и конечное – земная любовь, земная ипостась женщины, которую любит герой, к которой влечет героя. На башне, к символической вершине которой поднимается Борлют, кроме большого, главного колокола, есть колокол сладострастия.

«Роковая слабость» подтачивает «прекрасную душу» роденбаховского героя. Она – в земной любви, предавшись которой, он трансформирует свой запрос, изменяет своему идеалу. Юг Виан из «Мертвого Брюгге», поверив иллюзии, променял скорбь по умершей жене на пошлую чувственную страсть. «Божественный экстаз» Ганса в «Призвании» обернулся «трещиной греха», разрушившей «священный сосуд». Герой преодолел любовный соблазн, но утратил цель и смысл жизни, отринул церковное призвание, «стал другим». В «Звонаре» герой проходит через трагедию ошибок, заблуждений, разрушив то идеальное, что питало его любовь к Годеливе. Жизнь – социум, окружающие люди вмешиваются в судьбы героев, но и страсть, не только чувственно-земная, но и возвышенно-прекрасная, обладает разрушительной силой, приносит несчастье тем, кто ее испытал, на ней печать греха, символом которого становится тот крест, под тяжестью которого в развязке романа изнемогает раскаявшаяся Годелива. В эпоху, одним из центральных мотивов которой стал «кризис морали» [7], Роденбах отстаивает ее абсолюты, ригористический, бескомпромиссный запрос, требования которого, однако, оказываются непосильны для его героев.

Бессознательно-прекрасное, идеальное, к постижению которого устремлены герои писателя, делает их беспомощными и беззащитными в мире обы-

денности и расчетов. В художественном пространстве романов Роденбаха любовь дарит героям краткие моменты счастья – и неизменно ведет к катастрофе. Но любовь как счастье, как лик красоты, как символ духовной гармонии торжествует на эстетическом уровне – в богатстве поэтического рисунка, соединяющего в своем изображении элементы поэтик, базирующихся на выражении оттенков, текучести эмоций. Трагедии героев парадоксально вписываются в романтический миф, утверждая абсолютную эстетическую ценность любви.

И, однако, в каждом романе идеальное устремление вступает в конфликт с «реальной» жизнью – ее земными, общественными законами, но и с тем разрушительным и роковым, что заложено в природе человека, который «глубже дня», бездны бессознательного которого таят самообман, не выдерживают испытания «реальной» жизнью. Этот опыт, завоеванный в том числе натурализмом, по-новому открывал в своих произведениях романтик-символист Роденбах.

Страсть к женщине в его романах стала обманчивым отзвуком идеала. Новалисовский голубой цветок и Матильда – только поэтические абрисы любви, символы романтического томления. Женские образы Роденбаха, любовь его героев вбирают опыт чувственного и чувственности, несовместимый с идеальной природой йенского романтического духа. «Легкая чувственность» новалисовского мира уступает место «тяжелой чувственности», ведущей героя «Мертвого Брюгге» к преступлению, фантазмагорическая чувственность героя «Призвания» – к потере глубинной и органической связи с богом. Колокол сладострастия «заставил» изменить своему призванию мастера звона и реставрации Борлюта. Женщины в романах Роденбаха искушают героев, в них источник неодолимых разрушительных страстей. Проснувшееся дионисийское начало и в «Мертвом Брюгге», и в «Призвании» мыслится героями в романтическом ключе, как «нападение Ада», как демоническое начало, модель осознания которого сближает Роденбаха с бинарными оппозициями, антиномиями и традициями автора «Цветов зла».

Герой романа «Звонарь» стремится быть «выше жизни», между земным миром и богом – это компромисс, который был невозможен для персонажей Новалиса, противопоставлен «хорошим музыкантам» Гофмана, это путь, по которому пытались идти герои Гюго и Жорж Санд – в романских парадоксах авторских утопий. Роденбах стремится вывернуть возможность существования такой утопии в судьбе героя-максималиста, пытающегося соединить сакральное и профанное. Постигший тайны фламандской истории и души – в искусстве, музыке древних колоколов, герой романа «Звонарь», мечтает превратить Брюгге в город-музей. Ирония заложена в самой профессии героя, не только мастера звона, но и художника-реставратора, замыслившего вернуть городу былую славу, возродить его древнюю красоту. Трагическая ирония в том, что речь идет о красоте мумифицированной, образы и атрибуты которой статичны. В этой красоте есть отступление от раннеромантического идеала «тайно и непрестанно льющейся жизни». Закономерно, под натиском чуждого Борлюту буржуазного культа «пользы», поисками которой одержимы жители Брюгге, уходит из жизни и носитель идеала красоты – художник. Любовь, красота, идеалы оказываются вновь и по-новому несовместимы с жизнью.

Мотив любви не только героев, но и повествователя в романах Роденбаха находит воплощение и в образе мертвого Брюгге, города, который порой обоснованно считают героем одноименного романа [8]. С запозданием по европейским меркам осваивая национально-историческое пространство фламандской культуры, Роденбах соединяет его с символистским, окрашенным декадентскими мотивами видением мира. В образе города нашел воплощение архетипа народного, исторического и художественного видения писателем, поэтом Роденбахом образа Фландрии, это его песнь любви, которая окружает изображение города поэтическим ореолом. Роденбах населяет свои романы, площади и улицы Брюгге реальными «людьми», тенями людей, прорисовывает каналы, гавань, контуры отступившего моря. Графически живописные образы и детали создают мистическое пространство, в котором возникают «реперные точки» – образы-символы – каналы, колокола, башня, лебеди. Эти образы включают романы писателя в широкое пространство символистской интертекстуальности, насыщая особым трансцендентным смыслом и светом. Автор «Звонаря» воплотил в них ностальгию по таинственному и неведомому, горнему миру, слиянию красоты и инобытия, однако этот иной мир не откликается на призывы героя.

Действие в романах писателя всегда разворачивается в посястороннем мире, в пространстве любовных коллизий, идеальных устремлений, чувственных влечений, нравственных катастроф, которые неуклонно ведут героев к освобождению от всех форм земного притяжения, земного начала, – от жизни. Эту идею Роденбах символически воплотил в сцене последнего восхождения героя к вершине башни, в посмертном звучании колоколов – в память об ушедшем из жизни художнике, великом мастере колокольного звона.

Заключение

Мотивы и проблемы, заполняющие мир тетралогии, перекликаются с символистско-романтическим миром Бодлера, произведениями «проклятых поэтов» – Верлена, Малларме. Романы Роденбаха выполняют роль посредника между ранним романтизмом и символизмом конца XIX в. В эпоху «тяготения к смерти», романы писателя трансформируют принципы раннеромантического письма, включив в парадигму кризисного символистского сознания, которое не утратило связи с миром горним – «упоения жизнью и ее красотой» [9].

Романы Роденбаха свидетельствуют о том, что на рубеже веков воспетая романтиками утопия духа по-прежнему востребована культурой, но не способна дать новые ответы на запросы времени – все варианты судеб роденбаховских героев обрекают художника-творца на поражение. Сохранила ценность воспетая парнасцами, французскими поэтами-символистами вера в бессмертный идеал искусства, носителем романтического мифа по-прежнему остается художник. Непреодолимый конфликт его с социумом, массой неизбывен, получил дополнительное обоснование: устремленный к идеалу, он остается жертвой «земных» страстей, в борьбе с которыми терпит поражение, и даже победа над собой оборачивается для него катастрофой.

В процессе освоения принципов символистского письма в романах Роденбаха сформировалась эстетика, которую, учитывая концептное допущение,

можно отнести к бельгийскому неоромантизму, обладавшему национально-эстетическим своеобразием, соединявшего в одно непротиворечивое целое художественные коды романтизма и символизма, формировавшему новые романские синтезы эстетических утопий и антиутопий европейской культуры.

Список литературы

- [1] Coudurier P. Le «néo» dans les cultures européennes: sources, héritages et réécritures dans la littérature / CRINI (Centre de Recherche sur les Identités Nationales et l'Interculturalité. Nantes: Université de Nantes, 2012. URL: https://www.fabula.org/.../le-neo-dans-les-cultures-europeennes-sources-heritages-et-reecritures-dans-la-litterature_54068.php (accessed: 20.09.2020)
- [2] Косиков Г.К. Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. М., 1993. С. 5–62.
- [3] Толмачёв В.М. О границах символизма // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Филология. Философия. История. 2004. № 3. С. 247–267.
- [4] Литвиненко Н.А. Романы Роденбаха: особенности поэтики // Вопросы филологии. 2017. № 2 (58). С. 64–71.
- [5] Goffin J. Le secret de Bruges-la-Morte. 2017. Pp. 41–49. URL: <http://bruges-la-morte.net/wp-content/uploads/Le-secret-de-Bruges-la-Morte.pdf> (accessed: 01.09.2020).
- [6] Rodenbach G. Les essais critiques d'un journaliste // Textes de littérature moderne et contemporaine / choix de textes précédés d'une étude par Paul Gorceix; préface de Jacques de Decker. Paris: Honoré Champion, 2007. No. 93. 360 p. URL: <https://www.lachouette-librairie.com/livre/631144-les-essais-critiques-d-un-journaliste-georges-rodenbach-honore-champion> (accessed: 15.07 2020).
- [7] Кристоф III. Конец века // Новое литературное обозрение. 2018. № 1. С. 9–23.
- [8] Goffin J. Annexe 1: Le Carillonneur en écho à Bruges-la-Morte? Extrait du Secret de Bruges-la-Morte sur le site. 2017. URL: <http://bruges-la-morte.net/wp-content/uploads/Analyse-du-Carillonneur-de-Rodenbach.pdf> (accessed: 10.08.2020).
- [9] Синило Г. Функции пасторальной и идиллической топики в немецкой поэзии рубежа XIX–XX веков (Фридрих Ницше, Стефан Георге) // Пастораль: бегство от действительности или приближение к ней?: сб. науч. трудов. М.: РГУ имени А.Н. Косыгина, 2018. С. 53–85.

References

- [1] Coudurier, P. (2012). *Le «néo» dans les cultures européennes: sources, héritages et réécritures dans la littérature*. CRINI (Centre de Recherche sur les Identités Nationales et l'Interculturalité. Nantes, Université de Nantes. Retrieved September 20, 2020, from https://www.fabula.org/.../le-neo-dans-les-cultures-europeennes-sources-heritages-et-reecritures-dans-la-litterature_54068.php
- [2] Kosikov, G.K. (1993). Dva puti francuzskogo postromantizma: Simvolisty i Lotreamon [Two paths of French post-romanticism: the Symbolists and Lautréamont]. *Poeziya francuzskogo simvolizma. Lotreamon. Pesni Mal'dorora [Poetry of French Symbolism. Lautreamont. Songs of Maldoror]* (pp. 5–62). Moscow.
- [3] Tolmachyov, V.M. (2004). O graniczax simvolizma [On the boundaries of symbolism]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya. Filosofiya. Istoriya [Bulletin of the Orthodox Saint Tikhon's Humanitarian University. Philology. Philosophy. History]*, (3), 247–267.
- [4] Litvinenko, N.A. (2017). Romany Rodenbaxa: Osobennosti poetiki [Rodenbach's novels: Features of poetics]. *Voprosy filologii [Philology issues]*, 2(58), 64–71.

- [5] Goffin, J. (2017). *Le secret de Bruges-la-Morte* (pp. 41–49). Retrieved September 1, 2020, from <http://bruges-la-morte.net/wp-content/uploads/Le-secret-de-Bruges-la-Morte.pdf>
- [6] Rodenbach, G. (2007). Les essais critiques d'un journaliste. In P. Gorceix & J. de Decker, *Textes de littérature moderne et contemporaine* (no. 93). Paris, Honoré Champion. Retrieved July 15, 2020, from <https://www.lachouettelibrairie.com/livre/631144-les-essais-critiques-d-un-journaliste-georges-rodenbach-honore-champion>
- [7] Kristof, Sh. (2018). Konecz veka [The End of the century]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], (1), 9–23.
- [8] Goffin J. (2017). *Annexe 1: Le Carillonneur en écho à Bruges-la-Morte?* Extrait du Secret de Bruges-la-Morte sur le site. Retrieved August 10, 2020, from <http://bruges-la-morte.net/wp-content/uploads/Analyse-du-Carillonneur-de-Rodenbach.pdf>
- [9] Sinilo, G. (2018). Funkcii pastoralnoj i idillicheskoj topiki v nemeckoj poezii rubezha XIX–XX vekov (Fridrix Niczshe, Stefan George) [Functions of pastoral and idyllic topics in German poetry of the XIX–XX centuries (Friedrich Nietzsche, Stefan Gheorge)]. *Pastoral: Begstvo ot dejstvitelnosti ili priblizhenie k nej?* [Pastoral: Flight from reality or approximation to it?]: Collection of scientific papers (pp. 53–85). Moscow, RGU imeni A.N. Kosygina Publ.

Сведения об авторе:

Литвиненко Нинель Анисимовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета.

Bio note:

Ninel A. Litvinenko, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Foreign Literatures of the Faculty of Philology of the Moscow State Region University.

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-692-704

УДК 821.411.21

Научная статья / Research article

Женские образы на историческом фоне: победа оманской писательницы Джохи аль-Харти в The Man Booker International Prize – 2019

В.Н. Зарытовская, А.М. Аль-Рахби

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

widaad@yandex.ru; al_rakhbi_a@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена путям развития литературы и в целом словесной культуры Омана с раннего Средневековья по сей день. Как по объективным, так и субъективным причинам оманская национальная литература до сих пор не становилась объектом исследований отечественных специалистов. Однако укрепление всесторонних, в том числе культурных отношений между нашими странами и признание современных оманских писателей международным литературным сообществом ставит необходимость подобного изыскания. Цель статьи заключалась в том, чтобы выделить те основные черты, которые были присущи словесному творчеству Омана на протяжении веков и долгое время составляли его своеобразие, перед тем как оманские писатели начали стремительно перенимать основные творческие тенденции Европы. Для этого, как наиболее известный материал, анализу было подвергнуто творчество родоначальника школы оманской поэзии поэта начала XX века Абу Муслима аль-Бахляни. Также была сделана попытка обозначить те стремительные изменения, которые произошли в литературной среде Омана за последние полстолетия, и ответить на вопрос, чем вызван интерес к литературе Залива сегодня. В рамках работы рассмотрен получивший в 2019 году международную премию роман Джохи аль-Харти «Небесные тела», представляющей сегодня женскую прозу Омана, которой в недалеком прошлом просто не существовало. Исследование позволяет сделать выводы о том, что оманская литература долгое время практически не переживала изменений в своей герметичной среде и приобрела отличительные, даже если говорить только о рамках Арабского мира, черты. А затем, с началом Оманского возрождения, сделала резкий рывок вперед и стала представлять интерес благодаря сочетанию актуальных художественных приемов и национального колорита, как в творчестве Джохи аль-Харти, чей последний роман переведен на два десятка языков.

Ключевые слова: современная арабская литература, оманская поэтическая школа, Абу Муслим аль-Бахляни, Джоха аль-Харти, Небесные тела, The Man Booker International Prize

История статьи: поступила в редакцию – 10 сентября 2020 г.; принята к публикации – 25 сентября 2020 г.

© Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М. Женские образы на историческом фоне: победа оманской писательницы Джохи аль-Харти в The Man Booker International Prize – 2019 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 692–704. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-692-704>

Female images on historical background: victory of Omani writer Jokha al-Harti in The Man Booker International Prize – 2019

Victoria N. Zarytovskaya, Ahmed Mohammed Al-Rahbi

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation
widaad@yandex.ru; al_rakhbi_a@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to the development of literature and, in general, the verbal culture of Oman from the early Middle Ages to the present day. For both objective and subjective reasons, the Omani national literature has not yet become an object of research by domestic specialists. However, the strengthening of all-round relations, including cultural, between our countries and the recognition of contemporary Omani writers by the international literary community necessitates such a study. The goal of the article was to highlight the main features that were inherent in the verbal work of Oman for centuries and for a long time constituted its originality, before Omani writers began to rapidly adopt the main creative tendencies of Europe. For this, as the most famous material, the work of the founder of the school of Omani poetry, the poet of the early XX century, Abu Muslim al-Bahlyani, was analyzed. Also the attempt to outline the rapid changes that have taken place in the literary environment of Oman over the past half century, and to answer the question of what caused the interest in the literature of the Gulf today was made. As part of the work was considered the novel “Celestial Bodies” by Jokha al-Harti, who received an international prize in 2019 and who today presents the women's prose of Oman, which simply did not exist in the recent past. The main conclusions that researchers come to are that Omani literature for a long time practically did not experience changes in its hermetic environment and acquired distinctive features, even if we talk only about the framework of the Arab world. And then, with the beginning of the Omani Renaissance, it made a sharp leap forward and began to be of interest due to the combination of contemporary artistic techniques and national colour, as in the work of Jokha al-Harti, whose last novel has been translated into two dozen languages.

Keywords: modern Arabic literature, Omani school of poetry, Abu Muslim al-Bahlyani, Jokha al-Harti, Celestial Bodies, The Man Booker International Prize

Article history: received – 10 September 2020; revised – 15 September 2020; accepted – 25 September 2020.

For citation: Zarytovskaya, V.N., & Al-Rahbi, A.M. (2020). Female images on historical background: Victory of Omani writer Jokha al-Harti in The Man Booker International Prize – 2019. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 692–704. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-692-704>

Введение

Творчество писателей Персидского залива, в том числе и Омана, до недавнего времени пользовалось относительной популярностью в передовых в культурном отношении странах Арабского мира, таких как Египет и Сирия,

не говоря уже о том, что выпадало из фокуса интереса мировой общественности. Особый путь и сложная траектория развития, которая, нельзя не констатировать, вывела сегодня литературу Залива в шорт-листы международных конкурсов, вызвав к ней внимание, обусловлены, как мы полагаем, рядом объективных факторов.

Географически Оман располагается на восточной оконечности Арабского мира, отделенный от остальной его части труднопроходимой пустыней аль-Руб аль-Хали (так называемая Пустая четверть), что, с одной стороны, изолировало страну даже от ближайших соседей, дистанцировало от золотого века арабской науки и литературы в рамках Омейядского (661–750) и Аббасидского (750–1258) халифатов, определив ей особый путь, но с другой – позволило избежать пережитого ими упадка, равно как и османизации – влияния, которые испытали на себе арабские страны, включенные в Османскую империю (1285–1805).

Важнейшим фактором, имевшем значение для литературного процесса в этой части Аравийского полуострова, стало и то, что племена обширных территорий внутреннего Омана, принявшие ислам с его появлением (VII в.) и восприняв его миноритарное умеренное течение хариджитского толка – ибадизм, столетиями не переставали возобновлять попытки создания имамата. Страна жила в состоянии раскола, разделения на прибрежные и внутренние территории, на земли, контролируемые светскими властями, и районы, где правили династии имамов (Аль Набхани (1154–1624) и Аль Йариба (1624–1749)). Все это сопровождалось межплеменными конфликтами, гражданским противостоянием и нередкими экономическими кризисами, поскольку ибадизм включает в себе довольно сильную политическую составляющую. Находятся арабские исследователи, которые расценивают его как самую демократическую, самую революционную и даже «самую большевистскую» идеологию в рамках ислама [1]. Поэтому нельзя отрицать, что ибадизм сыграл ключевую роль в истории страны и наложил отпечаток на ее интеллектуальное наследие.

Под влиянием совокупности этих факторов литература Омана получала постепенное и равномерное развитие в своем закрытом пространстве с сохранением особого национального колорита и чистейшего арабского языка, близкого к кораническому слогу [2. С. 28], но двигалась исключительно в русле декламационной поэзии религиозной и гражданской направленности, представляя собой сплав религии, политики и искусства. Доля иных жанров, например любовной лирики, была крайне мала, в отличие от других арабских стран.

Не можем здесь не упомянуть, что ярчайшим образцом и вершиной оманской словесности этого периода явилось творчество поэта и общественного деятеля, основоположника оманской периодики (четырёхстраничный еженедельник «Ан-Наджх» («Успех»)), выпускавшийся с 1911 г. на территории острова Занзибар) Абу Муслима аль-Бахляни (1860–1920), в частности его «ан-Нунийя» («Подвиг мечом и верой...», 1914), состоящая из 400 стихов, распространенная среди шейхов оманских племен, чтобы поднять их дух в то непростое время. Для иллюстрации приведем из него отрывок (здесь и далее перевод с арабского В.Н. Зарытовской):

Погонщик, скажи, отчего твоя песня
Склонила мне голову, я уж не весел,
В бешеном реве стад я твоих
Слышу, как армия еле живых
Носится в небе и на земле,
Сладостен голос, но не по мне
[цит. по: З. С. 193].

Примечательно, что в связи с недавно возросшим интересом к оманской национальной культуре и столетием со дня смерти Абу Муслима аль-Бахляни в ноябре прошлого года на Генеральной конференции ЮНЕСКО поэт был включен в число влиятельнейших людей, чья деятельность имела для человечества культурное и историческое значение [4].

Оманское возрождение и литературный процесс

Медленные преобразования оманской литературы сменились ее стремительным развитием, жанровым и тематическим многообразием в 70-х гг. прошлого столетия.

Обнаружение огромных залежей нефти в середине XX в. привело к радикальным политическим и экономическим изменениям, превратившим Оман из закрытого государства в современную страну с развитыми внешними отношениями, что ознаменовало начало так называемой эпохи Оманского возрождения и политики открытости, проводимой «реформатором на троне» султаном Кабусом (1930–2020). Все это не могло не отразиться в социальной и культурной сферах: Оман совершил большой прорыв в национальном образовании, начавшийся с программы ликвидации неграмотности, уровень которой был непомерно высок. Образование стало всеобщим, в 1983–1986 гг. были открыты первые три вуза страны (Институт банковского дела, Медицинский институт и Университет султана Кабуса), была разработана система грантов для обучения за рубежом, работающая по сей день. Постепенно иностранные педагогические кадры (в основном египетские) стали сменяться национальными. Формировалось новое поколение оманских интеллектуалов и творческой интеллигенции, все увереннее заявлявшей о себе в среде арабоязычной литературы.

Новой волной оманских литераторов можно назвать тех, кто в 1960–1970-е гг. уехал получать образование за границей – Абдулла бен Мухаммед аль-Таи, Хиляль аль-Амри, Мухаммед Ахмед Абдулла аль-Харти, Сейф аль-Рахби и др. Все они начинали в стиле классических арабских поэтов, поскольку условия их жизни в детстве и система образования мало отличались от таковых у предков, и даже не могли предположить, какие потрясения готовит им будущее. «В крупнейших арабских городах – Каире, Дамаске, Бейруте – они познакомились с современными литературными стилями, художественными формами и поэтическими приемами, открыли для себя новинки мировой литературы, в первую очередь Франции и Британии, и увлеклись течениями, изначально чуждыми традиционной оманской культуре, но представляющими мировое достояние, за которым было будущее» [5. С. 181]. Примером может служить белых стих, характерный для известнейшего поэта современного Омана Сейфа аль-Рахби (1956), чьи работы переведены на английский, французский, немецкий, голландский и польский:

Земля в своих недрах хранит море воды,
Но ее не хватит, чтоб утолить жажду скитальца-верблюда.
Я всматриваюсь в него в жестокой пустыне
И вижу, как он заходится от пены, срывающейся горным утесом.
Как он страдает!
Его внутренности перехвачены тоской и утратой так,
Будто он последний из своего племени на этой земле.
Тень верблюда испарилась вместе с облаком [6. С. 24].

Вместе с тем, как видим, оманская поэтическая школа, отойдя от религиозной и гражданской тематики вследствие грандиозных позитивных социальных изменений, прекращения внутренних распрей, открытости новым формам и готовности ответить на вызовы современности, сохраняет некоторые традиционные мотивы – непокорства и нонконформизма, разлуки с родиной, смерти, ухода, потери, судьбы, обращения к истории страны, что позволило критикам назвать ее «поэзией внутренней ссылки» [7].

Стремительный рывок к актуальным темам и художественному эксперименту за последние десятилетия сделала женская проза Омана, которая практически отсутствовала, если не принимать в расчет автобиографию занзибарской принцессы Эмили Рюте (Сейиды Сальмэ), написанную на немецком языке и признанную не только важнейшим историческим материалом о жизни во дворце султана, но и первой в Арабском мире автобиографией женщины [8].

Среди женщин-литераторов Омана сегодня выделяется немало имен: Джохи аль-Харти, роман «Небесные тела» (2010) которой был включен в короткий список самого престижного в Арабском мире литературного конкурса ОАЭ Sheikh Zayed Book Award, а в 2016 г. присуждена национальная литературная премия султана Кабуса (Sultan Qaboos Award for Culture, Arts and Literature); Бушры Хальфан, чей первый же исторический роман «Аль-Баг» (Al-Baagh, 2016) об Омани середины прошлого столетия вызвал большой интерес; Худы Хамед, редактора культурного журнала «Низва», распространяемого в том числе за пределами Омана; Айши аль-Дармаки, языковеда и председателя Культурного клуба; детской писательницы Азхар Ахмед; поэтесс Саиды Хатер и Фатымы аль-Щиди; драматурга Амны Рабии Сальмин и др.

Обратим также внимание на то, что результаты ежегодного межарабского литературного конкурса Arabbooker, проходящего под эгидой оригинального британского Букера, год от года закрепляют достижения писателей из Залива. Так, победителем 2010 г. стал автор из Саудовской Аравии Абдо Халь с романом «Брошены со злостью» (Turmaa bisharar), 2013 г. – кувейтц Ахмед аль-Сануси с книгой «Стебель бамбука» (Saaq al-baambo), 2017 г. – Мухаммед Хасан Альван (Саудовская Аравия) с романом «Маленькая смерть» (Äl-maut as-saghiir), в шорт-лист 2018 г. вошли работы Азиза Мухаммеда (Саудовская Аравия) «Странное дело К» (Al-haala al-haaridja lil ma-duww k) и Исмаила Фахда Исмаила (Кувейт) «аль-Сабиллат» (As-sabiilaat).

Первый роман из Омана, получивший международное признание

Закономерной сенсацией стала победа в The Man Booker International Prize – 2019 упомянутого романа Джохи аль-Харти «Небесные тела» (в английском переводе – *Celestial Bodies*). В этом международном литературном

конкурсе, согласно установленным правилам, номинируются лучшие переведенные на английский за календарный год произведения. Премию и заслуги разделяют иностранный автор и переводчик произведения-победителя. Джоха аль-Харти вписала свое имя в историю как первый арабоязычный литератор, победивший в The Man Booker, до этого став первой оманской писательницей-женщиной, чье произведение было переведено на английский язык.

В чем же заключаются достоинства романа аль-Харти, позволившие оценить западным критикам ее работу выше чем другие, не менее интересные произведения?

В короткий список 2019 г., как известно, вошли: роман чилийской писательницы Алии Трабукко Серан «Непрожитое», книга «Пройдись плугом по костям мертвых» писательницы из Польши Ольги Токарчук, автобиография «Годы» француженки Анни Эрно, «Сосновые острова» немецкого прозаика и поэта Мариона Пошманна и роман о политических убийствах «Форма руин» колумбийца Хуана Габриэля Васкеса.

Что новаторского содержится в романе аль-Харти, если рассматривать его в парадигме оманского словесного творчества?

Книга аль-Харти, несмотря на небольшой объем – 222 страницы, является своеобразной энциклопедией новейшей истории и традиций Омана, вписанной в историю одной семьи. Не в строгом хронологическом порядке мы узнаем о работорговле на территории Омана, о тех схемах, которые использовались пиратами для своей контрабанды, когда официально работорговлю уже запретили, о последнем сражении на плато аль-Джабаль аль-Ахдар в 1957 г., положившем конец многовековым попыткам восстановить в Омани имамат, о вынужденных мигрантах, о том, как в Омани открывали школы для девочек и др. Как подчеркивает автор, оманское общество хранит свои традиции и крайне трудно отходит от них: амулеты от сглаза, деревянные сундуки вместо шкафов, удерживающие аромат одежды, жир, финики и пажитник, составляющие рацион роженицы, раздача мяса беднякам в честь рождения ребенка, языческие обряды зара, привезенные рабами с африканского побережья, десяток проколов для серег в ушах девочек и т. д. Роман знакомит не только с материальным миром, но и с установленными нормами межличностных отношений, рамками социальных ролей: невозможность теще присутствовать на свадьбе дочери, вынужденное проживание детей в случае смерти отца у родни по его линии, а не с матерью и др. В романе наглядно показана быстрая и болезненная трансформация за последнее столетие основных культурных концептов, таких как «трапеза», «детство», «брак», «деньги», «образование», «успешность женщины», «престиж» и др. И все это передается в движении истории и на контрастах прошлого и настоящего: от голодного времени мировых войн до пресыщения сегодняшнего дня, от стеснения разговоров о еде до их праздности и бессмысленности, от насильственной выдачи замуж до свободы выбора, предоставляемого сегодня девушкам, от воспитания скромности в детях, которые на монетку мечтали только посмотреть, до требования молодых людей сегодня предоставить им автомобиль дорогой марки и т. д. Это произведение, открывающее оманское общество в его историческом преобразовании, адресовано в большей степе-

ни тем, на наш взгляд, кому оно практически незнакомо. Это своеобразное откровение, посыл которого направлен не столько соотечественникам, сколько сторонним читателям за рубежом, мало сведущим в истории и культуре Омана. И трудно представить себе более подробное описание, чем у Джохы аль-Харти, всех обычаев, ритуалов и традиций, искусно вплетенных в сюжет романа, а также более яркое и эмоциональное представление последствий социальных преобразований в оманском обществе после открытия нефтяных залежей.

Что касается художественных особенностей романа, то история страны, упомянутые традиции и семейные сцены передаются традиционным авторским дидактическим повествованием минимально, в основном задействована техника потока сознания нескольких героев, причем настолько разрозненного и калейдоскопического, что события выстраиваются в логическую цепочку только ко второй половине книги, сохраняя главную интригу – от чего после родов погибла мать главного героя Абдуллы? Интересно, как меняются по мере продвижения и сама динамика повествования, и стиль – события ускоряются, главы становятся короче, до одностраничных, и тяготеют более к сюрреализму с его смешением домыслов, страхов и реальности.

Несомненно, это и женский очень смелый роман. Да, главным героем, основным голосом повествования является мужчина, сын крупного торговца Сулеймана Абдулла, муж Мийи. Да, оманское общество патриархально, каким оно и изображено в романе. Однако оркестр женских голосов нескольких поколений настолько полифоничен и громок, что создается уверенное впечатление – автор писала роман о женщинах Залива, тяготах их прошлого и противостоянии вызовам современности. Большое количество искусно вычерченных характеров героинь и описание действий, передача разговоров, связанных со свадьбой, помолвкой, родами, разводом на самом деле вводят в женский мир Залива.

Аль-Харти была избрана такая комбинация героинь и судеб, на примерах которых мы можем проследить, как менялись роль и место женщины в заливском обществе на протяжении XX века и какие женские типажи приобрели актуальность в настоящее время, чем живут сегодня женщины этого региона.

Пожалуй, исчезнувшим образом (образно обозначим его как ушедшее уже в землю основание пирамиды) является бывшая черная рабыня Зарифа, воспитавшая главного героя Абдуллу, хозяйского сына. Она, дочь рабыни, родилась уже в Омане и не знает другой родины, как не знает, что делать со своей свободой, дарованной властями на исходе ее жизни. Она всем обязана своему господину, поэтому и остается с ним до самой его смерти, весть о которой вызывает у нее истошный вопль. Зарифа представляет интереснейший слой культуры в Омане, привнесенный из стран Восточной Африки (после смерти матери она берет на себя ее роль – роль большой мамы на обрядках зара) и одновременно ее образ становится инструментом передачи линии о рабовладении. Конец ее жизненного пути более чем трагичен. Из-за диабета она становится инвалидом, родственники отказываются от нее, а выросший и женившийся Абдулла, которому она заменила погибшую мать и который всегда прятался у нее на груди от страшного и враждебного мира,

просто забыл про нее. Узнал о ее смерти через пару лет. Таким образом, на наш взгляд, автор показывает, насколько изменилась жизнь в Омане, сколько у людей появилось различных возможностей, но при этом утрачиваются родственные и дружеские связи. Абдулла чувствует свою вину. Во сне к нему приходит разгневанный отец, и он оправдывается, похоже, сам не веря собственным оправданиям:

Я был занят, отец. Мы с Салехом пытались спасти активы после обрушения биржи. Я занят был! Отец! Я кружил по Маскату, метался между аль-Хувейром, аль-Губрой, аль-Хейлем, ас-Сибом. То присматривал участок земли, то виллу, то заключал сделки, искал врача для Мухаммеда, хотел брать уроки английского, курсы бухгалтерского учета, машину купить побольше твоего старого белого мерседеса, новых партнеров искал, авиабилеты, агентства, предоставляющие прислугу – филиппинок и индонезиек, выбирал школу для детей, приглядывался к частным преподавателям, хотел пригласить водителя, решал, где провести вечер с друзьями... [З. С. 152].

Другая рабыня торговца Сулеймана Масуда – работающая женщина, как будто выполняющая сизифов труд: рано утром она отправляется на окраину пустыни, чтобы набрать сухих веток, которые вечером того же дня сгорят до головешек в костре под котлом, где варится хозяйский ужин. И так изо дня в день Масуда, если не собирала хворост, то мела двор, и спина ее горбилась от этой работы.

Скорый прогресс в технической сфере и резкий экономический подъем всего за поколение сделали из нее уходящий в прошлое образ, который захотели с глаз долой убрать раньше положенного времени. Ее собственная дочь, мечтающая перебраться быстрее в столицу, а если повезет и за границу, уже стесняется своей сгорбленной матери. Она подхватывает оброненные кем-то из соседей слова, что Масуда «свихнулась», объявляет ее сумасшедшей и сажает на цепь в сарае, а позже уезжает в Кувейт на заработки с мужем, бросая ее на милость тех же соседок.

Да и рожденные свободные оманские женщины старшего поколения, как Салима, выбирающие сегодня сундучки, духи и украшения в приданое дочерям, как показывает аль-Харти, вкусили горя за свою жизнь. Вся первая половина XX века прошла для Омана (конечно, не только для него) под знаком голода, причиной которого стали и мировые войны, и внутренние конфликты между прибрежной и внутренней частью страны, когда султан Маската, чтобы обуздать непокорных имамов, запрещал ввоз продукции земледельцев внутреннего Омана.

Всего этого она не помнила. Помнила только, что очень ярко светило солнце, что пахло гарью с кухни и что единственным ее чувством был голод. Люди обсуждали последствия Второй мировой войны, ужасающую дороговизну, стычки между племенами, а она не догадывалась, как это все было связано с теми взглядами, которые бросала на нее жена дяди, когда она несла ложку с едой ко рту... Когда к ним заезжали гости из другого племени, дом наполнялся запахом жареного мяса, бульона и тонкого хлеба. После их ухода все они, с женой дяди и их детьми, собирались вокруг огромного подноса с остатками еды – супом на дне кастрюли и обглоданными

костями. Дети дяди дрались за эти обеды, а его жена сидела, пристально смотря на руку Салимы. Когда Салима тянулась к тарелке, ей самой казалось, что рука у нее огромная, а рот до уродства широк... [З. С. 99].

Единственный сын Салимы умирает от лихорадки просто из-за того, что в деревне имелся лишь один автомобиль, на котором больного можно было за несколько часов доставить в больницу. Автомобиль принадлежал ее родному дяде, но настолько был дорог, что тот не внял никаким ее мольбам.

Как нам кажется, автор намеренно или неосознанно, но все-таки проводит мысль о том, что старого Омана с его жесткими традициями, обычным правом, внутренними раздорами, гражданским противостоянием и нищетой больше не существует, но вместе с тем задает риторический вопрос, что происходит с людьми, куда теряется их духовность? Символично, что Зарифу запирают умирать в больнице, Масуду прячут в сарае, а Салима после выдачи всех дочек замуж остается сидеть на ступеньке своего дома в звенящей тишине и полном одиночестве.

На примере дочерей Аззана, трех сестер – Мийи, Асмаа и Холи, среднего поколения, перед которым раскрылись многие возможности и свободы еще в их молодые годы, что обернулось для них моральным испытанием, показаны три подхода к социальному поведению женщины в современном заливском обществе. Они не испытывают недостатка в чем-то, они могут разбогатеть, могут, но не всегда смеют, сказать нет. Их проблемы скорее психологического и личностного плана, это уже не вопрос выживания. Но теперь для того чтобы стать (или казаться) успешной уже мало просто удачно выйти замуж.

Старшая сестра Мийя еще символизирует повиновение родителям, она выходит замуж беспрекословно за того, на которого ей указали, но реализоваться так, как ей хотелось бы, она не может. Не получается выучить английский, не получается научиться водить машину, построить трехэтажный дом и др. Ее жизнь становится горькой из-за аутизма младшего сына. Слишком долго Мийя не хочет видеть болезни сына. Самое страшное для нее, что он пойдет не в обычную школу, как дети ее сестры, а в специализированную. Потерпев поражение, Мийя уходит в себя. Целыми днями она спит, потому что во сне нет никого, никто не предъявит ей требования, никто не осудит.

Надо отметить, что в последнее время действительно наблюдается трудно объяснимый повсеместный рост заболевания аутизмом, и нельзя сказать, что оманское общество готово это принять. Как видим мы, аль-Харти выступает здесь с осуждением ряда предрассудков своего окружения, связанных с неспособностью пережить то, что ты или твои дети выделяются чем-то среди своего племени, что ты иной. Самой распространенной реакцией при этом является замалчивание проблемы, попытка ее спрятать, как упрятали в сарай Масуду или Зарифу в больницу. Неслучайно финал романа – сюрреалистическая сцена, где Абдулла, отец ребенка-аутиста, выходит из себя от его однообразных и бессмысленных взмахов на пляже руками, что может привлечь любопытство прохожих, сначала спорит со своим покойным отцом, чудесным образом появившимся на пляже, затем мальчик мерещится ему

рыбой, которую он берет на руки, заходит в море и топит, тем самым избавляясь от проблемы.

Средняя сестра Асмаа – как золотая середина, она начитана и выполняет в семье роль хранительницы семейной библиотеки. Асмаа раздумывает, получив предложение, выходит замуж за мужчину, который ей действительно нравится, но разочаровывается в наивной легенде о двух половинках, которые ищут друг друга по свету. Асмаа придумывает альтернативную теорию о небесных телах, движущихся по небосводу каждое по своей траектории, и находит счастье в любви к детям. Неслучайно небесные тела, о которых говорит Асмаа, дали название роману. Это, пожалуй, самая счастливая линия в произведении.

Когда у нее появятся дети, она закажет самую широкую кровать, чтобы они помещались на ней все вместе и спали, сплетая руки и ноги, как ветви дерева, стволom которого она себя представляла. Его же она убедила в том, что объятья женщины, ставшей матерью, аромат духов которой смешался с молозивом и детскими запахами, отличаются от прикосновений бездетной женщины, полностью отдающей свою любовь мужчине. С рождением каждого последующего ребенка она только укреплялась в вере, что это и есть ее истинное предназначение: слышать душераздирающий крик новой жизни от тельца, которое выходит из нее. Раз за разом. Пока она не сможет уже давать жизнь. К сорока пяти годам у Асмаа было четырнадцать детей, которые росли как листочки на дереве в доме, наполненном светом и раскрашенном всеми цветами радуги кистью их отца [3. С. 179].

Холя – младшая и самая красивая из сестер, ей завидуют: она выучила английский, открыла салон красоты, но влюбилась в человека, которому не была нужна и который взял ее в жены только потому, что это было условие его матери для вступления в наследство. Они прожили вместе долгие годы, и он уже стал относиться к ней с большой нежностью, как вдруг внутри у Холи что-то сломалось. Ей стало жалко себя молодую, она взбунтовалась и против всех правил подала на развод, вызвав своим поступком недоумение у окружающих, посчитавших, что за этим кроется какая-то страшная тайна, которая на самом деле заключалась лишь в том, что Холя пересмотрела свое прошлое и стала другой.

Она хотела сказать ему: «Мне мало было надо, что-нибудь посади там и оно даст всходы. Что-нибудь ты положил бы в мою протянутую руку. Письмо из одного слова. Полуночный звонок. Сон, в котором бы ты не отворачивал от меня своего лица. Один шаг навстречу мне. Один медленный разворот в мою сторону. Что-нибудь. Ухмылку. Вздох раздражения. Дешевую безделушку. Все это было бы так много для меня! Но не было ничего! Ничего! А сейчас всего этого вместе не будет достаточно!» [3. С. 221].

В образе дочери старшей из сестер Лондон (вершине нашей воображаемой пирамиды) воплощено молодое поколение требовательных и свободных оманок. Ее имя символизирует отказ от собственного культурного наследия и слепое подражание Западу. Лондон получила диплом врача, перед

ней открыты все дороги, но она также несчастна в личной жизни: ее возлюбленный, ради которого она пошла против семьи, поднимает на нее руку и флиртует с другими. Свадьбу приходится отменить. Лондон переживает не только разочарование в любви, но и позор неудачи. Она боится выглядеть в глазах окружающих неудачницей. Девушке приходится начать жизнь с чистого листа. Она размышляет о том, как сложно человеку просто перевернуть страницу жизни:

То, что называют опытом, на самом деле останется с ней как хроническая болезнь, от которой не умирают, но и не выздоравливают. Которую трудно терпеть, но от которой не избавиться. Она будет тебя преследовать, куда бы ты не пошла, и будет внезапно обостряться на пустом месте, напоминая о том, что у этого заболевания есть осложнения, но мы просто притворяемся, что их не существует... Как они это делают? Как переворачивают свои страницы? И наново писать она пыталась. Но белых страниц в жизни не бывает. Им неоткуда взяться... [З. С. 168].

Заключение

Роман Джохи аль-Харти «Небесные тела», как мы убеждены, имеет большое значение для оманской литературы и не только по тому, что установил своеобразные рекорды как первый роман писателя-женщины из Омана, переведенный на английский, и как первый арабоязычный роман, получивший международное признание в The Man Booker Prize.

Автору удалось вывести свое произведение на высокий художественный уровень и соответствовать актуальным литературным течениям, используя такие особые приемы повествования, как поток сознания, несинхронность событий и т. д., удалось заинтересовать зарубежного читателя своим взглядом на вызовы современности, такие как общество потребления, связь поколений и др., и все это на материале оманской жизни и истории. Собранный аль-Харти фольклорный материал, архивные факты, мониторинг социальных и психологических проблем в оманском обществе сегодня дают полное представление о стране. Причем представление изнутри, не самое лестное, стремящееся к объективности. Тем самым аль-Харти нарушает табу, выставляя на всеобщий суд такие вопросы, как участие Омана в работоторговле и отношение к детям с психическими расстройствами, например.

Нельзя не увидеть и то, что книга Джохи аль-Харти выделяется смелостью, которая заключается в том, чтобы открыть жизнь женского общества Залива всему остальному миру, ничего не приукрашивая и ничего не скрывая, вместе с тем опровергнуть представления о «легковесности» женского арабского романа.

Впервые произведение из Омана адресовано в большей степени зарубежному читателю, не говоря уже о том, что по технике и тематике оно полностью отошло от тех стандартов, в рамках которых оманская литература существовала столетиями – поэтического жанра, гражданской (внутренней) направленности, назидательности, религиозной и политической идеологии, ностальгии, классического языка.

Женская литература в Омане сегодня сделала «крутой разворот» в сторону современных методов прозы и ориентации на западного читателя, при этом сохранив богатство классического арабского языка, несомненно, воспринятого из поэтический традиций прошлого, и любовь к своим истокам и национальной культуре. Именно такое сочетание, на наш взгляд, способствовало ее продвижению и росту популярности.

Как известно, объемы переводов художественной литературы с арабского на русский крайне малы и российские издатели редко выражают интерес к арабоязычным авторам, выбирая, как правило, наиболее резонансные из арабоязычных произведений, имевшие успех у европейского читателя. «Небесные тела» стали одними из них – выход романа на русском языке запланирован издательством «Эксмо» на текущий год.

Список литературы / References

- [1] Ahmed Abdel Hamid Hussain. (2020, 8 February). al'iibadiat waljyusyas. eamman wamatifistu alwuquf eali alhiad [Ibadism and Geopolitics. Oman and Matifisto Standing on Neutrality]. *Thmanyah*. Retrieved July 14, 2020, from <https://thmanyah.com/3421/>
- [2] Zarytovskaya, V.N. (2011). Omanskij dialekt arabskogo yazyka: Istoriko-lingvisticheskoe opisanie [Omani dialect of the Arabic language: A historical and linguistic description]. *Yazykovej aspekt integracii i samoidentifikacii v sovremennom mire [The linguistic aspect of integration and self-identification in the modern world]*: Collection of materials of the department scientific and methodological seminar (pp. 28–30). Moscow. *Зарытовская В.Н. Оманский диалект арабского языка: историко-лингвистическое описание // Языковой аспект интеграции и самоидентификации в современном мире: сборник материалов кафедрального научно-методического семинара. М.: Цифровичок, 2011. С. 28–30.*
- [3] Al-Harhi, J. (2010). *sayidat alqumr [Celestial Bodies]*. Beirut, Dar Al Adab.
- [4] Omanobserver. (2019, November 14). *Abu Muslim al Bahlani among global influential figures: UNESCO*. Retrieved May 11, 2020, from <https://www.omanobserver.om/abumuslim-al-bahlani-among-global-influential-figures-unesco/>
- [5] Al-Rahbi, A.M. (2006). Razvitie omanskoj poezii i ee rol' v formirovanii arabskoj kul'tury [Development of Omani poetry and its role in the formation of Arab culture]. *Problemy i perspektivy vospitaniya yazykovej kul'tury i formirovaniya yazykovej lichnosti molodogo zhurnalista i filologa evrazijskogo prostranstva [Problems and prospects of linguistic culture upbringing and the formation of the linguistic personality of a young journalist and philologist of the Eurasian space]*: Materials of the International scientific and practical conference (pp. 178–182). Moscow. *Аль-Рахби А.М. Развитие оманской поэзии и ее роль в формировании арабской культуры // Проблемы и перспективы воспитания языковой культуры и формирования языковой личности молодого журналиста и филолога евразийского пространства: труды Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 178–182.*
- [6] Al-Rahbi, S. (2002). *qaws qazah alshra' [Desert rainbow]*. Cologne: Camel Publications.
- [7] Issa, S. (2016, 30 August). alshier aleumaniu almueasir [Contemporary Omani poetry]. *Alfaisal*. Retrieved July 5, 2020, from www.alfaisalmag.com/?p=2858
- [8] Ruete E. (1907). *Memoirs of an Arabian Princess*. New York, Doubleday. Retrieved July 17, 2020, from <http://digital.library.upenn.edu/women/ruete/arabian/arabian.html>

Сведения об авторах:

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Аль-Рахби Ахмед Мохаммед, кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Bio notes:

Victoria N. Zarytovskaya, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Ahmed Mohammed Al-Rahbi, Candidate of Philological Sciences, assistant of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-705-713

УДК 821.214.21

Научная статья / Research article

Кафкианские мотивы в прозе Кунвара Нараяна

К.А. Лесик

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1
ksundra-1@yandex.ru

Аннотация. Развитие индийской литературы, начиная с XIX века, связано с влиянием на нее европейской литературной традиции. Индийская интеллигенция, знакомясь, в частности, с наследием европейского модернизма, в своих произведениях ориентировалась на творчество западных писателей, воспринимая ключевые темы, мотивы, вводя в индийскую поэтику новые литературные приемы и образы. Одно из важных имен, без которого не обходится анализ современной литературы хинди, – имя Франца Кафки. Среди писателей, которые обращаются к мотивам произведений Франца Кафки, Кунвар Нараян, чье имя в индологических исследованиях ассоциируется больше с поэзией. Однако сам Кунвар Нараян является не только представителем Новой поэзии хинди (Naī Kavita), но и прозаиком. В статье рассматривается влияние творчества Франца Кафки на прозу этого индийского писателя на примере двух рассказов «Они: одна фантазия» и «Комнаты» из сборника «Хор беспокойных листьев». Определяется, в произведениях какого периода и каких рассказов Кунвар Нараян обращается к кафкианским мотивам. Анализируются особенности его восприятия мировоззренческой концепции Франца Кафки. Предпринимается попытка выявить, что нового вносит индийский прозаик в кафкианскую картину мира. Устанавливается, на каком индийском материале и в какой индийской литературной традиционной образности Кунвар Нараян применяет образы рассказов Франца Кафки.

Ключевые слова: Кунвар Нараян, кафкианские мотивы, индийский модернизм

История статьи: поступила в редакцию – 2 сентября 2020 г.; принята к публикации – 14 сентября 2020 г.

Для цитирования: Лесик К.А. Кафкианские мотивы в прозе Кунвара Нараяна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 705–713. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-705-713>

Kafkaesque motifs in Kunwar Narain's novels

Ksenia A. Lesik

Lomonosov Moscow State University
11 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation
ksundra-1@yandex.ru

Abstract. Since the 19th century European literary tradition indisputably influenced the development of Indian literature. Indian intellectuals, familiarizing particularly with the inheritance of European modernism, follow works of modernist writers, accept their key themes

© Лесик К.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

and motifs, thereby bring new literary devices and images into Indian literature. One of the main authors, whose novels have made a deep impact on the development of Hindi literature, is Franz Kafka. The influence of his works is extremely visible across India. Indian writers create Kafkaesque worlds and protagonists in their own novels and stories. One of Hindi novelists, who refers to Franz Kafka's motifs, is Kunwar Narain. In Indological studies his name is associated with poetry. However, he is not only a representative of New Hindi poetry (Nāi Kavita), but a novelist also. The article is focused on Franz Kafka's influence on Indian writer's fiction. It is determined in what period and in which novels Kunwar Narain uses kafkaesque motifs. The perception of Kafka's worldview concept in Kunwar Narain's novels is studied. It is an attempt to find out what new Indian prose-writer brings to a kafkaesque picture of world. It is also analyzed, in what Indian literary material and in what Indian literary tradition imagery he applies the images of Kafka's stories.

Keywords: Kunwar Narain, Kafkaesque motifs, Indian modernism

Article history: received – 2 September 2020; revised – 6 September 2020; accepted – 14 September 2020.

For citation: Lesik, K.A. (2020). Kafkaesque motifs in Kunwar Narain's novels. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 705–713. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-705-713>

Введение

Становление индийской прозы непосредственно связано с влиянием на нее европейской литературной традиции. Знание индийской интеллигенцией английского языка позволило в ускоренном темпе освоить художественный опыт зарубежной литературы. Обращаясь к новым выразительным средствам и новой тематике литературных произведений, индийские писатели вносили в сложившуюся веками традиционную литературу «тематическое и жанровое обновление» [1. С. 85–87]. Начиная с конца XIX века, писатели хинди обращаются к жанрам романа и малой прозы, начинают писать повести, новеллы. Формирование и разработка стилистики и тематики прозаических произведений продолжались в 1950–1970-х годах. В это время писатели, как и в предыдущие годы, воспринимают тенденции европейской литературы и формируют в литературе хинди новый модернистский модус или движение Нового рассказа (*Наи кахани*, Nāi Kahānī).

Движение Нового рассказа зародилось как форма творческого взаимодействия рефлексии между Западом и Востоком. Литературные традиции переосмысливались и реконструировались. Многие произведения представителей европейского модернизма – Альбера Камю, Жан-Поля Сартра, Сэмюэля Беккета – стали основой для стилистического и тематического формирования Нового рассказа. При этом многих писателей хинди обвиняли в прямом заимствовании тем и мотивов произведений из литературы Запада. Однако американский индолог Г. Роудармел считает «эти обвинения весьма спорными, отмечая, что, несмотря на использование приемов европейского модернизма, писатели в *Наи кахани* остаются верны литературной традиции, создавая свои произведения в контексте собственного индийского самознания» [2. С. 323].

Одно из важных имен, без которого не обходится анализ современной литературы хинди, – имя Франца Кафки. Реминисценции произведений этого

немецкого писателя чешского происхождения в индийской литературе очевидно прослеживаются во многих рассказах хинди. Одним из тех, кто обращается в своем творчестве к мотивам произведений Франца Кафки, является Кунвар Нараян (1927–2017). В индологических исследованиях имя Кунвара Нараяна ассоциируется прежде всего с поэзией. Однако сам он является не только представителем Новой поэзии хинди, но и прозаиком.

Для отечественной индологии немаловажным является изучение не только поэтического, но и прозаического творчества этого индийского писателя, который по праву считается литератором с мировым именем. Он смог гармонично объединить в своих произведениях основы европейской и индийской литературных традиций.

Обсуждение

Причина обращения к европейской литературной образности, по словам самого Кунвара Нараяна, связана с его поездкой в 1955 году в Европу, СССР и Китай и знакомством с видными поэтами и прозаиками того времени. Это путешествие и встречи оставили свой отпечаток на становлении Кунвара Нараяна как писателя в 1950–1960-х годах. На его творчество в целом повлияла европейская литературная традиция, поэзия французских символистов Стефана Малларме и Шарля Бодлера, чьи стихи он переводил с французского языка еще в университете (1).

Определяя в целом творчество Кунвара Нараяна, стоит обратиться к словам переводчика его прозы Джона Ватера, который утверждает, что Кунвар Нараян – это сочетание всего мирового литературного наследия, «его произведения наполнены диапазоном суггестивного языка Малларме и концепции идентификации ускользающего смысла Борхеса. Однако при этом явное влияние, которое прочитывается в рассказах, принадлежит Ф. Кафке с его круговой, самореферентной и эллиптической формой письма» [3. С. 18].

Переходя к рассмотрению кафкианских мотивов в рассказах Кунвара Нараяна, для начала мы обратимся к определению его прозаического творчества, которое схематически можно разделить на два этапа, связанных с двумя сборниками. Первый период отмечен выходом первого сборника рассказов «Близ образов» (*Ākāron ke āspās*) в 1971 году, второй обозначен посмертной публикацией сборника под названием «Хор беспокойных листьев» (*Becain patton kā koras*) в 2018 году. Рассматривая рассказы двух временных периодов, стоит отметить, что Кунвар Нараян на протяжении всего своего творческого пути обращается к кафкианским мотивам. Влияние произведений этого писателя встречается в рассказах: «Сомнительные шаги» [*Sandigdha cālen*], «Чиновник» [*Afsar*], «Страх» [*Āśankā*], «Другое лицо» [*Dūsra cehrā*], «Битва двух людей» [*Do ādmiyon kī larāi*] из сборника «Близ образов»; а также «Трагедия» [*Ek trajadī*], «Они: одна фантазия» [*Ve: ek faintesī*], «Комнаты» [*Kamre*] из сборника «Хор беспокойных листьев».

В данной статье мы обратимся только к двум рассказам Кунвара Нараяна «Они: одна фантазия» и «Комнаты», в которых кафкианские мотивы проявляются особенно ярко. В них явным образом присутствует реминисценция кафкианских мотивов превращения, мира абсурда, иерархичности обще-

ства и его функционирования по механическим законам, привычным безликой и низменной толпе.

В данной статье акцент делается на рассмотрении мотива превращения и его реализации в авторском ключе. Иными словами, мотив метаморфозы анализируется, согласно Б.М. Гаспарову, «как кросс-уровневая единица, которая варьируется и переплетается с другими мотивами, создавая в тексте неповторимую поэтику» [4. С. 30].

Константным мотивом, вокруг которого выстраивается сюжет произведений Кунвара Нараяна, является кафкианское восприятие мира как абсурда. В нем неотвратимо переплетены миры действительности и фантастики. Абсурд в рассказах индийского писателя выстраивается на основе контраста, присущего произведениям Кафки, между заурядным событием, описанным реалистически, и центральным событием, представляющим собой совершенно невероятное происшествие. Примером такой фантастической случайности может послужить превращение героя или его части (*часть тела или атрибут одежды*) в нечто ирреальное. Так, в рассказе «Они: одна фантазия» оживают и отделяются от главного героя его ботинки, а в «Комнатах» протагонист переживает метаморфозу переходного состояния между жизнью и смертью.

Создание мотива превращения сочетается в произведениях Кунвара Нараяна с принятием мотива кафкианской событийности, основанной на отрицании сна. Героя индийского писателя ждут совершенно невероятные происшествия, которые могли бы произойти только во сне. Он с самого начала утверждает подлинность происходящего. Причем в эту событийность вовлечен не только протагонист, но и второстепенные персонажи, переживающие и всматривающиеся в происходящее событие со своего ракурса. «Если бы это был сон, то пришлось бы признать, что это такой сон, который одновременно снится многим лицам» [5. С. 170].

Так, герой рассказа «Комнаты», который одновременно является и рассказчиком, вводит свое пребывание в канве событий посредством утверждения своего бодрствования: «*Первое событие – взрыв – ничего не изумляющее, пробуждающее сознание, погруженное в беспредельно-глубокий сон. Вздрогнув, я проснулся*» (2) [6. С. 148].

Рассказ «Они: одна фантазия» начинается следующим высказыванием: «*Собрание длилось целую ночь, после собрания, выбравшись на улицу, я увидел, что тысячи пар обуви собрались в толпу*» [6. С. 90]. Здесь герой-рассказчик не просыпается. Но он и не ложится спать, бодрствуя всю ночь и тем самым теряя чувство реальности. Как и у Кафки, у К. Нараяна герой переходит грань, за которой невозможно отличить событие действительное от фантазмагоричного. Он на протяжении всего произведения продолжает восклицать, как бы подтверждая реальность происходящего: «*Это же не сон?..*», «*Такого приспособления я не мог представить даже во сне!*» [6. С. 90–99].

Герой, пробужденный ото сна, попадает в новую реальность, в которой ему уготована новая роль. К. Нараян здесь следует Кафке и его мифологическому фону повествования, с помощью которого усиливает значимость всего свершаемого. Метаморфоза является вестницей ночи. Реальность, в кото-

рую герой погружается, изменяется под покровом тьмы, и тайна разоблачается только перед восходом солнца: «*На старом семейном дереве ним расплывался свет раннего утра. Так что же, все то, что начиналось с одного удара, закончилось другим!? Неожиданно в моей душе будто молния сверкнула! <...> Всего того, что было, сейчас не было. С того, что не было, и начался новый день, будто это происходило в первый раз*» [6. С. 152].

Примечательно, что мотив кафкианского сна Кунвар Нараян отождествляет с образом *майи*, иллюзии, обмана, колдовства в индийской литературной традиции. Происходящие события *ghaṭṇā* представляют собой иллюзорность всего воспринимаемого мира. Для более яркого изображения данного образа индийский писатель использует слово *svapn*, обозначающее сон. Буквально это слово переводится как «уменьшение осязания или неведение» [7. С. 110]. В самом слове заложена связь, стирающая грань между сновидением и бодрствующей жизнью.

После пробуждения (переломного момента рассказа) сюжетная линия начинает развиваться и связана она, как и у немецкого писателя, с «сугубо индивидуальной историей, моментами которой являются странные события, никогда ранее не происходившие и которые никогда не произойдут вновь» [7. С. 59]. Случившаяся метаморфоза становится новой реальностью мира абсурда.

Герой попадает в мир, в котором его окружают бессердечные гротескные персонажи. Сам переход к началу фантазмагорического события обычно сопровождается шумом. Это еще один кафкианский мотив звукового фона, которому следует К. Нараян. Если у Кафки шумовые эффекты обычно связаны с выражением людских связей через шелест бумаги, то у индийского писателя шум – явление, создающее мир абсурда. Ботинки в «Они: одна фантазия» погибают под асфальтовым катком под шум аплодисментов. Герой из «Комнат» просыпается от «какого-то удара в космосе», «этот удар произошел где-то возле меня или где-то далеко, тысячу лет назад», «звук хлопка, от которого я проснулся, мог быть и в какой-нибудь другой комнате дома» [6. С. 148–149].

Мотив шума является следствием отсутствия сверхъестественного источника фантазии. Важный принцип перехода из реальности в квазиреальность заключен в том, что сверхличные силы анонимны. К. Нараян, как и Кафка, не дает в рассказе предыстории к совершаемому событию. Оно наступает внезапно, беспричинно. Герой безоговорочно оказывается в лиминальном пространстве: еще один кафкианский мотив, которому следует К. Нараян в своих рассказах для создания мира абсурда. Кафкианское понятие пространства – закрытое и в то же время абстрактное и бесконечное место, к которому ведут отворяющиеся и затворяющиеся двери.

В рассказах «Комнаты», пространство – это ловушка, уводящая в замкнутые комнаты, ведущие все глубже и дальше в комнаты потайные. Вырисовывается картина своеобразного лабиринта, до конца которого невозможно пройти. Как землемер К. из «Замка» блуждает по кругу, не имея возможности выбрать правильную дорогу до замка, так и герой «Комнат» переходит из одной комнаты в другую. В первой комнате он находит мать и плачущую сестру, во второй комнате находится клуб, в котором играют в карты. Однако игроки не обращают на героя никакого внимания. Пытаясь при-

влекать к себе их взоры, он топает ногой, но в ответ его ждет равнодушие. Здесь явно прослеживается кафкианский мотив изменчивой толпы. В третьей комнате героя ждет отец, но до конца лабиринта герою дойти не суждено. Непреодолимая сила отбрасывает его в самое начало. Такое блуждание из комнаты в комнату, круговое движение становится символом движения на месте, герой обречен статично пребывать в одном и том же положении.

В такое же круговое движение вовлекается и герой, бегущий за ботинками. Дорога, по которой он следует, кажется бесконечной, уходящей в небо. Он не может догнать свои ботинки, по пути ему встречаются препятствия: гравий, толпа, каток, горячий асфальт.

Лиминальность мира К. Нараяна помещена в определенное пространство, разделенное дверьми. Они могут открываться и закрываться. Такой мотив довольно явно выражен в «Превращении» Кафки. Грегор Замза после превращения общается с внешним миром через щель полуоткрытой двери, которая в конце произведения захлопывается на замок, как символ того, что обратного пути нет.

Дверь для героя индийского писателя становится пограничной чертой между его внутренним и внешним мирами. Эти миры взаимосвязаны. Ширина открытия двери указывает на силу взаимодействия между героем и миром. Чем шире открыта дверь, тем сильнее герой привязан к внешнему, тем больше он может влиять на событие.

Как и дверь в комнату Г. Замзы, двери перед героями из «Комнат» тихо открываются и закрываются. Открытие двери ознаменовывает столкновение героя с враждебным миром, начинается прямое взаимодействие. В «Комнатах» герой, открывая двери и переходя из одной комнаты в другую, подвергается влиянию мертвого мира. С открытия двери из зала заседания в рассказе «Они: одна фантазия» начинается погоня за ботинками.

Однако не всегда эта дверь открыта. Мотив преграды (закрытой двери, дороги) ярко выражен у К. Нараяна. Его героев постоянно отделяет от фантазмагоричного мира некий барьер, который невозможно преодолеть. В «Комнатах» двери в комнаты в момент удара молнии закрываются. Открывая их, герой не находит прежней обстановки, за дверью простиралась пустота. Важной деталью неожиданно возникшей преграды является констатация героем ощущения происходящего с ним ночного кошмара. Как у Кафки «переговоры через закрытую дверь напоминают форму дурного сна» [8. С. 340], так и у героев Нараяна присутствует ощущение нахождения «за пределами какого-то сна».

Еще одной преградой служит дорога в рассказе «Они: одна фантазия». Героя отделяет от мира дорога, через которую он переговаривается и с ботинками, и с толпой. Дорога становится символом того, что герой не в состоянии перейти лиминальность не только в горизонтальном пространстве, но и в вертикали общества. Пороговость состояния героя помогает ему находиться вне общего мира, над толпой, замечать то, что простому человеку заметить невозможно. Именно поэтому герой видит свои ботинки то на голове у сидящего за столиком в кафе случайного прохожего, то следующими за маленьким босоногим мальчиком. Кульминацией момента становится то, что герой единственный видит их смерть:

Люди, смотря восторженными взорами не на затоптанные ботинки, а на каток, в это время были счастливы.

Я увидел... что оба ботинка, трепеща крыльями, неожиданно поднялись с поверхности улицы и, скрываясь от людских взглядов, улетели в небо выше их голов, как две красивые бабочки [6. С. 99].

За мотивом двери появляется мотив открытого окна – это переходное пространство между комнатой героя и открытым небом, портал в другой мир. Мысли героя, «которые выходят наружу в виде возрастающих и беспомощных психических блужданий» [3. С. 18], могут найти ответы на вопросы либо в человеческом сердце, либо снаружи в открытом небе. У Кафки окно также связано с миром, с чувством освобождения. В «Превращении» «тяга Г. Замзы к окну обусловлена человеческими воспоминаниями» [8. С. 347]. В его метаморфозе в жука сохраняется человеческое, окно становится связующим звеном между человеком и насекомым, между реальностью и абсурдом. Герои К. Нараяна также всматриваются через окно в звездное небо в поисках параллелей между действительностью и квазиреальностью. Окно – проводник героя в пограничное пространство, в котором он убеждается в том, что произошедшая с ним метаморфоза не изменила его внутреннюю сущность:

Встав с кровати, стоя на двух своих ногах, я почувствовал, что я это я. Пошел в сторону окна. Открыл окно. На улице была темнота и звезды, которые делали темноту меньше. Одна звезда блестела ярче остальных, возможно, именно поэтому мне показалось, что она находится ближе ко мне [6. С. 149].

Переход героя в квазиреальность связан с трагической борьбой с абсурдным миром людей, похожим на ночной кошмар. Еще одна реминисценция мотива Кафки в произведениях К. Нараяна заключается в том, что, как и немецкий писатель, выход из переходного состояния превращения, индийский прозаик видит через гибель протагониста или его атрибута.

Выход из пограничного состояния, из метаморфозы сопровождает героя смертью в отчаянии, а мир зевак с их материалистическими интересами и приземленными предпочтениями продолжает ужасающе желать жить (3). Такая интерпретация мотива ярко выражена в рассказе «Они: одна фантазия»:

Когда каток продвинулся дальше, то кроме ровной дороги ничего там не было. Люди как сумасшедшие аплодировали – на этот раз из-за чуда катка, который был горд собой, показал свою силу и мастерство. «Подлый, лживый...» – несмотря на то, что я останавливал себя, эти слова сами собой слетели с языка.

Люди, смотря восторженными взглядами не на затоптанные ботинки, а на каток, в это время были счастливы [6. С. 99].

Однако в смерти героя и у Кафки, и у Нараяна даже в самых мрачных текстах можно «обнаружить некую крайнюю возможность, некую незамеченную победу, свечение недоступного притязания» [7. С. 64]. Один единственный шанс выхода из квазиреальности заключает в себе позитивную концовку. Если у Ф. Кафки такой мотив связан с «попыткой западного человека примирить аспект бессмертия, превращенного в символ блаженства, с попыткой сделать жизнь переносимой» [7. С. 65], то у К. Нараяна смерть не

несет в себе понятие смерти как окончания жизни. В смерти героя нет возможности покончить с надеждой, со смыслом вещей, со светом. Истина заключается в том, что выход героя из метаморфозы является продолжением самой жизни в другом образе, в основе котором лежит индуистское понимание перерождений.

Именно поэтому трагичность рассказов К. Нараяна сводится к подтверждению продолжения жизни в другой ипостаси:

Трепеща крыльями, оба ботинка неожиданно поднялись с поверхности улицы и, скрываясь от людских взглядов, улетели в небо выше их голов, как две красивые бабочки. Они не умерли... их души... или их мечты? У меня вырвался радостный крик, но я никому не дал распознать свое счастье. Теперь у них не осталось никакой связи с ногами... Вот такое их освобождение было красивым и удивительным само по себе [6. С. 99].

Мотив освобождения от метаморфозы в реинкарнации будет также присутствовать в рассказе «Комнаты», в котором смерть становится циклической, как день, и герой будет возрождаться и умирать постоянно:

Всего того, что было, сейчас не было. С того, что не было, и начался новый день, будто это происходило в первый раз [6. С. 152].

Заключение

Рассмотренные рассказы Кунвара Нараяна развиваются по законам кафкианской прозы. У индийского писателя все события вершатся согласно кафкианским сновидениям, в которых нет ни начала, ни конца, ни истинной мотивировки поступков. Это объясняется тем, что у героя-рассказчика нет ни прошлого, ни будущего, а только «сейчас» и «здесь». Тем не менее Кунвар Нараян в своих произведениях использует мотивы Ф. Кафки, переплетая их с индийской литературной традиционной образностью сна, смерти и жизни. Такой синтез мотивов европейской и индийской литератур создает по-своему уникальную поэтику рассказов сборника современного писателя хинди.

Примечания

- (1) По словам сына поэта, Апурвы Нараяна, переводы стихотворений французских символистов утеряны.
- (2) Здесь и далее перевод выполнен К.А. Лесик совместно с кандидатом филологических наук, доцентом кафедры индийской филологии ИСАА МГУ Г.В. Стрелковой. Перевод рассказов и комментариев к ним выполнен по [6].
- (3) Данный мотив напоминает сцену из «Превращения», когда семья Замза, исполненная мечтами о дальнейшей счастливой жизни, после смерти сына отправляется на прогулку. Как замечает В.В. Набоков, «последняя сцена великолепна в своей ироничной простоте» [9]. Несмотря на всю трагичность произошедшего, ничто не напоминает читателю о случившемся.

Список литературы

- [1] *Цветкова С.О.* Очерки истории литератур Индии (X–XX вв.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014.
- [2] *Singh M.* Altered Realities, New Experiences: Bhisham Sahni, Nirmal Verma, and the “Nayi Kahani” Movement // *Comparative Literature Studies*. 2016. Vol. 53. No. 2. Pp. 312–333.

- [3] Narain K. *The play of dolls*. New Delhi: Penguin Modern Classics, 2020.
- [4] Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы XX века. М., 1999. С. 30.
- [5] Манн Ю. Встреча в лабиринте (Франц Кафка и Николай Гоголь) // Вопросы литературы. 1999. № 2. С. 162–186.
- [6] Narain K. *Becain patton kā korasю*. Delhi: Rājkamal Prkāšan, 2018.
- [7] Eranimos B. The Concept of Dreams and Dreaming: A Hindu Perspective // The International Journal of Indian Psychology. 2017. Vol. 4. No. 4. Pp. 108–116.
- [8] Блانشо М. От Кафки к Кафке. М.: Логос, 1998. С. 57–85.
- [9] Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газета, 1998. С. 325–364.

References

- [1] Tsvetkova, S.O. (2014). *Oчерki istorii literatur Indii [Essays on the history of Indian literature]*. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ. (In Russ.)
- [2] Singh, M. (2016). Altered Realities, New Experiences: Bhisham Sahni, Nirmal Verma, and the “Nayi Kahani” Movement. *Comparative Literature Studies*, 53(2), 312–333.
- [3] Narain K. (2020). *The play of dolls*. New Delhi, Penguin Modern Classics.
- [4] Gasparov, B.M. (1999). *Literaturnye leitmotivy: Oчерki russkoi literatury XX veka [Literary leitmotives: Essays on Russian literature of the 20th century]* (p. 30). Moscow.
- [5] Mann, Iu. (1999). *Vstrecha v labirinte (Frants Kafka i Nikolai Gogol') [The meeting in a labyrinth (Franz Kafka and Nikolay Gogol)]*. *Voprosy literatury [Literature Issues]*, (2), 162–186. (In Russ.)
- [6] Narain, K. (2018). *Becain patton kā koras*. Delhi, Rājkamal Prkāšan. (In Hindi.)
- [7] Eranimos, B. (2017). The Concept of Dreams and Dreaming: A Hindu Perspective. *The International Journal of Indian Psychology*, 4(4), 108–116.
- [8] Blansho, M. (1998). *Ot Kafki k Kafke [From Kafka to Kafka]* (pp. 57–58). Moscow, Logos Publ. (In Russ.)
- [9] Nabokov, V.V. (1998). *Lektsii po zarubezhnoi literature [Lectures on foreign literature]* (pp. 325–364). Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Лесик Ксения Александровна, аспирант кафедры индийской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. eLIBRARY SPIN-код: 3146-3492.

Bio note:

Ksenia A. Lesik, Ph.D. student at the Department of Indian Philology of the Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University. eLIBRARY SPIN-code: 3146-3492.

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-714-723

UDC 821.222.1

Research article / Научная статья

Locating reality through visual narratives: Marjane Sartapi's surfacing in "Persepolis"

Preeti Gupta

Ramaiah College of Arts, Science and Commerce
7th Main Rd, Bangalore, 560054, Republic of India
preetijain27@gmail.com

Abstract. The innovative way of telling stories by using visuals with a motive of imparting a message to an audience has influenced several writings. The use of visual narratives turns out to be a profound technique of illustrating stories that has existed and continues to exist event today. From oral narratives to visual ones the art of storytelling has always been efficacious and more absorbing. Impressing upon what, how, where, and in what manner the event took place through graphics is fascinating. There is substantial writing that primarily deals with research on visual stories. One such is Marjane Sartapi's "Persepolis" told through the eyes of a young girl, and this unique perspective of graphic narration offers distinctive insight into the perseverance to retain one's identity in tumultuous times. Nations and homelands play an important part in one's identity formation. Associating oneself to national sentiments and signs, individuals feel themselves part of the nation. However, identity becomes problematic for those in diaspora. This research paper intends to look at Marjane Sartapi's "Persepolis" as an attempt of the author to surface through many of her inner-outer conflicts. The paper shall trace her journey of self-approval from Iran to Vienna and finally to France. The trauma and the identity crisis she faces during her childhood in Iran and later in Vienna is an experience which she decides to narrate using animated comic images. The use of visual narrative form has helped her convey the trauma and pain she long carried. Finding a homeland and an identity became challenging.

Keywords: visual narration, identity crisis, veil, diaspora

Article history: received – 1 September 2020; revised – 6 September 2020; accepted – 15 September 2020.

For citation: Gupta, P. (2020). Locating reality through visual narratives: Marjane Sartapi's surfacing in "Persepolis". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 714–723. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-714-723>

Обнаружение реальности в повести М. Сартапи «Персеполис»

П. Гупта

Колледж искусств, науки и торговли М.С. Рамаия
Республика Индия, 560054, Бангалор, 7th Main Rd
preetijain27@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается новаторский способ рассказывания истории жизни с помощью визуальных эффектов с целью передачи сообщения читательской аудитории. Использование визуальных нарративов оказывается продуктивной техникой

© Gupta P., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

иллюстрирования историй, имевшей место как ранее, так и в наши дни. Запечатление с помощью графики того, что, как, где и каким образом произошло, завораживает читателя. Значительный объем литературы посвящен исследованию визуальных историй. Одним из интересных примеров применения графического нарратива является роман «Персеполис» Марджаны Сартапи, где история рассказана устами молодой девушки, а уникальная перспектива графического повествования предлагает особое понимание главной идеи – той настойчивости, с какою личность стремится сохранить свою идентичность в бурные исторические времена. Нация и Родина здесь играют важную роль в формировании личности человека. Ассоциируя себя с национальными чувствами и знаками, люди ощущают себя частью нации. Поиск идентичности становится еще более проблематичным для тех, кто находится в диаспоре. В рамках исследования роман «Персеполис» Маджане Сартапи рассматривается как попытка автора решить многие из внутренних и внешних конфликтов. В статье прослеживается путь самоутверждения героини от Ирана до Вены и, наконец, до Франции. Травма и кризис идентичности, с которыми она столкнулась в детстве в Иране, а затем в Вене, – это опыт, который она решает рассказать, используя анимированные комические образы.

Ключевые слова: визуальный нарратив, кризис идентичности, платок, диаспора

История статьи: поступила в редакцию – 1 сентября 2020 г.; принята к публикации – 15 сентября 2020 г.

Для цитирования: *Gupta P. Locating reality through visual narratives: Marjane Sartapi's surfacing in "Persepolis" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 714–723. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-714-723>*

Introduction

The innovative way of telling stories by using visuals with a motive of imparting a message to an audience has influenced several writings. The use of visual narratives turns out to be a profound technique of illustrating stories that has existed and continues to exist event today. From oral narratives to visual ones the art of storytelling has always been efficacious and more absorbing [1]. Impressing upon what, how, where, and in what manner the event took place through graphics is fascinating. There is substantial writing that primarily deals with research on visual stories. One such is Marjane Sartapi's "Persepolis" told through the eyes of a young girl, and this unique perspective of graphic narration offers distinctive insight into the perseverance to retain one's identity in tumultuous times. Nations and homelands play an important part in one's identity formation. Associating oneself to national sentiments and signs, individuals feel themselves part of the nation. However, identity becomes problematic for those in the diaspora. This research paper intends to look at Majane Sartapi's "Persepolis" as an attempt of the author to surface through many of her inner-outer conflicts. The paper shall trace her journey of self-approval from Iran to Vienna and finally to France. The trauma and the identity crisis she faces during her childhood in Iran and later in Vienna is an experience which she decides to narrate using animated comic images. The use of visual narrative form has helped her convey the trauma and pain she long carried. Finding a homeland and an identity became challenging. "Persepolis", is Marjane Satrapi's enthralling yet distressed search for self and home amidst Iran's troubled political and social past. "Persepolis", the autobiographical graphic novel by Marjane Satrapi is considered a modern classic [2].

The novel details the life of Marjane Satrapi who spent her childhood in Tehran during the Iran and Iraq war, which is known as the Islamic, Shah or Iranian revolution. Marji is 10-years-old when the novel begins and describes her experiences of oppression. My paper mentions the young protagonist Marji interchangeably as Marjane to impress upon the autobiographical writing of the author Satrapi. By frequently interchanging the two identities of Marji, the girl protagonist and Marjane, the author I intend to understand her own experiences and the traumatic journey in search of identity.

“Persepolis” is the touching autobiography of a person with both an Iranian and Western identity yet still searching for an identity. The novel begins with the young Marji at ten years of age, fancying of becoming the last prophetess of the galaxy. The bright, inquisitive and bold child of two leftist politically active Tehran intellectuals, is beguiled by the astounding and electrifying atmosphere of revolutionary Iran. But as Iran becomes increasingly more oppressive, the parents send the young Marji to Vienna to study. There, Marji struggles to negotiate her Iranian identity in the Western world. After a breakdown in Vienna, the now twenty-year-old Marji returns back to Iran only to find that her home is no longer there. Entering Iran as an Iranian-European, Marjane realizes that she cannot be both traditional and modern at the same time in a country that only sees only two types of women, veiled and un-veiled. In Vienna Marjane’s identity had evolved and taken on a new form and she thought that Iran too was capable of the same modernity of late. Unable to embrace both traditionalism of Iran and the modernism of Austria, Marjane makes a third and final move to France, where she constructs a ‘third sphere’ for her identity. Probably this space would give here. Place of immense possibility wherein she could recount and narrate back the past with clarity.

In Marjane Satrapi's “Persepolis”, the protagonist, Marji, spends much of the story trying to establish her own personal identity, trying to figure out her real self. She does this by questioning various traditions of national identity (such as wearing a veil) in Iran before and after the 1980 revolution [3]. Graphic novel turned animated film, “Persepolis” reifies the alternative comic as an art form that brings in the narration of mature and, at times, disturbing subject matter. At one level the storyline of “Persepolis” seem to be rather common coming of age tale but its narration with a poignant and refreshing style makes it unique. The artistic sequences of young Marji’s perspective, mostly in black and white, are emotive and possess a poignant truth and innocence flawlessly carried in such a basic representation. We are all storytellers at one point or another in our lives. Whether we narrate for mere communicating or for achieving tonic effect, revealing past events or traumatic experiences to a friend, family member, or stranger is common practice. In a way, we revisit our past selves in order to get better understanding on our present identities.

The veil vs Marji: finding no ‘space’ for herself

In Marjane Satrapi’s graphic memoir “Persepolis: The Story of a Childhood”, Satrapi begins with the feeling she most experienced – oppression. Her childhood experiences were quite an ordeal for her. During the Iranian revolution, she underwent extreme psychological and inner struggle created through political and social disruptions in Iran. Marji’s inner struggle follows her from a very young

age through her adult life creating traumatic effects. This psychic struggle against the author's own self is a key component of this eminent memoir. We at the onset, begin to ponder as to why does she confront such an internal struggle, what are the real factors responsible for this?, and is she able to resolve her inner conflict by the end of book? Our questioning and looking for these answers, we better understand the predominant idea of Satrapi's memoir. This visual narrative also provide a profound perspective to trace the history of Iran and the impact of the revolution on the Iranian people, especially on Iranian women. Marji's yearning for freedom and her audacity in not complying with the authorities are ideals that are cultivated under the Westernized education that she receives from her parents. This makes her incompatible with the society constrained by Islamic traditions and thus lead to her dilemma and inner conflict. By introducing the idea of the 'veil' [4. P. 3] and how it physically covers her body and symbolically veils her identity, she tries conveying that after she was veiled and separated from her friends as a child, she could not understand the necessity of the veil as she is seen pondering: "We didn't really like to wear the veil, especially since we didn't understand why we have to. It's too hot out" [4. P. 3].

She could rather only know how hot it feels wearing it! The veil divided her traditional sense of national-self from her modernist viewpoint that was instilled in her by her intellectual parents. At this juncture she finds herself torn between the personal and the national. Her devotion to her French education was defeated when the Islamic regime announces that it will close all bilingual schools because they are symbols of Westernization and capitalism. Now, Marji's construction of her personal identity becomes problematic in Iran. For Satrapi, the symbol of the veil was tied to notions of traditionalism; she is forced to veil in order to signify her ties to her national and cultural identity and her role as an Islamic woman [5; 6]. Wearing a veil for the first time in the new founded Iran of religious fanatics baffled her. Before the Iranian revolution, Marji's family lived a modernist lifestyle. While Marji studied in coeducation, she also fascinated Western style clothing. After the revolution, things changed unexpectedly. The images give a potent impression of the little girls' reaction to the veil imposed on them. They all looked unhappy. This piece of clothing, representative of national identity already clashes with Marji's sense of personal identity. Her crisis begins. The split self or this inner conflict is manifested in the beginning graphics itself. The author using the background rather than the caption to visualize Marji's ambivalence and confusion reflects the inner dilemma clearly. This is a valuable tool for indicating invisible idea and emotion, conveying the character's inner feelings, building a connection between the invisible and the visible world in comics. The opposition between the left side of the image representing the modern world, and the right side of her representing the religious world speaks of the split of Marji's real/ideal self. The nationalist accepting the veil opposed by the personal Marji rejecting the same veil [5; 6].

Unable to conform with the conservative dress code, Marji wear denim jacket and sneakers. She's into 'Punk' and this expression of her growing identity causes problems for Marji when she runs into one of the Guardians of the Revolution, questioning her, "Why are you wearing these punk shoes?" [4. P. 133]. Regretfully, Marji then has to lie, replying, "I wear these because I play basketball" [4. P. 133].

Here, concealing her personal identity in order to fit in with the larger national identity of Iran makes her feel low. Almost immediately, the visual narration raises questions that are constantly embedded in “Persepolis”: what has veil to do with religious values? Why should every female in Iran wear one? Is it a symbol of male dominated culture or oppression? The graphics illustrates the little girls' innovative reaction this new piece of clothing, finding creative, alternate uses for their veils, including jumping rope and playing cowboy. They may be required to have veils, but they show considerable imagination in their individual uses.

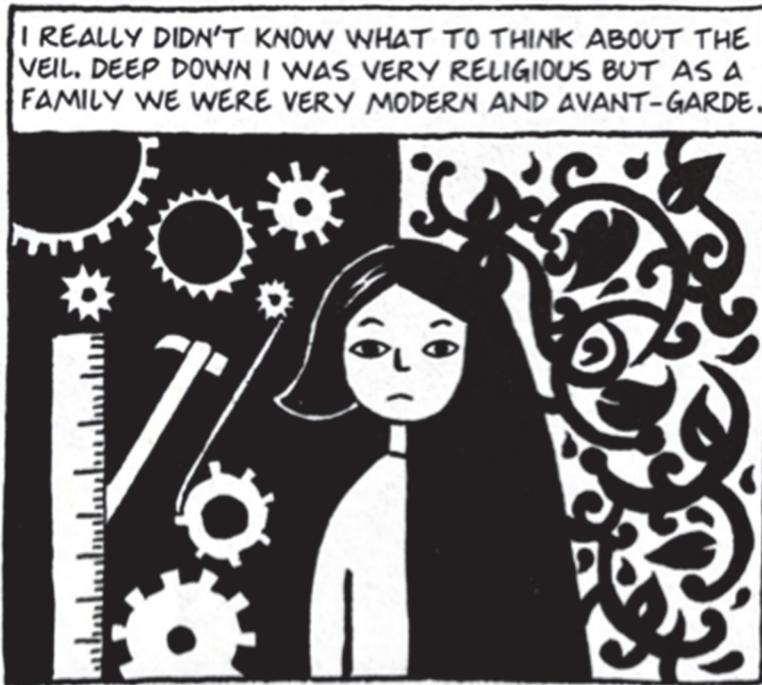

Figure 1. A girl with a veil [4. P. 6]

Figure 2. Children playing [4. P. 3]

With this, the novel gives opportunity to the feminist theorists here analysing, critiquing and questioning the very need of such impositions and whether this is a potent way of marginalisation by the patriarchal world. Though the end of Iranian

revolution was meant to bring positive changes by ending colonial rule; however, the young Marji and several other natives often felt that they were not connected to the world of change and revolution happening in the country. This new national identity was imposed on her body rupturing her personal identity completely. “Persepolis” examines how women become the bearers of culture and demonstrates how their bodies become tied to their femininity and national identity. With the symbol of veil, Marji’s (who is Marjane Satrapi’s herself) national identity and femininity are homogenized rather than individualized and are socially constructed for her through her existing environment(s). So to say, the nation-state and the identities of its respective individuals conditioned and constructed by moderating a person’s individuality. Homi Bhabha asserts in his essay “DessemiNation: Time, Narrative and the Margins of the Modern Nation” that national symbols are unstable constructions that can never produce the unity they promise. Bhabha’s essay shows that there is not one essential identity that can adequately represent all the people of a nation [7. Pp. 117–120]. For Marji, it is impossible to assume the role of an Islamic woman representing her nation state through veiling because her identity is constituted of multiple selves rather than a single, authentic self.

Trying to settle this dialectic between the personal and the national, Marjane at the age of 14, chooses a more eclectic formation for herself. Carving a space for herself she puts up a denim jacket and a headscarf.

Figure 3. In a denim jacket and a headscarf [4. P. 131]

This reaching put for self-approval was short-lived as her exposure and obsession with western culture and freedom was again a pricking and pestering her. When compelled to leave the war-torn Iran by her tensed family, Marji though

finding it difficult to leave her homeland and be in diaspora yet looks at the opportunity to unify and construct her identity in Austria which she desperately needed.

Escape towards a search for ‘space’ in Vienna

The trauma of the revolution, the imposition of the veil, the war situation bombarding her neighbour’s house killing her friend Neda, all force Marji to leave her homeland and abandon her friends, family, country, and childhood. By leaving her nation and crossing borders, Satrapi’s identity then becomes ‘diasporic’ [8; 9]. Relating this condition to postcolonial theory, we now understand that home is concept that shall become a difficult attainment. Unable to unveil the emotional trauma she experienced during the Iranian revolution, the tension she always underwent alongside the reduced status she experienced as a female in Iran, Marji, as a young adult attempts to search for her own ‘space’. However, the struggle with this search for identity again brought pain and trauma and was a failure in Vienna too. However, suppressing the past begins to pull her apart her. Being in diaspora she is still not ‘home’ and Marji feels isolated from those around her in Austria and Iran. Her guilt for lying to her parents about her drug use and being rejected by her friends in Austria, the protagonist uses her body to inflict self-punishment for the overpowering shame.

Unable to disconnect herself from the veil, Marji tries to make up for the loss of the veil by using make up and punk attire. She attempts to restore her body to wholeness by adapting to standards of femininity under Western ideals and ‘normalize’ her body. The complexities and ordeal of an Iranian identity manifest themselves in several ways for Satrapi. Rocking Nikes and a jean jacket, the Kim Wilde-obsessed Marji turns to Iran’s dangerous black market to purchase illegal Iron Maiden tapes. In Vienna, Marji struggles in different ways to assert an Iranian identity of which is both proud and yet free of. Complexities and confusions kept growing for her when she lied of being a French while drinking and dancing at a bar. Marji submerges into something unanticipated and gradually loses herself. Her Iranian identity is looked at as a heavy burden to bear and even tries to disguise it by pretending to be French in front of her peers. Sometimes she feels guilty about intentionally alienating herself from Iranian culture and her family, but she is constantly haunted by her inner enemy – the conflict. She is physically free in Austria but not spiritually free. Her inability to unburden trauma, the shame and guilt of the lies and suffering she had undergone in Austria, Marjane begins to self-destruct, both emotionally and physically. At this point, Satrapi is visited by a memory of her grandmother reminding her to never forget who she is and where she came from. Indeed, the tension of an Iranian and Western identity is Satrapi’s chief conflict. Throughout her experience in Vienna, Marji combatted much racism and prejudice.

Moving to a ‘third space’ in France

Marji’s evolving experiences narrates her effort to reconstruct her lost Iranian memories and identity. It is the first but significant step in her process of achieving self-approval and resolving the crisis. Returning to Iran, she initially suffers from severe depression due to sudden cultural changes. She feels unconnected with Iranian culture and the people around her both emotionally and culturally. Her unfor-

tunate experiences in Austria and desire for a place called homeland made her feel restless. Upon returning to Iran, Satrapi laments that she was a stranger in Austria and now a stranger at home. The realisation dawning on her that her home is neither in Austria nor in Iran makes her feel worse. Satrapi asks herself if Iran will ever be home once again. Her contemplation for freedom from oppressive circumstances probably led her to a serious identity crisis. The price of freedom, Marji recognizes is her national identity. At twenty years, the Iran she stands in, is fundamentally at odds with the person she wants to be.

Fortunately, Marji is enlightened and encouraged by her father and escapes from this dialectic by gradually overcoming her inner struggle and understanding what she wants to pursue. Marji's journey eventually develops towards self's overhaul. And thus, interestingly, Satrapi moves to her 'third space' – France [10]. Upon settling in France, Satrapi decides to re-visit her past in the form of a written narrative. Writing can be therapeutic because it helps us to understand the past and the traumas that have affected our identity formation. Through "Persepolis", Sartapi could reach a deeper understanding of the trauma of her life, the conflict she underwent and by unveiling her private narrative into a public one she seems to achieve cathartic effect purging out the pain she was shouldering from long. Her inner struggle starts fading away creating space for her real self now. She gains spiritual freedom and achieves a sense of wholeness at the very end.

This 'third space' that she attains perhaps, as Homi Bhabha too points out – provides multiple positions to be constructed. Evading and crossing borders initially created damaging conflict between Marjane's modernism and traditionalism; however, later the author discovers, that "the border is the place where conventional patterns of thought are disturbed and can be disrupted by the possibility of crossing. At the border, past and present, inside and outside no longer remain separated as binary oppositions but instead commingle and conflict" [9. P. 217].

When she leaves for France, she does not see any conflicts and dialectic in her identity but rather sees the new 'space' providing her immense possibility. The 'third sphere' also allows for Satrapi her own private and public spaces in which she can remove the veil and begin to reconstruct her identity. Marjane's hybridity allows her to recreate a space in France where she can embrace her Iranian-European identity [11]. Excluded in Austria because she was not modern enough and marginalized in Iran because she was too modern, Marjane leaves for France in order to reconstruct her identity.

Conclusion

Marjane Sartapi's autobiography focuses on the reconstruction of the self through the interplay between cultural environment and individual agency, an interplay that is often complex and poorly understood. Enacting autobiographical writing requires and elicits a sense of understanding and coherence about how past events shape our present selves. For example, after a certain trauma, we repeat and rehearse the event in our minds in order to understand how this event has affected us and altered our identity. We ask question our identities after a trauma, in an effort to discover how events can revisit and change the self. The inner conflict that grows from a child's confusion to a woman's integrated sense of self

makes the story moving. It plays a pivotal role in showing the author's indescribable pain of her childhood keeping the audience engaged and anxious to see how he protagonist finds herself. The autobiographical writing of "Persepolis" makes it more than a memoir that describes the author's private experiences and her own sentiment. Here it exemplifies itself as an epitome of Iranian society as well encompassing several social aspects including gender, social class, education, religion, and political issues. Marji's diaspora and her hybrid assimilation of Iranian – Western culture is a small replication of the country's assimilation with its past civilization and the ongoing revolution. Marji's experience becomes illustrative and synonymous with the lives of many Islamic women who are deeply affected by the Islamic revolution. The changes in their lives exhibits the external social phenomenon, while their psychological reactions of nervousness, turmoil, and anxiety triggered by the social disruptions reflect the influence of the revolution on people's integrity and interiority, their inner lives and identities. Individuals however change, grow and evolve with the progression of the social environment. The novel "Persepolis" highlights one such kind where the protagonist tries assimilating her public – private sense. Our reading of "Persepolis" is not restricted to author's journey alone rather can be related well in larger contexts of trauma and the binaries that split individuals. It is composed of various selves, narrators, and voices. Her writing of her journey of self-location and enlightenment from her 'third space' renders a healing effect to herself and the ones unable to unveil their sufferings. Her writing remove the layers of false identity and reconstruct it through a graphic narration. The images and pictures drawn convey her world. Satrapi uses simple, basic drawn out characters in her memoir and adds minimal text to describe each scene. Satrapi has a clever way of drawing facial expressions and body language for her characters. For instance, when she was upset over her uncle Anoosh's death, the picture of Marjane floating in space with a look of desperation and hopelessness on her face allows the readers to have a better understanding of her pain. Even though Satrapi uses flatly drawn characters and unadorned language, her message is gripping and compelling, and the graphic form allows for more understanding and intimacy between Satrapi and her audience. Although the memoir would have been just as convincing if she had simply used words, the use of both language and pictures adds a touch of both humour and realism to her story. In a world dominated by the prose novel and memoir, graphic texts are not typical reading material. However, Satrapi creates a portrait of daily life in Iran that reveals more about her country and society than perhaps any history book shows. It is through these child-like illustrations that Satrapi gives a human voice to a dark point in Iranian history. Even though readers are accustomed to written memoirs, Satrapi proves that images can represent life just as well or even better than prose alone does.

References

- [1] McCloud, S. (1994). *Understanding Comics: The Invisible Art*. New York, Harper Perennial.
- [2] Davis, R.G. (2005, December). A Graphic Self: Comics as Autobiography in Marjane Satrapi's *Persepolis*. *Prose Studies*, 27(3), 264–279.

- [3] Iran Chamber Society. (n.d.). History of Iran: Islamic Revolution of 1979. Retrieved October 29, 2020, from http://www.iranchamber.com/history/islamic_revolution/islamic_revolution.php
- [4] Satrapi, M. (2007). *The Complete Persepolis*. New York, Pantheon.
- [5] Mahtab, N. (2016). *Revealing Gender Inequalities and Perceptions in South Asian Countries*. IGI Global. Retrieved October 29, 2020, from <http://books.ggoogle.co.in/books>
- [6] Esfandiari, H. (2001). The Politics of the ‘Women’s Question’ in the Islamic Republic, 1979– 1999. In J.L. Esposito & R.K. Ramazani (Eds.), *Iran at the Crossroad* (pp. 75–92). New York, Palgrave.
- [7] McLeod, J. (2000). *Beginning Postcolonialism*. Manchester, Manchester UP.
- [8] Fludernik, M. (2003). Introduction. “The Diasporic Imaginary: Postcolonial Reconfigurations in the Context of Multiculturalism”. *Diaspora and Multiculturalism: Common Traditions and New Developments* (pp. xi–xxxix). Amsterdam, Rodopi.
- [9] Paranjape, M. (2000). “What About Those Who Stayed Back Home?” In R.J. Crane & R. Mohanram (Eds.), *Shifting Continents and Colliding Cultures: Diaspora Writing of the Indian Subcontinent* (pp. 225–245). Amsterdam, Rodopi.
- [10] Rutherford, J. (1990). The Third Space Interview with Homi Bhabha. *Identity: Community, Culture, Difference* (pp. 207–221). London, Lawrence and Wishart.
- [11] Sichani, A.M. (2007). *Un-veiling and revealing: Un-layering constructions of the self in Marjane Satrapi’s Persepolis 1 and Persepolis 2*. Department of English University of North Carolina Wilmington.

Bio note:

Preeti Gupta, Assistant Professor of the Ramaiah College of Arts, Science and Commerce.

Сведения об авторе:

Гупта Прити, доцент Колледжа искусств, науки и торговли М.С. Рамая.

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-724-733

УДК 821.222.1

Научная статья / Research article

Источники поэмы Фирдоуси «Шах-наме»

М.Н. Бондарь

Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
mar2102@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматривается одна из центральных проблем исследования поэмы Фирдоуси «Шах-наме» (X в.) – источники, на которые опирался поэт при создании своего авторского эпоса. В современной иранистике сосуществуют разные точки зрения и продолжается дискуссия между сторонниками гипотезы о переработке Фирдоуси прозаических источников в стихи и теми, кто видит в поэте скорее гениального компилятора и новатора, переложившего в стихах на новоперсидском языке (дари) эпические сказания о царях и героях, то есть фольклорную поэзию, созданную на среднеперсидском языке. Обнаружение и накопление филологических аргументов, указывающих на то, что в поэме под оболочкой новоперсидского стиха «скрыта» среднеперсидская эпическая поэзия, принадлежит к актуальным проблемам иранистического литературоведения, поскольку сама эта поэзия не была записана и ее подлинные тексты до нас не дошли. Для проверки гипотезы о возможной опоре эпоса Фирдоуси на устную поэтическую традицию было выбрано и проанализировано некоторое количество строк поэмы (бейтов), содержащих имя главного отрицательного персонажа «Шах-наме» Ахримана, с применением устной теории Пэрри – Лорда, в результате которого была выявлена формульная рифма. Стабильность рифмы и формульных выражений, в которых встречается слово «Ахриман» позволяет сделать выводы, что, по всей видимости, существовала устная традиция описания Злого Духа, ведущая свое начало со времен Древнего Ирана и создания Авесты, сохранившаяся до времен Фирдоуси. Данные такого анализа подкрепляют гипотезу об опоре эпоса Фирдоуси на устную поэтическую традицию.

Ключевые слова: Фирдоуси, Шах-наме, источники, устная поэтическая традиция, эпос, формульная рифма

История статьи: поступила в редакцию – 1 сентября 2020 г.; принята к публикации – 12 сентября 2020 г.

Для цитирования: Бондарь М.Н. Источники поэмы Фирдоуси «Шах-наме» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 724–733. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-724-733>

Sources of Ferdowsi's poem "Shahnāma"

Maria N. Bondar

Russian State University for Humanities
Russian Federation, 125993, Moscow, Miusskaya square, h. 6
(e-mail: mar2102@yahoo.com)

Abstract. The article explores one of the central problems of Ferdowsi "Shahnāma" (10th century) studies, e.g. its' sources. In modern Iranian studies coexist different points of view and continues a discussion between the disciples of the theory of Ferdowsi's use of prose sources and those who consider the poet rather a brilliant compiler and innovator, who transformed epic tales about kings and heroes (folklore oral poetry in the middle Persian language) into the new Persian language (dari). The discovery and accumulation of philological arguments indicating that the middle Persian epic poetry is "hidden" in the poem under the cover of the new Persian verse belongs to the current problems of "Shahnāma studies", since this poetry was not recorded and original texts have not survived till nowadays. The arguments of supporters of both points of are briefly presented. To test the theory about the possible reliance of the Ferdowsi epic on the oral poetic tradition, a certain number of lines of the poem containing the name "Ahriman" were selected and analyzed using the Parry – Lord oral theory, and as a result the formulaic rhyme was discovered. The stability of rhymes and formulaic expressions in which the word "Ahriman" occurs in the poem allows to conclude that, apparently, there was an oral tradition of describing the Evil Spirit, dating back to the times of Ancient Iran and the creation of the Avesta, which survived until the time of Ferdowsi. This analysis supports the idea that Ferdowsi's epic is based on the oral poetic tradition.

Keywords: Ferdowsi, Shahnāma, sources, oral poetic tradition, epic, formulaic rhyme

Article history: received – 1 September 2020; revised – 6 September 2020; accepted – 12 September 2020.

For citation: Bondar, M.N. (2020). Sources of Ferdowsi's poem "Shahnāma". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 724–733. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-724-733>

Введение

Монументальная поэма «Шах-наме» («Книга царей») Фирдоуси, созданная в Иране на рубеже X–XI веков, принадлежит к памятникам мировой литературы, сопоставимым с эпосом Гомера или «Махабхаратой», поэтому ее академическое изучение, ведущееся уже на протяжении трех столетий, составляет особую область иранистических исследований.

Несмотря на изученность поэмы и ее содержания, она все еще представляет собой обширное поле для научных исследований, в том числе в области, которая касается выявления возможных устных источников поэмы и ее связи с иранской сказительской традицией доисламского времени.

В современной иранистике сосуществуют разные точки зрения и продолжается дискуссия между сторонниками гипотезы о переработке Фирдоуси прозаических источников в стихи и теми, кто видит в поэте скорее гениального компилятора и новатора, переложившего в стихах на новоперсидском языке (*дари*) эпические сказания о царях и героях, то есть фольклорную поэ-

зию, созданную на среднеперсидском языке и получившую распространение в Иране по крайней мере в VI в., в позднесасанидский период.

В течение длительного времени в иранистике преобладала точка зрения, что поэма «Шах-наме» основывается на письменных источниках, в частности – на прозаическом «большом Шах-наме» (*Shahnāma-i buzurg*), составленном по приказу Абу Мансура ибн ‘Абд ар-Раззака на новоперсидском языке на основе сказаний и хроник, сведенных при Сасанидах в одну книгу «Хвадай-намак». Сам свод, равно как и прозаическое «Шах-наме», до нас не дошел и считается утерянным.

Обсуждение

Одним из главных аргументов того, что в основе поэмы лежат письменные прозаические источники, является текст так называемого старого предисловия, изданный и исследованный В.Ф. Минорским в знаменитой статье *The Older Preface to the “Shāh-nāma” [of Firdausī] [1. С. 159–179]*. В нем говорится, что в основу поэмы легло соответствующее прозаическое сочинение, а также излагается его краткое содержание, в основе своей совпадающее с содержанием «Шах-наме». Доводом о существовании прозаического «Шах-наме» помимо данного предисловия является упоминание о нем в «Памятниках минувших поколений» (*al-Āthār al-bāqīya*) – сочинении ал-Бируни, написанном в 1000 г., а также в произведениях еще нескольких арабских авторов [2. С. 141–147].

Однако, если изучить текст «старого предисловия» тщательнее, становится очевидным, что между его содержанием и текстом поэмы имеются серьезные расхождения. В предисловии упоминаются династии Кейанидов, Аршакидов и Сасанидов, но нет ни слова об Ахеменидах, о которых у Фирдоуси также очень мало информации. Также автор предисловия попытался совместить кораническую и легендарную иранскую хронологию, в «старом предисловии» есть отсылки к Торе, Библии и Корану, которые полностью отсутствуют у Фирдоуси, который опирается только на персидские мифы и персидское летоисчисление. Далее, в предисловии упоминается, что царская власть четырежды исчезала из Ирана, о чем в поэме нет ни слова, а упоминание об отсутствии царской власти в Иране после завоевания его Александром в «Шах-наме» связывается с периодом мира и процветания в отличие от предисловия. Также в предисловии есть географическое описание мира, которое в «Шах-наме» заменено на легендарное представление Ирана в центре мира и раздел мира между тремя сыновьями Фаридуна.

Необходимо упомянуть, что поэма не была единственным сочинением на эту тему. В.Ф. Минорский в упомянутой статье перечисляет, помимо «Шах-наме», пять сочинений на арабском и четыре сочинения в стихах на персидском с аналогичным названием – «Шах-наме» таких авторов, как Мас‘уди Марвази, Абу ‘Али Мухаммада ал-Балхи, Абу ал-Му’аййада ал-Балхи, Дакики [2. С. 132–141], что позволяет достаточно обоснованно предположить, что это «старое предисловие» может и не относиться именно к поэме Фирдоуси.

Проблеме источников поэмы посвящены многочисленные работы, среди которых краеугольной по сей день считается «Иранский национальный эпос» Теодора Нёльдеке [3]. По мнению исследователя, Фирдоуси при написании своего произведения опирался на письменные источники. Эта точка зрения доминирует в иранистике по сей день, ее придерживаются Махмуд Омидсалар [4; 5], Джулия Рубанович [6. С. 217–226], Шапур Шахбази [7].

Это мнение изначально основывалось на рассказе Фирдоуси в главе «О происхождении “Шах-наме”» и на прозаическом предисловии к поэме, упомянутом выше. Во вступлении к поэме поэт пишет, что существовала некая старинная книга, свод преданий об истории Ирана с древних времен, хранителями частей которой были жрецы-мобады.

یکی نامه بود از گه باستان فراوان بدو اندرون داستان (1)
پراگنده در دست هر موبدی ازو بهرهای نزد هر بخردی
Существовала книга с древней поры,
В которой было множество преданий.
Она была распределена/рассредоточена среди жрецов (мобадов),
И каждый мудрец обладал лишь ее частью [8] (1).

Некий правитель благородного происхождения решил составить свод преданий, для чего созвал к своему двору мобадов и записал все с их слов.

ز هر کشوری موبدی سالخورد بیاورد کاین نامه را یاد کرد (2)
Из каждой части страны престарелого мобада
Он призвал, такого, который помнил эту книгу.

چو بشنید ازیشان سپید سخن یکی نامور نامه افکند بن (3)
Когда правитель выслушал их речи,
Он начал писать славную книгу [8].

Известный молодой поэт Дакики, узнав о создании этой книги, загорелся идеей переложить сказания в стихи, но погиб, не успев осуществить свой замысел. После чего Фирдоуси тоже захотел осуществить подобное, долго сомневался в своей способности это сделать, но благодаря помощи и поддержке своего близкого, но не названного по имени друга, который принес ему эту книгу, решился взяться за написание поэмы. Также поэт подчеркивает, что книга была на пехлеви, то есть на среднеперсидском языке, друг говорит ему:

نیشته من این نامه پهلوی به پیش تو آرم مگر نغنی (4)
Я эту написанную пехлевийскую книгу
Вручаю тебе, принимайся за дело! [9]

На протяжении всего повествования в поэме Фирдоуси неоднократно ссылается на устные рассказы хранителей старинных преданий. С зачина, где поэт указывает на некоего сказителя, начинаются многие сказы (дастаны) «Шах-наме». Вот, к примеру, начало дастана о первом иранском царе Кайюмарсе:

سخن گوی دهقان چه گوید نخست (5)
О чем сначала говорит сказитель-дехкан?

مگر کز پدر یاد دارد پسر بگوید ترا یک به یک در به در (6)
Разве что сын помнит [услышанное] от отца,
Расскажет тебе одно за другим, часть за частью [10].

Данный рассказ о происхождении поэмы можно трактовать неоднозначно. Во-первых, сначала Фирдоуси говорит о книге на языке пехлеви, которую принес ему друг, но при этом нет никаких сведений, что поэт владел пехлевийским языком, и в целом это представляется маловероятным, так как к концу X и началу XI вв., когда жил и писал свое выдающееся произведение Фирдоуси, основным языком общения в халифате был арабский, а на территории Ирана начала появляться литература на классическом персидском языке. Образованных людей, умевших читать пехлевийское и авестийское письмо, оставалось уже немного. Во-вторых, рассказ поэта о происхождении и составлении этой книги тоже говорит о ее изначальных устных источниках и напоминает рассказ о сведении и записи Авесты, священной книги зороастрийцев. В-третьих, первый же сказ начинается с отсылки к рассказу сказителя-дехкана, а не к книге, что, если понимать это буквально, свидетельствует в пользу устных, а не письменных источников. В-четвертых, отсылка к авторитетным источникам была распространенным приемом средневековой поэзии, о чем пишут в своих работах исследователи Ольга Давидсон [11. С. 45–5] и Дик Дэвис [12. С. 48–57].

Дик Дэвис высказывает мнение, что источниками Фирдоуси, вероятно, служили устные материалы в поэтической форме, в основном народные сказания востока Ирана. Во-первых, это подтверждается тем, что в поэме используется ограниченный и консервативный тезаурус (одинаковые глаголы, эпитеты и рифмы, относительно немного арабизмов). Во-вторых, в пользу этого говорит композиционный строй поэмы: устройство поэмы в целом простое и запоминающееся, характерны отступления от темы, предсказания, повторяемость ситуаций и типов персонажей. В-третьих, в «Шах-наме» отсутствуют упоминания об Ахеменидах, что присуще устной традиции восточных территорий, где бытовали легенды о героях Систана, составившие основу героической части «Шах-наме». В-четвертых, Фирдоуси описывает своих персонажей и их поведение с помощью постоянных эпитетов и групп эпитетов, формул, устойчивых выражений, при этом целые строчки (бейты) или их части (полубейты) встречаются в разных частях поэмы, а описания паратактически структурированы, построены с помощью комбинаций этих выражений [12. С. 48–57].

Как считает Дэвис, поэма Фирдоуси демонстрирует черты перехода от устного эпоса к письменному и сохраняет черты устного творчества. Сходное мнение высказывают в своей «Истории таджикско-персидской литературы» Е.Э. Бертельс [13. С. 169–239] и Ольга Давидсон в своих многочисленных работах [11; 14–17]. Исследовательница применила для анализа поэмы «Шах-наме» «устную теорию» Мильмена Пэрри и Альберта Лорда [18].

Обращаясь к источникам поэмы «Шах-наме», Давидсон утверждает, что приведенный выше рассказ Фирдоуси о создании поэмы указывает скорее на устные, чем на письменные источники. Как уже отмечалось, поэт говорит о «таинственном даре», Книге Царей на пехлеви, полученной в подарок от «таинственного» (неизвестного) друга, что характерно для устной поэзии. А то, как поэт описывает процесс создания Книги Царей, традиционно используется для объяснения генезиса национальной эпической традиции в

культурах, где одновременно существуют устная и письменная традиции [11. С. 59–69].

Вторым аргументом сторонников существования письменных источников поэмы является сочинение ас-Са‘алиби (al-Tha‘ālibī) «Отборные известия о персидских царях» (*Ghurar akhbār mulūk al-Furs*), по некоторым сюжетам близкое к «Шах-наме», что, по мнению исследователей, означает наличие у обеих поэм общего прозаического источника. Но в сочинении Са‘алиби отсутствуют многие сюжетные линии, которые есть в «Шах-наме», что тоже может свидетельствовать об общем источнике, в сюжетную канву которого Фирдоуси вставлял свои истории. Хотя поэма Фирдоуси была завершена на 30–40 лет раньше создания «Отборных известий», вероятность знакомства с ней Са‘алиби невысока, так как вряд ли поэма «Шах-наме» могла так быстро стать известной повсеместно, а столь объемный и дорогой труд было нелегко приобрести [2. С. 148–167].

Другим аргументом сторонников теории использования поэтом письменных, а не устных источников является отсутствие прямых свидетельств о существовании на территории Ирана устной эпической стихотворной традиции. Несколько сохранившихся среднеперсидских сочинений, таких как «Книга деяний Ардашира» (*Kārnāmag ī Ardashīr*) и согдийское предание о Рустаме, записаны прозой, а «Предание о Зарепе» (*Ayādgār ī Zarērān*) – ритмизированной прозой. Также нет свидетельств, что во времена Фирдоуси существовал институт сказителей, так как в персидском языке того периода не засвидетельствовано никаких специальных терминов, обозначающих сказителя устных преданий [2. С. 9–13, 174–199].

Но Ольга Давидсон анализирует употребление слова *saṛāyanda* (певец, исполнитель, сказитель) в поэме «Шах-наме» [11. С. 29–58]. Давидсон перевела это слово как «певец» (*singer*), употребляя его в значении «исполнитель», как это слово употребил Лорд в названии своей книги “The Singer of Tales” (1960). Исследовательница разбирает употребление слова *saṛāyanda* в поэме и делает вывод, что различные контексты, в которых употребляется этот термин, соответствуют обозначению исполнителя устной поэзии. Все разобранные исследовательницей примеры показывают, что термин *saṛāyanda* обозначает широкое понятие, включающее в себя как придворного поэта и певца, так и того, кто исполняет роль рассказчика: дехкана, мобада, посла, врача, который исцеляет словом. Таким образом, поэзия Фирдоуси сравнивается с выступлением *saṛāyanda*, и конвергенция у Фирдоуси этих понятий сопоставима с устной поэзией, а не с письменной.

Исследование «Поэт и герой в персидской Книге Царей», проведенное Давидсон, также показало, что поэтический нарратив «Шах-наме» характеризуют регулярное использование формул и экономия в организации фразеологии, которые типичны для устной поэзии [14]. Вариативность строчек в разных рукописях соответствует вариативности строчек в разных частях одного и того же варианта текста. По мнению исследовательницы, это доказывает, что разночтения в рукописях поэмы – результат системы формульных вариаций, типичных для устной поэзии [11. С. 12–14].

Исходя из гипотезы, что Фирдоуси при создании мифологической части поэмы опирался на устные источники, и применяя устную теорию Пэрри –

Лорда, мы рассмотрели упоминания в поэме Ахримана (2), воплощения зла и главного врага всех иранцев, и рифмы с его именем, чтобы найти возможную связь с устной поэтической традицией.

Уже на первых страницах поэмы появляются описания Ахримана и рифмы с его именем. Некоторые эпитеты и словосочетания, описывающие Ахримана, становятся в дальнейшем на протяжении поэмы маркерами «носителей зла», врагов, мысли, слова и дела которых – во власти Злого духа. Такие повторяющиеся или частично повторяющиеся единицы поэтического нарратива можно рассматривать как «эпические формулы» или «формульные выражения» [19. С. 156–181], которые Фирдоуси использует, либо непосредственно опираясь на фольклорные героические сказания, либо имитируя авторскими средствами их поэтику.

Наряду с именем собственным *آهرمن āharman (āhirman)*, он упоминается и под мусульманским именем *ابليس iblīs* (в исламе – имя ангела, приближенного к Богу, но из-за своей гордыни низвергнутого с небес и ставшего врагом людей), а также в ряде контекстов – под именами *dīv* «див» и *dušman* «враг».

В «Шах-наме» преобладает графическая форма *آهرمن* с произношением *āharman (āhirman)*, а не *āhriman*, это следует из скандирования бейтов по метру *мутакариб*, которым написана поэма (3).

Приведем три примера из разных частей поэмы в разных контекстах, где фигурирует формульное сопоставление *враг (dušman-ā) – Ахриман (āhirman-ā)*, несущее рифму стиха.

Ахриман вводится как персонаж в «Дастане о Кайумарсе». У первого царя человечества Кайумарса, при котором страна процветала и не знала бед, был любимый сын и наследник Сийамак, которого замыслил извести Ахриман, чтобы затем усадить на трон своего сына-дэва. Когда об этом стало известно Сийамаку от посланца Ахура Мазды Соруша, он в гневе ринулся в бой с нечистым, в котором тот его жестоко убил.

برآمد برین کار یک روزگار فروزنده شد دولت شهریار (7)

به گیتی نبودش کسی دشمننا مگر بدکنش ریمن آهرمن

За этими делами прошли года,

Процветающей стала держава владыки.

В мире не было у него иного врага (*dušman-ā*),

Кроме злокозненного поганого Ахримана (*bad-kuniš rīman āhirman-ā*) [20].

Рассмотрим другой пример из дастана «Мечь за Сиявуша». Сиявуш, сын иранского царя Кай-Кавуса, будучи оклеветан, вынужден был бежать из Ирана и нашел приют в Туране, где царь Афрасйаб выделил ему земли и дал в жены свою дочь Фарангис. Спустя некоторое время неумолимый рок настиг Сиявуша, он вновь был оклеветан завистниками и казнен по приказу Афрасйаба. Царь также хотел расправиться со своей беременной от иранского царевича дочерью, но ей удалось избежать гибели. Спустя некоторое время она родила сына, которого назвали Кай-Хусрав. Прошли годы, раскаявшийся в своем поступке Кай-Кавус отправил богатыря Гива в Туран найти внука и привезти в Иран. Посоветовавшись с Фарангис, все трое решают тайно покинуть Туран, чтобы об этом не успел прознать Афрасйаб, говоря о Туране так:

جهان پر ز بدخواه و پر دشمنست همه مرز ما جای آهرمنست (8)
Мир полон недругов и врагов,
Вся наша страна – это владение Ахримана [21].

В приведенном примере вновь фигурирует та же формульная пара *враг* (*dušman-ast*) – *Ахриман* (*āhirman-ast*).

Следующий пример относится уже к исторической части поэмы, посвященной эпохе Сасанидов. Царь Хусрав Ануширван (Кесра Нуширван в поэме) узнает о поражении хайталов (4) в битве с войсками хакана Чина (5), после которого хайталы, ранее враждебные Ирану, просят его покровительства. Он собирает совет из своих везиров и витязей. На совете обсуждаются дальнейшие действия и искренность намерений хайталов, которым, как говорят царю советники, доверять не следует.

همه مرز هیتال آهرمنند دورویند واین مرز را دشمنند (9)
Вся страна (жители страны) хайталов – это ахриманы,
Они двуличны, и они нам враги [22].

В приведенном примере вновь фигурирует та же формула: *Ахриман* (*āhirman*) – *враг* (*dušman*), здесь – в сочетании со связкой множественного числа *-and*.

Заключение

Примеров употребления повторяющихся рифм, а также иных типов формульных выражений, можно привести множество. Рассмотренные примеры демонстрируют технику использования «формульной рифмы» в поэме:

– в начале поэмы, где Ахриман предстает как действующий персонаж, его имя функционально и необходимо для повествования, оно рифмуется со словом *dušman* (*враг*);

– в дальнейшем *āhirman* употребляется с той же рифмой *dušman*, но это слово используется уже как устойчивый образ сравнения или устойчивый эпитет, не связанный непосредственно с нарративным контекстом.

Регулярное соотнесение этих слов в рифмах поэмы можно сопоставить с тем фактом, что слово *dušman* «враг» служило эвфемистическим обозначением Ахримана в среднеперсидских текстах (*duš* – «зло», входит в триаду, определяющую Ахримана и грешника, находящегося в его власти, – *duš-tenišn* «зломыслящий», *duš-guwišn* «злословящий», *duš-kunišn* «злоделающий»), причем слово *dušman* имело, по крайней мере в позднем среднеперсидском (VI в.) ту же фонетическую форму, что и в «Шах-наме», а слово *āhirman* – близкую по звучанию и дающую ту же рифму форму *Ahriman*.

Стабильность рифмы и формульных выражений, в которых встречается слово «Ахриман», позволяет предположить, что, по всей видимости, существовала устная традиция описания Злого Духа, ведущая свое начало со времен Древнего Ирана и создания Авесты, сохранившаяся до времен Фирдоуси. Представляется маловероятным, что поэт владел авестийским языком, скорее до него могли дойти мифы и предания, изложенные в устной форме в среднеперсидских сказаниях, в которых содержались формулы и формульные выражения. Как уже отмечалось, легендарная часть «Шах-наме» базируется на преданиях о героях и богатырях Систана, восточной части Ирана,

которые не могли попасть в письменные царские хроники, основным содержанием которых, видимо, было перечисление царей, принадлежавших к династии Сасанидов, с годами их правления, датой восхождения на престол и датой смерти, а также важными для государства деяниями. Кроме того, династия Сасанидов происходила из юго-западной части Ирана, где не засвидетельствованы предания, подобные систанским. Язык Авесты, согласно исследованиям лингвистов, относится к восточноиранским, а часть ее мифов и героев восходит к праиндоевропейской общности. Вышеизложенное дает дополнительные основания полагать, что Фирдоуси при создании мифологической и легендарной частей «Шах-наме» с высокой степенью вероятности опирался на устную поэтическую традицию.

Примечания

- (1) Подстрочный перевод везде в статье выполнен М.Н. Бондарь.
- (2) Демон, антагонист Бога в зороастризме, новоперсидские формы: آهریمن، آهرمن، اهرمن، اهریمن، آهرمن; авест. Angra/Aṅra Mainyu, средне-перс. Ahriman, в др.-перс. не засвидетельствовано.
- (3) Такой фонетический вариант отмечен в соответствующей словарной статье в персидском словаре Диххуда с примерами из «Шах-наме».
- (4) Эфталиты, ираноязычные племена, занимавшие территории, в состав которых входили Согдиана, Афганистан, северная Индия.
- (5) Правитель (каган) Восточного или Китайского Туркестана, занимавшего территорию примерно современной Монголии и Северного Китая.

Список литературы / References

- [1] Minorsky, V. (1956). The Older Preface to the Shāh-namā. *Studi Orientalistici in Onore di Giorgio Levi della Vida 1–2*, 52(2), 159–179.
- [2] Hämeen-Antilla, J. (2018). Khwādaynāmag: The Middle Persian Book of kings. *Studies in Persian Cultural History* (vol. 14). Boston, Leiden, Brill.
- [3] Nöldeke, T. (1930). *The Iranian National Epic*. Philadelphia, Porcupine Press.
- [4] Omidsalar, M. (2011). Poetics and Politics of Iran's National Epic, the Shāhnāme. *Literatures and Cultures of the Islamic World*. New York, Palgrave Macmillan.
- [5] Omidsalar, M. (1996). Unburdening Ferdowsi. *Journal of the American Oriental Society*, 116(2), 235–242.
- [6] Rubanovich, J. (2013). The Shāh-namā and Medieval Orality: Critical Remarks on the 'Oral Poetics' Approach and New Perspectives. *Middle Eastern Literature*, 16(2), 217–226.
- [7] Shapur, A. (1991). *Ferdowsi: A Critical Biography*. Costa Mesa, CA, Mazda Publishers.
- [8] Ferdowsi. (n.d.). *Shahnāma. Guftar andar farāham avardan-i kitāb [About origin of the book]*. Retrieved July 12, 2020, <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/aghaz/sh8/> *Фирдоуси*. Шах-наме. О происхождении книги. URL: <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/aghaz/sh8/> (дата обращения: 12.07.2020).
- [9] Ferdowsi. (n.d.). *Shahnāma. Bunyād nahādan-i kitāb [About creation of the book]*. Retrieved July 12, 2020, <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/aghaz/sh10/> *Фирдоуси*. Шах-наме. О создании поэмы. URL: <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/aghaz/sh10/> (дата обращения: 12.07.2020).
- [10] Ferdowsi. (n.d.). *Shahnāma*. Retrieved July 12, 2020, <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/qmars/sh1/> *Фирдоуси*. Шах-наме. URL: <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/qmars/sh1/> (дата обращения: 12.07.2020).

- [11] Davidson, O.M. (2000). *Comparative Literature and Classical Poetics: Seven Essays*. Mazda Publishers.
- [12] Davis, D. (1995, October – December). The problem of Ferdowsi sources. *Journal of the American Oriental Society*, 115(4), 48–57.
- [13] Bertels, E.E. (1960). *Istoriya persidsko-tadzhikskoi literatury [History of Persian-Tajik literature]* (vol. 1). Moscow, Izdatelstvo vostochnoy literatury Publ. (In Russ.)
Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. М.: Издательство восточной литературы, 1960. Т. 1. 555 с.
- [14] Davidson, O.M. (1994). *Poet and Hero in the Persian Book of Kings*. Cornell University Press.
- [15] Davidson, O.M. (1985). The Crown Bestower in the Iranian Book of Kings. Paper in Honour of prof. Mary Boyce. *Acta Iranica* 24–25, 1, 61–148.
- [16] Davidson, O.M. (1988). A Formulaic Analysis of Samples Taken from the Shahnama of Firdausi. *Oral Tradition*, 3(1–2), 88–105.
- [17] Davidson, O.M. (1998). The Text of Ferdowsi's Shahnama and the Burden of the Past. *Journal of the American Oriental Society*, 118(1), 63–68.
- [18] Lord, A.B. (1994). *Skazitel' [The singer of tales]*. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ. (In Russ.)
Лорд А.Б. Сказитель. М.: Восточная литература РАН, 1994. 369 с.
- [19] Grintser, P.A. (1975). Epicheskie formuly v "Makhbkharate" i "Ramayane" [Epic formula in "Mahabharata" and "Ramayana"]. *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru [Typological research on folklore]* (pp. 156–181). Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
Гринцер П.А. Эпические формулы в "Махабхарате" и "Рамаяне" // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 156–181.
- [20] Ferdowsi. (n.d.). *Shahnāma. Kayumars*. Retrieved July 12, 2020, <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/qmars/sh1/>
- [21] Ferdowsi. (n.d.). *Shahnāma. Siavosh*. Retrieved July 12, 2020, <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/siavosh/sh18/>
- [22] Ferdowsi. (n.d.). *Shahnāma. Anushirvan*. Retrieved July 12, 2020, <https://ganjoor.net/ferdousi/shahname/anooshirvan/sh5/>

Сведения об авторе:

Бондарь Мария Николаевна, аспирантур кафедры истории и филологии Южной и Центральной Азии Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

Bio note:

Maria N. Bondar, postgraduate of the Department of History and Philology of Southern and Central Asia of the Institute for Oriental and Classical Studies of the Russian State University for Humanities.

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ
JOURNALISM
HISTORY AND THEORY OF MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-734-745

УДК 070.13

Научная статья / Research article

**Особенности реализации советской пропаганды
в Таиланде в период холодной войны**

Н. Палахан, Л.П. Громова

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
st059427@student.spbu.ru; l.gromova@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности советской пропагандистской деятельности в Таиланде периода холодной войны. Советский Союз после Великой Отечественной войны, учитывая резкое изменение внешней политики бывших союзников, кардинально пересмотрел и скорректировал концепцию пропагандистской работы за рубежом. Ведущая роль в новом противостоянии между идеологическими лагерями принадлежала ориентированным на зарубежную аудиторию СМИ, систематически реализовывавших государственную политику на информационно-психологическом фронте. Со стороны СССР такую роль играло Советское информационное бюро (Совинформбюро, позднее – Агентство печати «Новости», АПН). После Второй мировой войны СССР стал заметно влиять на внешнюю политику Таиланда. Эта работа организовывалась в условиях тайской антикоммунистической пропаганды. В представленной статье на основе архивных материалов рассматривается процесс реализации советской пропагандистской деятельности, а также особенности советской пропаганды при складывавшихся обстоятельствах в Таиланде и в соседних государствах. Изучены отчеты местного отделения Совинформбюро (АПН) в Таиланде; деятельность советских СМИ, отраженная на страницах печатных советских СМИ в Таиланде, таких как местная версия журнала «Советский Союз», брошюры Совинформбюро (АПН); нормативные документы со стороны СССР (постановления наркома СССР, связанные с пропагандистской деятельностью за рубежом) и Таиланда (акты, постановления правительства и стенограммы заседаний правительства Таиланда). Анализируются академические труды на русском, тайском и английском языках, связанные с советской и антисоветской пропагандой. Выявлено, что технологии и стратегии советской пропаганды и контрпропаганды

© Палахан Н., Громова Л.П., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

изменялись на разных этапах развития дипломатических отношений с Таиландом. Смена режимов и изменения во внутренней политике оказывали значительное влияние на работу Совинформбюро (АПН). Можно заключить, что реализация советской пропаганды в Таиланде зависела от внутренних и внешних факторов, влияющих на позицию Таиланда на международной арене и стабильность властных институтов. Реализация советской пропаганды в разные периоды проводилась с учетом условий политической жизни Таиланда и идеологического противостояния двух систем.

Ключевые слова: советская пропаганда, контрпропаганда, тайская пресса, Таиланд, холодная война

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию – 3 сентября 2020 г.; принята к публикации – 6 октября 2020 г.

Для цитирования: Палахан Н., Громова Л.П. Особенности реализации советской пропаганды в Таиланде в период холодной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 734–745. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-734-745>

Implementation and features of Soviet propaganda in Thailand in the Cold War period

Nattanop Palahan, Ludmila P. Gromova

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 190004, Russian Federation
st059427@student.spbu.ru; l.gromova@spbu.ru

Abstract. This article deals with features of Soviet propaganda activities in the Cold War period in Thailand. After abrupt changes of the former allies' foreign policy, the Soviet Union after the Great Patriotic War dramatically reviewed and corrected its international propaganda work concept. The main role of this new confrontation between ideological camps belonged to the media, which were aimed at international audience, and systematically implemented their state policy on the informational and psychological front. From the USSR side, this role was fulfilled by the Soviet Information Bureau (Sovinformburo, later – *Novosty* Press Agency, APN). After the Second World War the USSR began influencing the foreign policy of Thailand. This kind of work was organized in the condition of Thai anticommunist propaganda. In the article the implementation process of Soviet propaganda activities and features of the Soviet propaganda in complicated circumstances in Thailand and its neighbors, based on archive materials, is considered. During this research also analyzed the reports of local office of Sovinformburo (APN) in Thailand; activities of the Soviet media, featured in the local Soviet media publications in Thailand such as the local version of the “Soviet Union” magazine, pamphlets of Sovinformburo (APN); legal documents from the Soviet side (resolutions of the USSR's People's Commissars related to the foreign propaganda activities), and from Thailand side (acts, resolutions and transcripts of the Royal Thai Government's meetings). The academic works related to Soviet propaganda activities in Russian, Thai and English languages are studied. It is found out that innovations and strategies of the Soviet propaganda and counterpropaganda changed along with the development of diplomatic relations with Thailand. Regime changes and domestic policy development significantly affected the work of Sovinformburo (APN.) In the conclusion, the implementation of Sovi-

et propaganda in Thailand depended on both domestic and international factors, impacting the position of Thailand on the international arena and the stability of the authority. Implementation of Soviet propaganda in various periods took place along the complicated condition of political life in Thailand and ideological confrontation of these political systems.

Keywords: Soviet propaganda, counterpropaganda, Thai press, Thailand, Cold War

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received – 3 September 2020; revised – 29 September 2020; accepted – 6 October 2020.

For citation: Palahan N., & Gromova L.P. (2020). Implementation and features of Soviet propaganda in Thailand in the Cold War period. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 734–745. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-734-745>

Введение

После Второй мировой войны наступил новый мировой порядок, углубивший идеологический конфликт между странами Запада и Советским Союзом в условиях холодной войны. Концепция этой идеологической и политической конкуренции была заявлена в речи У. Черчилля в марте 1946 г. о «железном занавесе» Москвы, за которым «...располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы...» [1]. Его речь обозначила новую реальность во взаимоотношениях с бывшим военным союзником. С 1946 г. началось противостояние между социалистическим и капиталистическим лагерями во всех сферах влияния в мире. Ведущая роль в новом противостоянии между идеологическими лагерями принадлежала ориентированному на зарубежную аудиторию СМИ, систематически реализовавшим государственную политику на информационно-психологическом фронте в период Второй мировой войны [2. С. 196]. Со стороны СССР такую роль играло Советское информационное бюро (Совинформбюро, позднее – Агентство печати «Новости», АПН) после перехода с «оборонительного характера» деятельности советской пропаганды во время войны к «разоблачению империалистической политики», «популяризации внешней политики СССР» и «освещению в пропаганде на зарубежные страны коренных особенности советского общества» в 1946 г. [2. С. 66].

Правительство Таиланда в отношении к молодому советскому государству всегда проводило антикоммунистическую политику, начиная с Октябрьской революции 1917 г. И, несмотря на смену государственного правления в Таиланде от монархического к демократическому режиму после революции 1932 г., отношение к коммунистической идеологии оставалось неизменным – она рассматривалась как угроза для страны.

После Второй мировой войны СССР стал заметно влиять на внешнюю политику Таиланда. Чтобы поддержать вхождение Таиланда в члены ООН в 1946 г., СССР потребовал отменить существовавший антикоммунистический акт. Несколько месяцев спустя, у Совинформбюро появилось представительство в Таиланде, которое начало активную деятельность после прибытия первой советской дипломатической миссии в 1948 г. [3. Л. 105]. Эта работа организовывалась в условиях тайской антикоммунистической пропаганды.

Еще более деятельность советских СМИ в Таиланде усложнилась с 1960-х гг., когда советское влияние среди левых и коммунистов Таиланда значительно ослабло из-за идеологического конфликта между властями Таиланда и коммунистической партией Таиланда (КПТ), выступавшей на стороне Китая во время советско-китайского идеологического раскола после съезда КПСС в февраля 1956 г. Теперь пропагандистская деятельность советских СМИ в Таиланде приобрела более сложный характер – это не только продвижение советского образа жизни и политики СССР по международным вопросам, но и борьба за сохранение позиций в Таиланде в условиях внутреннего идеологического конфликта, который обозначился в провинциях страны и у соседних стран.

Методология

В статье анализируются академические труды на русском, тайском и английском языках, связанные с советской и антисоветской пропагандой. Привлекаются тайские исследования, посвященные репрессивным мерам против коммунизма (Т. Пынгантай, Б. Сума и др. [4–7].), деятельности членов партии (С. Йимпрасерт, Т. Синара [8–10]). Труды на английском языке охватывают более широкий спектр проблем и содержат разные точки зрения, их авторы – бывшие члены КПТ (К. Течапира и С. Тьямтирасакун [11; 12]). Исследования на русском языке касаются различных проблем советско-тайландских отношений [13] и работы информационных служб [14]. В защитившихся в последнее время диссертациях В.В. Битюцкой [15], М.С. Ковригиной [16], М.Ю. Лаврентьевой [2] рассматривается процесс реализации советских пропагандистских и контрпропагандистских мер. Однако до сих пор отсутствует исследование, касающееся особенностей коммунистической пропагандистской деятельности СССР в Таиланде.

В представленной статье на основе архивных материалов изучается процесс реализации советской пропагандистской деятельности, а также особенности советской пропаганды в Таиланде при складывавшихся обстоятельствах в стране и соседних государствах. Проанализированы отчеты местного отделения Совинформбюро (АПН) в Таиланде; деятельность советских СМИ в Таиланде, отраженная на страницах печатных советских СМИ, таких как местная версия журнала «Советский Союз», брошюры Совинформбюро (АПН); нормативные документы со стороны СССР (постановления наркома СССР, связанные с пропагандистской деятельностью за рубежом) и Таиланда (акты, постановления правительства и стенограммы заседаний правительства Таиланда).

В исследовании был применен системный анализ, метод сравнительного анализа. Исторические явления рассматриваются в контексте социально-политического развития стран и международных отношений в конкретный период времени.

Советская пропагандистская деятельность в Таиланде до 1965 года

Работа Совинформбюро после принятия постановления Политбюро ЦК КПСС «О работе Совинформбюро» от 9 октября 1946 г. была ориентирована на освещение советской мирной политики, пропаганды строитель-

ства коммунизма, распространение позитивной информации о СССР, странах народной демократии и разоблачение империалистической и реакционной пропаганды за рубежом [2. С. 67]. В начале деятельности Совинформбюро в Таиланде советская пропагандистская деятельность определялась по очень ограниченным материалам о Таиланде в СССР. При реализации деятельности советской дипломатической миссии, в состав которой вошло и представительство Совинформбюро, со стороны СССР исследовалась эффективность разных видов пропагандистских материалов, проведенных СССР у тайской аудитории. Подготовленные в СССР печатные издания (книги и брошюры о СССР, Ленине и Сталине) отправлялись в представительство Совинформбюро на английском и французском языках. Кроме того, посылались также пластинки советской и русской музыки для трансляции по местному радиовещанию.

Первый представитель Совинформбюро в Таиланде И.Г. Усачев за несколько месяцев после прибытия, изучив тайскую аудиторию, оценил эффективность и слабые стороны отправленных Москвой пропагандистских материалов и сообщил руководству Совинформбюро и Всесоюзного общества культурных связей (ВОКС), которые поддерживали пропагандистские материалы на начальном этапе деятельности Совинформбюро в Таиланде, о том, что «в Сиаме (Таиланде) в настоящее время наиболее распространен английский язык, просим внести коррективы в высылаемые Вами издания». Он обращал внимание на то, что из-за малограмотного населения, для потенциальной аудитории «...наиболее пригодны материалы, богато снабженные иллюстрациями, особенно если учесть, что тут практически ничего не знают о Советском Союзе. В связи с этим прошу выслать журнал «СССР на стройке». <...> Считаю рациональным выслать сборники, дающие в сжатом виде наиболее важные моменты жизни Советского Союза» [17. Л. 11].

Власти Таиланда и представители западных англоязычных СМИ с большим вниманием наблюдали за работой советских СМИ с первых шагов деятельности советской дипломатической миссии. Они высоко оценивали и с некоторым опасением относились к представителю Совинформбюро в Таиланде, называя его «настоящим хозяином дипмиссии», которая на самом деле являлась «наблюдательным пунктом» СССР [3. Л. 105].

Совинформбюро в течение нескольких месяцев активно сотрудничало с местной прессой и активистами, особенно с левыми изданиями. Сотрудничество с главной газетой КПТ «Махачон» [18. Л.2] при активном движении Всетаиландского комитета защиты мира в выступлениях против империализма и союза властей Таиланда с США в Корейской войне закончилось во время массовых репрессий против Комитета защиты мира в 1952 г., когда был арестован первый тайский переводчик Совинформбюро Супат Суконтапиром [8. С. 275]. Несмотря на репрессии и наблюдение со стороны властей, Совинформбюро активно сотрудничало с разными группами ученых и интеллигенции Таиланда.

В марте 1956 г. правительство провело расследование о распространении среди студентов Университета имени короля Чулалонгкорна пропагандистских материалов, в которых студенты приглашались в посольство для подачи заявления на бесплатное обучение в СССР [19]. Среди агитаторов

был студент-филолог Джит Пумисак, ставший впоследствии главным символом борьбы за коммунизм после его убийства в 1965 г. В 1957 г. ведущий писатель левых сил Таиланда Кулаб Сайпрадит был приглашен в СССР на парад на Красной площади в честь юбилея Октябрьской революции. После этого визита он написал известные воспоминания о визите в СССР «Пай Сахапап Совет» («В Советский Союз») [20]. Деятельность представительства Совинформбюро в Таиланде с первых лет существования была предназначена для активного распространения советской информации и сотрудничества с местными СМИ и активистами для более широкого освещения советской точки зрения для тайской аудитории. В 1960-х гг. ситуация стала более сложной, что было связано с идеологической борьбой в самом Таиланде, а также резко изменившейся политической ситуацией в Таиланде и в соседних странах, что сказалось на положении советских СМИ в Таиланде, на характере их деятельности.

Советская пропагандистская деятельность в Таиланде после 1965 года

С 1960-х до 1990 г. у представительства Совинформбюро (АПН) в Таиланде появились некоторые новые задачи из-за резкого изменения позиции СССР в конфликте. В 1961 г. состоялся 3-й съезд КПТ, где маоизм был принят как официальная доктрина. Советская позиция и взгляды тех, кто выступали против новой доктрины КПТ, оказались в числе ее противников [5. С. 36]. В 1965 г. произошло вооруженное восстание КПТ против властей Таиланда, после чего со стороны властей были приняты более радикальные меры против коммунистов, что не замедлило отразиться на деятельности АПН: с 1965 по 1975 г. ежемесячно проводился обыск в редакции АПН, о чем докладывалось на заседаниях правительства. Полиция заходила в редакцию АПН и изымала материалы «коммунистической пропаганды» [21]. Режим цензуры над всеми печатными изданиями АПН был заметно ужесточен. Теперь всю печатную продукцию было необходимо согласовывать с деятелями культуры и чиновниками Таиланда. С 1960-х гг. материалы АПН, включая периодическое советское издание на тайском языке – журнал «Советский Союз», часто публиковались в издательстве «Даратай», владелец которого имел хорошие связи с полицией и цензурным комитетом [22. Л. 49]. После посещения СССР в 1966 г. одним из крупных чиновников управления культуры – директором департамента искусства Танит Юпо, АПН получило некоторую поддержку в решении отдельных вопросов. Так, благодаря его участию, в 1968 г. была разрешена спецколонка о российско-тайских отношениях в газете «Бангкок уорлд» [23. Л. 163].

Однако репрессивные меры со стороны правительства порой приводили к приостановке деятельности АПН. Так, 6 октября 1976 г. массовые репрессии против коммунистов и военный переворот прямо повлияли на работу агентства. По словам редактора АПН А.А. Карчавы, были не только закрыты все СМИ, «...в то же время отряды полиции и специальные группы Цензурного комитета прочесали все книжные магазины и библиотеки и изъяли и уничтожили всю литературу, содержащую, по их мнению, «коммунисти-

ческую пропаганду». Отбор производился чрезвычайно строго. В одном из магазинов были изъяты даже учебники математики, изданные в Советском Союзе...» [24. Л. 305], два переводчика АПН были арестованы и освобождены лишь в декабре того же года [24. Л. 12].

Новая задача в пропагандистской деятельности после 1965 г. – это контрпропаганда и контрмеры против антисоветских настроений, которые существовали еще с момента установления дипломатических отношений. После же 1965 г. антисоветская тенденция усилилась из-за маоизма в КПК, которую поддерживала коммунистическая партия Китая. Теперь антимаоизм стал важным направлением пропагандистской работы АПН. Китайцы контролировали все антимаоистские материалы и даже отвечали на них. В 1975 г. после установления дипломатических отношений между КНР и Таиландом антисоветская пропаганда активизировалась, так как у Китая появилось официальное представительство, и он получили возможность контролировать и отвечать на все антикитайские публикации в прессе. По отчету завбюро АПН Б. Васова в августе 1975 г., «...наши антимаоистские выступления тут же сопровождаются пропекинскими контрвыпадами. Например, после опубликования статьи М. Георгиева в газете “Чао-тай”, газета “Сиринакон” ответила резкой антисоветской статьей, в которой обвинялось не только Посольство СССР, но и “Чао-Тай” в намерении повредить тайландо-китайскому сближению...» [25. Л. 171–172]. Антисоветская политика проводилась также США и западными агентствами. С января 1974 г. антисоветские материалы появляются все в большем количестве, о чем сообщает в отчете завбюро АПН С. Семенова: «...Это вызвано двумя причинами. Во-первых, изданием на Западе книги А. Солженицына «Архипелаг Гулаг», и, во-вторых, активной деятельностью ЦРУ по инспирированию антисоветской пропаганды» [26. Л. 428]. Информационное агентство США (ЮСИС) распространяло также информацию на тайском языке. Оно выпускало аналог публиковавшегося АПН в Таиланде ежемесячного журнала «Сахапап Совет» («Советский Союз») – журнал «Исарапап» («Свобода») [27. Л. 12]. ЮСИС и ряд других западных агентств (ЮПИ, АП, Рейтер) публиковали свои материалы о Советском Союзе с западной точки зрения по требованию тайских СМИ, которым были нужны материалы о СССР [28. Л. 37].

Одновременно АПН готовило и контрпропагандистские материалы для тайских СМИ. Когда в 1975 г. СССР был обвинен в холодном приеме артистов тайского балета в Москве, АПН сопровождало все эти публикации подготовленными материалами со стороны СССР о теплом приеме тайских артистов [24. Л. 254]. Кроме публикаций для тайских СМИ, АПН даже подготовило контрпропагандистский доклад в 1979 г. после обвинений со стороны тайских СМИ о якобы советском вмешательстве в гражданские войны у соседей Таиланда – Лаосе, Вьетнаме и Камбодже. Вслед за многократными заявлениями МИД и Департамента общественных отношений об «антиправительственной деятельности советских СМИ» АПН подготовило доклад об антисоветских материалах в Таиланде для госаппарата [29. Л. 35].

В это же время АПН начинает распространение советских пропагандистских материалов по радио и телевидению. В 1973 г. представитель АПН

и руководитель популярной радиостанции – радио полиции «Самйот» – майор Тьярык Меквичай договорились об увеличении количества новостных материалов и советской музыки в эфире [28. Л. 42]. С 1964 г. Московское радио стало ежедневно транслироваться на тайском языке прямо из Москвы, где единственным переводчиком на тайский язык был крупный таиландовед В.С. Чурмантеев. Работавший диктором с 1966 г., тайский диктор Удон Тапаносот после завершения контракта с Московским радио с 1976 г. стал помощником редактора АПН в Таиланде [28. Л. 39]. Главная задача радиовещания на тайском языке – распространение позитивной информации о СССР и развитие дружбы между странами [30. С. 18–19]. Телевидение также использовалось как канал для контрпропаганды: в 1967 г. обращение посла СССР и телефильм в честь 50-летия Октябрьской революции были подготовлены АПН в ответ на критику и участвовавшие антисоветские нападки в Таиланде. Несмотря на то, что впоследствии эти планы были отменены [31. Л. 104–105], сам факт свидетельствует об активной деятельности АПН по использованию всех информационных ресурсов. Из-за строгостей цензуры того времени материалы телерадиовещания в течение всего существования бюро АПН в Таиланде были посвящены преимущественно научно-технической теме. Единственной передачей на историко-политическую тему стал телефильмом «Города-герои», вышедший в честь Дня победы в мае 1974 г. [32. Л. 274], когда в Таиланде существовало гражданское правительство и был пик демократизации общества.

После 1965 г. некоторые задачи советской пропагандистской деятельности были скорректированы: активная антимаоистская пропаганда и контрпропаганда против других враждебных сил в Таиланде. Эти задачи преследовали цель сохранить влияние Советского Союза в идеологическом противостоянии, так как определяющая роль в нем принадлежали властям Таиланда при поддержке США и капиталистических стран, с одной стороны, и коммунистической партии Таиланда при поддержке Китая – с другой. Для выполнения этой задачи применялись и новые возможности технологий вещания, несмотря на сильное влияние печатных СМИ. Вопрос совершенствования методов пропагандистской деятельности начал терять актуальность после того, как генерал Криенгсак Чаманан стал премьер-министром Таиланда в 1978 г., а М.С. Горбачев – генеральным секретарем КПСС в 1985 г. Компромиссные меры в отношении с коммунистами при премьерстве генерала К. Чаманана (1978–1980 гг.) и его преемника генерала Према Тинасуланона (1980–1988 гг.) со стороны Таиланда и новое политическое мышление эпохи М.С. Горбачева создали условия к улучшению отношений между СССР и Таиландом во всех сферах.

Заключение

Советский Союз после Великой Отечественной войны, учитывая резкое изменение внешней политики бывших союзников, кардинально пересмотрел и скорректировал концепцию пропагандистской работы за рубежом. Если на начальном этапе после прибытия советской дипломатической миссии в Таиланд в 1948 г. Совинформбюро имело возможность изучать аудиторию и ак-

тивно сотрудничать с левыми силами, то в дальнейшем, когда за деятельностью Совинформбюро был установлен жесткий контроль, возможности информационных служб значительно сократились. После вооруженного восстания коммунистической партии Таиланда в 1965 г. идеологическая борьба в стране намного обострилась. Теперь разоблачение антисоветской пропаганды стало приоритетной задачей АПН. Изменилась тактика работы. К сотрудничеству привлекались деятели культуры и чиновники, что стало полезным для распространения советской пропаганды в Таиланде. Смена режимов и изменения во внутренней политике оказывали значительное влияние на работу Совинформбюро (АПН). Можно заключить, что реализация советской пропаганды в Таиланде зависела от внутренних и внешних факторов, влияющих на позицию Таиланда на международной арене и стабильность властных институтов. Реализация советской пропаганды в разные периоды проводилась с учетом условий политической жизни Таиланда и идеологического противостояния двух систем.

Список литературы

- [1] The Sinews of Peace ('Iron Curtain speech') – International Churchill Society / International Churchill Society. URL: <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace/> (accessed: 10.04.2020).
- [2] *Лаврентьева Ю.М.* Особенности технологий и методов информационно-психологических войн СССР с Великобританией и США в период 1939–1953 гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
- [3] Государственный архив Российской Федерации. P4459. Оп. 27. Д. 8248.
- [4] *Phuengkanthai T.* Latthi kommunist lae nayobaitotan khong rattabanthai (BE2468-2500). Bangkok, 1978. [ธงชัย พึ่งกันไทย. ลัทธิคอมมิวนิสต์และนโยบายต่อต้านของรัฐบาลไทย) พ.ศ.2468-2500): วิทยานิพนธ์ อ.ม.)ประวัติศาสตร์(. กรุงเทพฯ, 2521.]
- [5] *Suma B.* Kankluewai khong puakkommunist kab nayobaipongkan lae prabpram khong rattaban (BE2500-2523). Bangkok, 1985. [บัญชา สุมา. การเคลื่อนไหวของพวกคอมมิวนิสต์กับนโยบายป้องกันและปราบปรามของรัฐบาล)พ.ศ.2500-2523): วิทยานิพนธ์ อ.ม.)ประวัติศาสตร์(. กรุงเทพฯ, 2528.]
- [6] *Sinsomboon B.* Kwankadyaeng thangudomkan khong pakkommunisthaengprathetthai (BE2520-2522). Bangkok, 1981. [บุษบา สิ้นสมบุญ. ความขัดแย้งทางอุดมการณ์ของพรรคคอมมิวนิสต์แห่งประเทศไทย)พ.ศ.2520-2522): วิทยานิพนธ์ ร.ม.)การปกครอง(. กรุงเทพฯ, 2524.]
- [7] *Chinhiran T.* Kwamlomlew naikanpatiwat khong pakkommunisthaengprathetthai. Bangkok, 1993. [ธีรงค์ ชินหิรัญ. ความล้มเหลวในการปฏิวัติของพรรคคอมมิวนิสต์แห่งประเทศไทย: วิทยานิพนธ์ ร.ม.)การปกครอง(. กรุงเทพฯ, 2536.]
- [8] *Yimprasert S.* Phaen Chingchart Thai: Waduai Rat lae Kantotan Rat Samai Jomphon P. Pibulsongkram Khrangti Song (2491–2500). Bangkok, 2007. [สุธาชัย ยิ้มประเสริฐ. แผนชิงชาติไทย: ว่าด้วยรัฐและการต่อต้านรัฐสมัยจอมพล ป.พิบูลสงครามครั้งที่สอง (2491-2500). กรุงเทพฯ: 6 ตุลาคม 67, 2550.]
- [9] *Srinara T.* Kwankadyaengthangkwankid naikabuankan kommunistthai (BE2519-2525). Bangkok, 2005. [ธิกานต์ ศรีนารา. ความขัดแย้งทางความคิดในขบวนการคอมมิวนิสต์ไทยระหว่าง พ.ศ.2519-2525: วิทยานิพนธ์ ศศ.ม.(ประวัติศาสตร์). กรุงเทพฯ, 2548.]
- [10] *Srinara T.* Kwankidthangkanmuang khong “panyachonfaikan” pailangkantoktam kongkrasaekwankid sangkomniyom naiprathetthai (BE2524-2534). Bangkok, 2012. [ธิกานต์ ศรีนารา. ความคิดทางการเมืองของ “ปัญญาชนฝ่ายค้าน” ภายหลังการตกต่ำของกระแส

- ความคิดสังคมนิยมในประเทศไทย พ.ศ. 2524-2534: วิทยานิพนธ์ อ.ด.)ประวัติศาสตร์(กรุงเทพฯ, 2555[.
- [11] *Tejapira K.* Commodifying Marxism: The Formation of Modern Thai Radical Culture, 1927–1958. Kyoto: Kyoto University Press, 2001.
- [12] *Jeamteerasakul S.* Kabuankan Santiphap kap Pak Kommunist haeng Prathat Thai // Kueng Sattawat Kabuankan Santiphap / ed. by C. Sattayawattana. Bangkok: Rangsit University, 2002. [สมศักดิ์ เจียมธีรสกุล. ขบวนการสันติภาพกับพรรคคอมมิวนิสต์แห่งประเทศไทย // กิ่งศตวรรษขบวนการสันติภาพ / ชลธิรา สัตยาวัฒนา บรรณาธิการ. กรุงเทพฯ: มหาวิทยาลัยรังสิต, 2545.]
- [13] *Симоненок А.В.* Советско-тайландские отношения (1940-е гг. – 1991 г.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2010.
- [14] *Борков А.В.* Создание и деятельность основных советских органов внешнеполитической пропаганды и информации, 1917–1945 гг.: дис. ... док. ист. наук. Нижний Новгород, 1997.
- [15] *Битюцкая В.В.* Советское информационное агенство: эволюция содержания и технологий деятельности (по материалам ТАСС): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019.
- [16] *Ковригина М.С.* Особенности отражения образов России в прессе США в период холодной войны (1946–1991): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
- [17] Государственный архив Российской Федерации. P5283. Оп. 19. Д. 482.
- [18] Государственный архив Российской Федерации. P5823. Оп. 19. Д. 483.
- [19] ST.15/7 “Rueang Kankokuan Lomlang Khong Fai Kommunist” (23/03-04/05/1956) / National Archives of Thailand. [หอจดหมายเหตุแห่งชาติ. ศธ.15/7 “เรื่องการก่อกวนล้มล้างของฝ่ายคอมมิวนิสต์ (23/03-04/05/2499).]
- [20] *Saipradit K.* Pai Sahaphap Soviet. Bangkok, Satirakoses-Nakapratipa Foundation, 2005. [กุหลาบ สายประดิษฐ์. ไปสหภาพโซเวียต. กรุงเทพฯ: มูลนิธิเสถียรโกเศศนาคะประทีป, 2548.]
- [21] Mati Kanarattamontri 19.01.2508 “Kanpongkan Kankotsanachuanchea Khong Kommunist” / Samnak Nayokkrattamontri. URL: https://cabinet.soc.go.th/soc/Program2-3.jsp?top_serl=103743&key_word=%E2%AB%E0%C7%D5%C2%B5&owner_dep=&meet_date_dd=&meet_date_mm=&meet_date_yyyy=&doc_id1=&doc_id2=&meet_date_dd2=&meet_date_mm2=&meet_date_yyyy2= (accessed: 03.04.2020). [มติคณะรัฐมนตรี 19.01.2508 “การป้องกันการใช้โฆษณาชวนเชื่อของคอมมิวนิสต์”. อินเทอร์เน็ต. สำนักเลขาธิการนายกรัฐมนตรี (เข้าถึงเมื่อ 03.04.2563). เข้าถึงที่: https://cabinet.soc.go.th/soc/Program2-3.jsp?top_serl=103743&key_word=%E2%AB%E0%C7%D5%C2%B5&owner_dep=&meet_date_dd=&meet_date_mm=&meet_date_yyyy=&doc_id1=&doc_id2=&meet_date_dd2=&meet_date_mm2=&meet_date_yyyy2=]
- [22] Государственный архив Российской Федерации. P9587. Оп. 2. Д. 741.
- [23] Государственный архив Российской Федерации. P9587. Оп. 2. Д. 492.
- [24] Государственный архив Российской Федерации. P9587. Оп. 2. Д. 1185.
- [25] Государственный архив Российской Федерации. P9587. Оп. 2. Д. 1088.
- [26] Государственный архив Российской Федерации. P9587. Оп. 2. Д. 1013a.
- [27] Государственный архив Российской Федерации. P9587. Оп. 2. Д. 965.
- [28] Государственный архив Российской Федерации. P9587. Оп. 2. Д. 1038.
- [29] Государственный архив Российской Федерации. P9587. Оп. 4. Д. 286.
- [30] *Resnikov A.* Sataniwittayu Moskva pak pasathai // Sahaphap Soviet. 1979. No. 8. Pp. 18–19. [เรสนิคอฟ, เอ. สถานีวิทยุอมสควาภาคภาษาไทย // สหภาพโซเวียต. 1979. №8. หน้า 18-19.]
- [31] Государственный архив Российской Федерации. P9587. Оп. 2. Д. 406.
- [32] Государственный архив Российской Федерации. P9587. Оп. 2. Д. 1091.

References

- [1] International Churchill Society. (n.d.). *The Sinews of Peace ('Iron Curtain speech')* – *International Churchill Society*. Retrieved April 10, 2020, <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace/>

- [2] Lavrentieva, Y.M. (2019). *Osobennosti tekhnologiy i metodov informatsionno-psikhologicheskikh voyn SSSR s Velikobritaniyey i SShA v period 1939–1953 gg.* [Features of technologies and methods of information and psychological wars of the USSR with Great Britain and the USA in the period 1939–1953] (Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow. (In Russ.)
- [3] State Archive of the Russian Federation (GARF). R4459. Op. 27. D. 8248.
- [4] Phuengkanthai, T. (1978). *Latthi kommunist lae nayobaitotan khong rattabanthai (BE2468-2500)* [Thai, Communism and Anti-Politics of the Thai government (1925–1957)] (Dissertation). Bangkok. (In Thai.)
- [5] Suma, B. (1985). *Kankluenwai khong puakkommunist kab nayobaipongkan lae prabpram khong rattaban (BE2500-2523)* [Communist movement and government anti and suppression policy (1957–1980)] (Dissertation). Bangkok. (In Thai.)
- [6] Sinsomboon, B. (1981). *Kwankadyaeng thangudomkan khong pakkommunisthaengprathetthai (BE2520-2522)* [Ideological conflict of the Communist Party of Thailand (1977–1979)] (Dissertation). Bangkok. (In Thai.)
- [7] Chinhiran, T. (1993). *Kwamlomlew naikanpatiwat khong pakkommunisthaengprathetthai* [The failure of the Communist Party of Thailand] (Dissertation). Bangkok. (In Thai.)
- [8] Yimprasert, S. (2007). *Phaen Chingchart Thai: Waduai Rat lae Kantotan Rat Samai Jomphon P. Pibulsongkram Khrangti Song (2491–2500)* [Thai National Plan: State and Fight against Chom Phon Pibulsongkramkha-rang (1948–1957)]. Bangkok. (In Thai.)
- [9] Srinara, T. (2005). *Kwankadyaengthangkwanid naikabuankan kommunistthai (BE2519-2525)* [Conflicts of ideas in the Thai Communist movement] (Dissertation). Bangkok. (In Thai.)
- [10] Srinara, T. (2012). *Kwankidthangkanmuang khong “panyachonfaikan” pailangkantoktam kongkrasaekwamkid sangkomniyom naiprathetthai (BE2524-2534)* [Political Thought of “Kharn Khant”. After the fall of Socialist Thought in Thailand (1981–1991)] (Dissertation). Bangkok. (In Thai.)
- [11] Tejapira, K. (2001). *Commodifying Marxism: The Formation of Modern Thai Radical Culture, 1927–1958*. Kyoto, Kyoto University Press.
- [12] Jeamteerasakul, S. (2002). *Kabuankan Santiphap kap Pak Kommunist haeng Prathat Thai* [Peace Movement with the Communist Party of Thailand]. In C. Sattayawattana (Ed.), *Kueng Sattawat Kabuankan Santiphap* [Keng Century Peace Movement]. Bangkok, Rangsit University. (In Thai.)
- [13] Simonenok, A.V. (2010). *Sovetsko-Tailandskie otnosheniya (1940-e gg. – 1991 g.)* [Soviet-Thai relations (1940s – 1991)] (Dissertation of the Candidate of Historical Sciences). Vladivostok. (In Russ.)
- [14] Borkov, A.V. (1997). *Sozdanie i deyatelnost osnovnykh sovetskikh organov vneshnepoliticheskoi propagandy i informatsii* [Creation and activity of the main Soviet organs of foreign policy propaganda and information] (Dissertation of the Doctor of History). Nizhny Novgorod. (In Russ.)
- [15] Bityutskaya, V.V. (2019). *Sovetskoe informatsionnoe agenstvo: Evolyutsiya sodержaniya i tekhnologiy deyatelnosti (po materialam TASS)* [Soviet News Agency: Evolution of content and technology of activity (based on TASS materials)] (Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Saint Petersburg. (In Russ.)
- [16] Kovrigina, M.S. (2020). *Osobennosti otrazheniya obrazov Rossii v presse SShA v period kholodnoi voiny (1946–1991)* [Features of the reflection of images of Russia in the press of the USSR during the Cold War (1946–1991)] (Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow. (In Russ.)
- [17] State Archive of the Russian Federation (GARF). R5283. Op. 19. D. 482.
- [18] State Archive of the Russian Federation (GARF). R5823. Op. 19. D. 483.
- [19] National Archives of Thailand. ST.15/7 “Rueang Kankokuan Lomlang Khong Fai Kommunist” [“The boat, the harassment of the Communist side”] (23/03-04/05/1956). (In Thai.)
- [20] Saipradit, K. (2005). *Pai Sahaphap Soviet* [Go to the Soviet Union]. Bangkok, Satira-koses-Nakapratipa Foundation. (In Thai.)

- [21] Samnak Nayokrattamontri [The Secretariat of the Prime Minister]. (n.d.). *Mati Kanarattamontri 19.01.2508 “Kanpongan Kankotsanachuancheua Khong Kommunist” [Cabinet Resolution 19.01.2508 “Prevention of propaganda of Communism”]*. Retrieved April 3, 2020, from https://cabinet.soc.go.th/soc/Program2-3.jsp?top_serl=103743&key_word=%E2%AB%E0%C7%D5%C2%B5&owner_dep=&meet_date_dd=&meet_date_mm=&meet_date_yyyy=&doc_id1=&doc_id2=&meet_date_dd2=&meet_date_mm2=&meet_date_yyyy2= (In Thai.)
- [22] State Archive of the Russian Federation (GARF). R9587. Op. 2. D. 741.
- [23] State Archive of the Russian Federation (GARF). R9587. Op. 2. D. 492.
- [24] State Archive of the Russian Federation (GARF). R9587. Op. 2. D. 1185.
- [25] State Archive of the Russian Federation (GARF). R9587. Op. 2. D. 1088.
- [26] State Archive of the Russian Federation (GARF). R9587. Op. 2. D. 1013a.
- [27] State Archive of the Russian Federation (GARF). R9587. Op. 2. D. 965.
- [28] State Archive of the Russian Federation (GARF). R9587. Op. 2. D. 1038.
- [29] State Archive of the Russian Federation (GARF). R9587. Op. 4. D. 286.
- [30] Resnikov, A. (1979). Sataniwittayu Moskva pak pasathai [Moskva, Thai language radio station]. *Sahaphap Soviet [Soviet Union]*, (8), 18–19. (In Thai.)
- [31] State Archive of the Russian Federation (GARF). R9587. Op. 2. D. 406.
- [32] State Archive of the Russian Federation (GARF). R9587. Op. 2. D. 1091.

Сведения об авторах:

Палахан Наттанон, аспирант кафедры истории журналистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Громова Людмила Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-5777-3675>.

Bio notes:

Nattanop Palahan, PhD student at the Chair of History of Journalism of the High School of Journalism and Mass Communications of the Saint Petersburg State University.

Ludmila P. Gromova, Doctor of Philology, Professor, Head of the History of Journalism Department of the High School of Journalism and Mass Communications of the Saint Petersburg State University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-5777-3675>.

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-746-755

УДК 070.13:801.83

Научная статья / Research article

Становление инновещания в России и за рубежом: историко-генетический и компаративистский анализ

А.А. Ефанов¹, Н.Э. Эфендиева²

¹Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Международное информационное агентство «Россия сегодня»
Российская Федерация, 119021, Москва, Zubovskiy б-р, д. 4
yefanoff_91@mail.ru; nailyaefendieva@gmail.com

Аннотация. В статье проведен историко-генетический и компаративистский анализ инновещания. В хронологическом аспекте сравниваются передовой опыт зарубежных стран (Германии, Англии, Франции, США) и особенности становления инновещания в России. Выделяются основные этапы развития инновещания. Определяются доминирующие медиакоммуникационные каналы, посредством которых осуществляется инновещательная деятельность. По итогам проведенного исследования формируется вывод, что на первом этапе своего развития инновещание не представляло собой инструмент внешней политики и способствовало скорее культурному обогащению и поддержке своих соотечественников в других странах. Однако военное время предопределило будущую тональность инновещания – пропагандистскую направленность. В период Второй мировой войны инновещание во многих странах использовалось с целью дискредитации врага, а также мотивации военнослужащих и населения в тылу. В период Холодной войны инновещание усилило пропагандистское предназначение, продолжая реализовывать в своем дискурсе диффамационные стратегии относительно конкурентов и противников, на фоне чего сформировалось новое понятие «информационная война». В целом инновещание как дискурсивная стратегия преимущественно используется в ходе геополитических конфликтов – как открытых, так и латентных. В процессе эволюции медиакоммуникаций наблюдалось усиление борьбы за влияние на внешнюю аудиторию, которое наиболее отчетливо проявилось в результате реализации инновещания в поле телевидения, исходя из аудиовизуальной природы данного вида медиа. В XXI веке информационная борьба за интерпретацию социальной реальности и, как следствие, конструирование общественного мнения в мировом масштабе стали протекать в поле Интернета, где инновещание приобрело глобальный характер.

Ключевые слова: инновещание, радиовещание, телевидение, Интернет, историко-генетический анализ, компаративистский анализ, информационная война, геополитика

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию – 2 сентября 2020 г.; принята к публикации – 10 октября 2020 г.

© Ефанов А.А., Эфендиева Н.Э., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Ефанов А.А., Эфендиева Н.Э. Становление иновещания в России и за рубежом: историко-генетический и компаративистский анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 746–755. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-746-755>

Formation of international broadcasting in Russia and abroad: historical-genetic and comparative analysis

Aleksandr A. Yefanov¹, Nailya E. Efendieva²

¹Pushkin State Russian Language Institute
6 Akademika Volgina St, Moscow, 117485, Russian Federation

²International News Agency “Rossiya Segodnya”
4 Zubovskii Blvd, Moscow, 119021, Russian Federation
yefanoff_91@mail.ru; nailyaefendieva@gmail.com

Abstract. The article provides a historical-genetic and comparative analysis of foreign broadcasting. In the chronotopic aspect the advanced experience of foreign countries (Germany, England, France, USA) is compared with the peculiarities of the formation of foreign broadcasting in Russia. The main stages of the development of foreign broadcasting are highlighted. The dominant media communication channels through which foreign broadcasting activities are carried out are determined. Based on the results of the study, the conclusion is made that at the first stage of its development, foreign broadcasting was not an instrument of foreign policy and rather contributed to the cultural enrichment and support of its compatriots in other countries. However, wartime predetermined the future tonality of foreign broadcasting – a propaganda focus. During the Second World War, foreign broadcasting was used in many countries to discredit the enemy, as well as to motivate the military and the population in the rear. During the Cold War, foreign broadcasting strengthened its propaganda purpose, continuing to implement in its discourse defamatory strategies against competitors and adversaries, against the background of which a new concept of “information war” was formed. In general, foreign broadcasting as a discourse strategy is mainly used in the course of geopolitical conflicts, both open and latent. In the process of evolution of media communications, an intensification of the struggle for influence on the external audience was observed, which was most clearly manifested as a result of the implementation of foreign broadcasting in the field of television, based on the audiovisual capabilities of this type of media. In the 21st century, the information struggle for the interpretation of reality and, as a consequence, the construction of public opinion on a global scale began to take place in the field of the Internet, where foreign broadcasting has acquired a global character.

Keywords: foreign broadcasting, radio broadcasting, television, Internet, historical-genetic analysis, comparative analysis, information war, geopolitics

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received – 2 September 2020; revised – 29 September 2020; accepted – 10 October 2020.

For citation: Yefanov, A.A., & Efendieva, N.E. (2020). Formation of international broadcasting in Russia and abroad: Historical-genetic and comparative analysis. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 746–755. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-746-755>

Введение

Протекающие в настоящее время в мире глобализационные процессы заставляют страны усиливать свои сферы влияния – конструировать стратегии продвижения, переопределять механизмы взаимодействия как с государствами-партнерами, так и с прямыми антагонистами. В условиях медиатизации подобные стратегии и механизмы прежде всего формируются в мировом медиапространстве как поле конкуренции и откровенной борьбы. В этой связи в современных политических и социокультурных реалиях особая роль и значение отводится инновещанию как технологии позиционирования страны-производителя контента во внешней среде – мировом медиапространстве.

В отечественном междисциплинарном научном дискурсе исследованию инновещания посвящены работы А.Л. Акоповой, В.С. Бережной, А.Г. Быстрицкого, И. Гачечиладзе, Р.В. Даутовой, О.А. Дмитриева, Ю.М. Ершова, И. Навоаф, Е.И. Иваницкой, М.С. Темирова, М.В. Черданцевой, А.В. Шарикова и др. [1–11]. Представляя особую ценность как для истории и теории медиа, так и для индустрии, указанные научные изыскания не содержат попыток компаративистского анализа мирового опыта инновещания. Предметом рассмотрения настоящей статьи является изучение становления инновещания как в зарубежном, так и российском контексте. Используются методы историко-генетического и компаративистского анализа, позволяющие в хронологическом аспекте вычленить основные детерминанты в развитии указанного медиакоммуникационного феномена.

Зарубежный опыт инновещания

В настоящее время мировое инновещание преодолело практически вековой путь развития, историю его становления можно условно разделить на три этапа:

- 1) пилотные практики инновещания (1920–1940-е годы);
- 2) конституирование инновещания (1950–1990-е годы);
- 3) технологическая трансформация инновещания (2000–2010-е годы).

При этом ведущая роль в определении идеологической парадигмы инновещания отводится первому и второму этапам, когда конструировались основные смыслы, формировался особый стиль и, как следствие, обозначались доминирующие акторы и бренды (третий этап преимущественно связан не с содержательными, а формообразующими факторами, обусловленными влиянием поля Интернета на реструктуризацию медиапространства, которые в рамках настоящего исследования имеют вторичное значение).

В зарубежном контексте инновещание как устойчивое явление стало динамично развиваться с 1926 по 1935 годы – в период активного инкорпорирования радиовещания в социальную среду. «Парижское радио» и «Радио Германии» (с 1926 года на длинных волнах), BBC и «Радио Нидерландов», вещавшие на свои колонии в Азии и Африке (с 1927 года на коротких волнах), «Радио Польши» (с 1928 года на коротких волнах), «Московское радио» (с 1929 года на коротких и длинных волнах одновременно), «Радио Ватикана» (с 1933 года на коротких волнах) первоначально использовали до

трех языков в своей эфирной сетке и работали в микроформате в выходом 1–2 выпусков в сутки и продолжительностью до полутора часов.

Концепция международного радиовещания менялась, постепенно усиливая свою главную функцию – пропаганду. В первую очередь это касалось иновещательных комплексов Германии, Италии, Японии, Турции, Великобритании, США и СССР. Существовала своего рода «перекрестная» цепочка: фашистская Германия готовила передачи на ряд стран, в частности на Великобританию; Великобритания, в свою очередь, – на Германию и Францию; США – на Германию и Японию.

При этом необходимо отметить, что немецкое радио располагало определенным опытом подготовки передач для зарубежной аудитории еще до фашистского переворота в 1933 году. Однако именно Й. Геббельс решил выбрать радиовещание в качестве основного распространителя нацистской пропаганды. В 1929 году под Берлином в месте Вустерхаузен в эфир вышли первые передачи радиостанции Deutsche Welle («Немецкая волна»), главной задачей которой была подготовка контента для немцев, проживавших за пределами Германии.

После совершения фашистского переворота немецкая иновещательная деятельность значительно расширилась, приобретя государственные масштабы. В «Германское радиовещательное общество» входил отдел вещания на зарубежные страны. Из Кенигсберга велись радиопередачи на Польшу, из Гамбурга и Бремена – на Великобританию, из Штутгарта, Франкфурта-на-Майне и Саарбрюкена – на Францию. Тогда же создаются передачи для аудитории из Северной Америки, где в то время проживала крупная немецкая диаспора. В период с 1933 по 1939 годы немецкое вещание расширялось на Африку, Латинскую Америку, Восточную и Южную Азии, Центральную Америку, Бразилию и арабский мир. К началу Второй мировой войны в Германии вели передачи круглосуточно для восьми регионов на семи языках, а их среднесуточный объем составлял 75 часов. У фашистской пропаганды была главная цель – достичь популярности в стране вещания и сделать свой контент конкурентоспособным продуктам местных СМИ.

В 1938 году развернулась пропагандистская кампания в Австрии, где определяющим источником была именно Deutsche Welle. Поднимались вопросы этнического единства и национальной общности немецкой и австрийской наций. Как итог – оккупация Австрии. Подобная радиопропаганда позже позволила захватить Чехословакию и Польшу. После войны иновещание ФРГ возобновилось только в мае 1953 года. В 1960 году радиостанция Deutsche Welle обрела «независимость» от правительственных учреждений, став полностью самостоятельной. Передачи на зарубежную аудиторию перестали контролировать и подвергать цензуре. В период 1960–1970-х годов штаб-квартира Deutsche Welle находилась в Кельне, ее ежесуточный объем составлял более 100 часов, а передачи шли на тридцати языках. К середине 1970-х годов насчитывалось восемь программ станции: на ФРГ и ГДР, Азию, Африку, Латинскую Америку, Северную Америку, Восточную и Юго-Восточную Европу, Ближний и Средний Восток. В наши дни Deutsche Welle вещает на тридцати девяти языках около 100 часов в сутки. Передачи на русском языке ежедневно составляют 8 часов.

На становление иновещания в целом значительное влияние оказала BBC, ретрансляционные станции которой были расположены не только на британских островах, но и в Австралии, Канаде, Новой Зеландии, Южной и Восточной Африке, Индии, на Цейлоне, в Сингапуре, Гонконге. В период Второй мировой войны транслировались передачи на сорока пяти языках. Среди двадцати шести крупнейших иновещательных комплексов того времени BBC занимала лидирующую позицию и снабжала информацией Австралию, Гонконг, Канаду, Китай, Малайзию, Найроби, Новую Зеландию, Южную Африку, несколько западноафриканских станций и семьдесят две радиостанции США. В послевоенный период в BBC произошли определяющие структурные изменения – преобразование из правительственной корпорации в общественную. До настоящего времени BBC сохраняет и поддерживает репутацию качественного медиа.

В свою очередь, вещание из Франции на русском языке началось в 1960 году и продолжалось до 22 декабря 1974 года, а после девятилетнего перерыва возобновило свою работу 5 сентября 1983 года. Сегодня вещание из Франции ведется на девятнадцать стран. «Международное французское радио» расширяет вещание на коротких волнах и увеличивает объем ретрансляции через станции в странах-адресатах на средних волнах и УКВ (в частности, на Португалию, Парагвай, Молдавию, Литву, Армению, Россию и Украину). Увеличился объем передач на французском языке в районах Индийского океана, Северной и Восточной Африки.

Особое внимание в данном аспекте следует обратить на опыт США, где в начале 1930-х годов радиовещание стало в экспериментальном порядке применяться для коммерческих передач на близлежащие регионы – Канаду и Латинскую Америку. К 1942 году из США начинается радиовещание на зарубежные страны. В это время статус корпораций-лидеров приобрели National Broadcasting Company (NBC), Columbia Broadcasting System (CBS), а также некоммерческая World Broadcasting Service (WBS). Наибольший интерес для них в этот период представляли страны Латинской Америки, располагавшие огромной потенциальной аудиторией. В 1942 году в том регионе насчитывалось 4 миллиона радиоприемников, половина из которых могла принимать коротковолновые передачи. Широкое распространение получило групповое прослушивание радиопередач, во многих государствах были радиофицированы городские автобусы. С развитием иновещания растет и объем международного радиовещания, совершенствуется его техническая база. Так, если ежедневный объем иновещания США в 1950 году составлял 497 часов, то к концу 1972 года он достигал 2001 часа в сутки, а в настоящее время – до 4000 часов.

Развитие иновещания в России

В октябре 2019 года иновещание в России отметило свой юбилей – 90 лет с момента с основания. 29 октября 1929 года на радиостанции ВЦСПС на немецком языке вышла первая серия программ под названием «Сектор передач для иностранных рабочих в СССР». Спустя четыре года радиостанция, известная многим как «Московское радио», расширила свои границы и

транслировала на восьми языках мира. Стоит отметить, что СССР стал первой страной, осуществлявшей целенаправленное вещание на других языках. Передачи рассказывали о важнейших мировых событиях, политическом устройстве, культуре и творчестве, а также проводили беседы с соотечественниками за рубежом, способствуя тем самым популяризации русского языка и формированию положительного образа страны. Так возник первый этап развития иновещания в России.

Появившийся в XX веке термин «мягкая сила» (soft power) как нельзя лучше отражает тенденции того времени. Несомненно, это усиливало образ СССР во внешней среде. Накануне Великой Отечественной войны зарубежное радиовещание из Москвы шло на тринадцати языках. А после нападения фашистской Германии на Советский Союз трансляции велись уже на двадцать одном языке общим объемом – более 21 часа в сутки. К концу 1945 года программы выходили на двадцати девяти языках, а среднесуточный объем составлял почти 60 часов. Как раз после победы в Великой Отечественной войне русскоязычное радио завоевало особую популярность. Иностранцев все больше интересовало то, что происходит в стране, победившей фашизм, и каков Советский Союз на самом деле. К этому моменту иновещание в стране существовало почти 20 лет.

Примечательно то, что на втором этапе развития иновещания в СССР были изобретены механизмы, посредством которых удавалось «глушить» европейские сигналы (контент которых имел большую востребованность среди либерально настроенной интеллигенции). На фоне тотального контроля западного влияния на советского человека наблюдалась тенденция к усилению роли советских передач в восточноевропейском эфире. В стенах «Московского радио» без преувеличения вершилась история: уничтожалась империалистическая пропаганда, зачитывался ответ Н. Хрущева на срочную телеграмму Дж. Кеннеди, разрешался Карибский кризис и т. д. А позднее советских журналистов начали чаще отправлять в заграничные командировки, в результате чего значительно усилился престиж профессии. Корреспонденты выезжали в Европу и Азию, Африку и Америку, а также вели репортажи из «горячих точек».

Говоря о развитии рассматриваемого медиакоммуникационного феномена, стоит обратить внимание на настоящий прорыв в начале 1980-х годов. В одном ряду с такими яркими событиями истории, как XXII Олимпийские игры в Москве, запуск космического корабля Союз-37, начало ирано-иракской войны, убийство Дж. Леннона, должно стоять еще одно – осуществление иновещания «Московским радио» на семидесяти пяти языках. Цифра охватывает как западные (английский, французский, итальянский), так и восточные (хинди, пушту, дари) языки. Это было больше, чем у «Голоса Америки» (сорок два языка) и «Всемирной службы Би-би-си» (тридцать восемь языков). Для руководства Гостелерадио СССР (и страны в целом) данный факт являлся особым поводом для гордости. При этом важно отметить, что на «Московском радио» отсутствовало русскоязычное вещание.

Сильно изменившие облик страны «лихие» 1990-е не обошли стороной и иновещание – в период смены эпох (1990–1992 годы) снижаются объемы

производства подобного контента. Однако уже в 1993 году возрождается и претерпевает своего рода ребрендинг главная иновещательная радиостанция, которая начала именоваться как «Голос России». Доступная на сорока четырех языках мира, она продолжила выполнять задачи, поставленные еще в 1930-е годы, транслируя позицию руководства страны на события в мире, проводя беседы с соотечественниками за рубежом, а также усиленно популяризуя русский язык и русскую культуру. Данное влияние стало осуществляться на различных волнах (коротких и средних – FM- и AM-диапазонах соответственно), в цифровых форматах, по кабельным сетям, спутниковым каналам, а позднее – в Интернете и по мобильной сети. С развитием социальных сетей радио перекочевало на электронные странички, обеспечив доступ к информации в любое время суток, с возможностью прослушивания уже записанных и вышедших в эфир выпусков. «Голос России» входил в пятерку самых популярных международных радиостанций, его совокупная аудитория достигала 109 миллионов человек в 160 странах мира.

Кризисные 1990-е годы обозначили необходимость усиления значения и роли России во внешней среде – выстраивание образа сильного и могущественного государства на мировой политической арене, способного встать в одну линию со странами Европы и США. В 2005 году создается Russia Today – глобальный информационный телеканал, вещающий на английском, арабском и испанском языках. Ранее в России не существовало подобных аналогов, равных таким мировым лидерам медиaprостранства, как BBC и CNN. RT пришлось конкурировать не только со схожими по формату телеканалами, но и с крупными авторитетными изданиями (например, The New York Times, The Wall Street Journal, Associated Press, Reuters и др.). Появились так называемые «хабы» – зарубежные бюро в столицах мировых держав. В октябре 2014 года компания запустила первое новостное шоу из немецкой студии для граждан Германии. Тогда же появилась студия в Лондоне, а вместе с ней и канал RT UK, который осуществляет информационное вещание на Великобританию.

Кроме того, в 2014 году «Голос России» прекратил свое существование, на смену пришла конвергентная медиаструктура Sputnik, которая, в свою очередь, входит в медиахолдинг МИА «Россия сегодня». Являясь информационным агентством и публикуя новости в поле Интернета, Sputnik также осуществляет радиовещание на сорока пяти языках мира, на всех частотах и при помощи различных платформ. По данным LiveInternet, аудитория всех сайтов Sputnik на январь 2020 год составила более 64 миллиона посетителей в месяц.

Заключение

Историко-генетический и компаративистский анализ позволил прийти к выводу, что в целом иновещание способствовало идеологической пропаганде, выгодной для страны-вещателя. Первой этим воспользовалась фашистская Германия для привлечения внимания к нацизму и расширению числа политических союзников. Успешная агитация привела к быстрому увеличению территорий и дополнительной военной силе. Потеряв после Второй мировой войны сферу влияния, Deutsche Welle как флагману немец-

кого иновещания удалось вернуться в ряды конкурентоспособных медиа и продолжить осуществить свою деятельность до настоящего времени. Британская компания ВВС стала первой самостоятельной радиостанцией, которая в годы Второй мировой войны являлась основным источником информации с фронта и транслировала развлекательные передачи для поднятия боевого духа. Радиовещание США с 1940-х годов осуществляет иновещательную деятельность на территории Южной Америки. Благодаря развитию иновещания США на протяжении многих десятилетий удерживает господство на Южном континенте. Новые политические, экономические и социокультурные условия способствовали появлению в России медиакомпаний, нацеленных исключительно на иновещательную деятельность, – МИА «Россия сегодня» и Russia Today.

Таким образом, за свою вековую историю иновещание прошло несколько этапов развития и прочно укрепилось в современном медиакоммуникационном мире. С течением времени иновещание претерпевало структурные и семантические трансформации, а его функции определялись идеологическими и политическими детерминантами. Так, на первом этапе своего развития иновещание не представляло собой инструмент внешней политики и способствовало, скорее, культурному обогащению и поддержке своих соотечественников в других странах. Однако военное время предопределило будущую тональность иновещания – пропагандистскую направленность. В период Второй мировой войны иновещание во многих странах использовалось с целью дискредитации врага и мотивации своих военнослужащих и населения в тылу. В период Холодной войны иновещание усилило пропагандистское предназначение, продолжая реализовывать в своем дискурсе диффамационные стратегии относительно конкурентов и противников, на фоне чего сформировалось новое понятие «информационная война». Сложно сделать однозначные выводы, когда иновещательная деятельность была более ожесточенной – во время реальной войны или вербальной. Однако никого не заставит усомниться тот факт, что иновещание как дискурсивная стратегия преимущественно реализуется в ходе геополитических конфликтов – как открытых, так и латентных. В процессе эволюции медиакоммуникаций наблюдалось усиление борьбы за влияние на внешнюю аудиторию, которое наиболее отчетливо проявилось в результате реализации иновещания в поле телевидения, исходя из аудиовизуальной природы данного вида медиа. В XXI веке информационная борьба за интерпретацию социальной реальности и, как следствие, конструирование общественного мнения в мировом масштабе стали протекать в поле Интернета, где иновещание приобрело глобальный характер.

Список литературы

- [1] *Акопова А.Л.* Особенности развития иновещания в России (на примере радиокomпании «Голос России» и сайта Sputnik МИА «Россия сегодня») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 3. С. 84–86.
- [2] *Быстрицкий А.Г., Шариков А.В., Бережная В.С.* Тенденции развития эфирного русскоязычного радиовещания за рубежом в 2010–2018 годах // Международная жизнь. 2018. № 11. С. 36–53.

- [3] *Гачечиладзе И.* Глобальное иновещание Франции на современном этапе: телевизионные каналы в борьбе за зарубежную аудиторию // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2006. № 3. С. 90–97.
- [4] *Даутова Р.В.* Специфика иновещания на республиканском радио ТАССР // Казанская наука. 2019. № 5. С. 30–32.
- [5] *Ершов Ю.М.* Глобализация и моделирование национальных медиасистем // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 81–88.
- [6] *Наоваф И.* Вещание «Московского радио» на страны Ближнего и Среднего Востока в советский период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2011. № 1. С. 64–72.
- [7] *Наоваф И.* Особенности регионального подхода в российском иновещании: история и современность: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 178 с.
- [8] *Иваницкая Е.И., Дмитриев О.А.* Российское иновещание сегодня: от международной пропаганды к альтернативному информационному вещанию // МедиаАльманах. 2017. № 1 (78). С. 69–79.
- [9] *Иваницкая Е.И.* Современное вещание на зарубежные страны: «Голос России». 1993–2003 гг. (концепция, структура, жанровые особенности): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 209 с.
- [10] *Темиров М.С.* Конвергенция медиаплатформ в американском иновещании: методология и тенденции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 2. С. 216–222.
- [11] *Черданцева М.В.* «Мягкая сила» иновещания // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 2. № 5 (22). С. 583–587.

References

- [1] *Akopova, A.L.* (2019). *Osobennosti razvitiya inoveshchaniya v Rossii (na primere radiokompanii “Golos Rossii” i sajta Sputnik MIA “Rossiya segodnya”)* [Features of the development of foreign broadcasting in Russia (on the example of the radio company “Voice of Russia” and the website Sputnik MIA “Russia Today”)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], (3), 84–86. (In Russ.)
- [2] *Bystrickij, A.G., Sharikov, A.V., & Berezhnaya, V.S.* (2018). *Tendencii razvitiya efirnogo russkoyazychnogo radioveshchaniya za rubezhom v 2010–2018 godah* [Trends in the development of on-air Russian-language radio broadcasting abroad in 2010–2018]. *Mezhdunarodnaya zhizn’* [International Affairs], (11), 36–53. (In Russ.)
- [3] *Gachechiladze, I.* (2006). *Global’noe inoveshchanie Francii na sovremennom etape: Televizionnye kanaly v bor’be za zarubezhnyuyu auditoriyu* [Global foreign broadcasting in France at the present stage: Television channels in the fight for foreign audiences]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, (3), 90–97. (In Russ.)
- [4] *Dautova, R.V.* (2019). *Specifika inoveshchaniya na respublikanskom radio TASSR* [Specificity of foreign broadcasting on the republican radio of the TASSR]. *Kazan’skaya nauka* [Kazan science], (5), 30–32. (In Russ.)
- [5] *Ershov, Yu.M.* (2010). *Globalizaciya i modelirovanie nacional’nyh mediasistem* [Globalization and modeling of national media systems]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2(10), 81–88. (In Russ.)
- [6] *Naovaf, I.* (2011). “The Moscow Radio” broadcasting in countries of the Middle East during the Soviet period]. *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Studies in Literature. Journalism*, (1), 64–72. (In Russ.)
- [7] *Naovaf, I.* (2011). *Osobennosti regional’nogo podhoda v rossijskom inoveshchanii: Istoriya i sovremennost’* [Features of the regional approach in Russian foreign broadcasting: History and modernity] (Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow. (In Russ.)

- [8] Ivanickaya, E.I., & Dmitriev, O.A. (2017). Rossijskoe inoveshchanie segodnya: Ot mezhdunarodnoj propagandy k al'ternativnomu informacionnomu veshchaniyu [Russian foreign broadcasting today: From international propaganda to alternative information broadcasting]. *MediaAl'manah [MediaAlmanach]*, (1), 69–79. (In Russ.)
- [9] Ivanickaya, E.I. (2003). *Sovremennoe veshchanie na zarubezhnye strany: "Golos Rossii". 1993–2003 gg. (konceptsiya, struktura, zhanrovye osobennosti)* [Modern broadcasting to foreign countries: "Voice of Russia". 1993–2003 (concept, structure, genre features)] (Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow. (In Russ.)
- [10] Temirov, M.S. (2012). Konvergenciya mediaplatform v amerikanskom inoveshchanii: Metodologiya i tendencii [Convergence of Media Platforms in American International Broadcasting: Methodology and Trends]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Voronezh State University Bulletin. Series: Philology. Journalism]*, (2), 216–222. (In Russ.)
- [11] Cherdanceva, M.V. (2018). "Myagkaya sila" inoveshchaniya ["Soft power" of foreign broadcasting]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki [Modern research and development]*, 2(5(22)), 583–587. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Ефанов Александр Александрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-9979-9224>.

Эфендиева Наиля Эхсан кызы, магистр филологии, редактор объединенной дирекции нововещания МИА «Россия сегодня».

Bio notes:

Aleksandr A. Yefanov, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Russian Literature and Intercultural Communication of the Pushkin State Russian Language Institute. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9979-9224>.

Nailya E. Efendieva, Master of Philology, editor of the United International Broadcasting Directorate of the International News Agency "Rossiya Segodnya".

РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-756-765

УДК 316.77:811.112.2

Научная статья / Research article

**Генезис российского электорального PR:
проблема периодизации****М.Г. Шилина¹, И.Е. Минтусов²**¹Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
*Российская Федерация, 115093, Москва, Стремянный пер., д. 36*²Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, д. 26
SHilina.MG@rea.ru; mintusov@nikkolom.ru

Аннотация. Практики электорального (выборного) PR в новейший период российской истории составляют существенную долю в структуре отечественных связей с общественностью, однако до сего дня системно не изучены: не определены специфика как направления коммуникационной деятельности, объектно-предметное поле, а также проблемы генезиса, что является основанием исследований в каждой предметной области. Исследовательская проблема обусловлена достаточной новизной и спецификой эмпирического материала, отсутствием значимых теоретико-методологических оснований и концепций. В статье впервые в отечественном научном дискурсе предпринята попытка изучения и дефиницирования электорального PR как процесса коммуникации и определения особенностей его генезиса с конца 1980-х до 2014 гг. в контексте становления российских связей с общественностью. На основе структурно-функционального и модельного подходов фиксируются характеристики, структура, модели, месседжи, функции, параметры институализации. В статье впервые представлены элементы, новые субъекты моделей коммуникации выборного PR в России, а также систематизированы данные и предложены основания периодизации становления электоральных связей с общественностью на основе авторской методики периодизации PR. Одним из базовых условий трансформации и периодизации электорального PR определяется законодательное регулирование выборного процесса. Выявленные характеристики генезиса российского электорального PR позволяют зафиксировать незавершенность процесса его институализации к середине 2010-х гг. Представленные методологические основания изучения выборных связей с общественностью представляются базовыми для дальнейших исследований в данной сфере.

Ключевые слова: электоральный PR, комплицированность, генезис, структурно-функциональный подход, модель коммуникации электорального PR, нормативный базисный метасубъект, базисный административный субъект, технологический квазисубъект, трансформация

© Шилина М.Г., Минтусов И.Е., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию – 2 сентября 2020 г.; принята к публикации – 6 октября 2020 г.

Для цитирования: Шилина М.Г., Минтусов И.Е. Генезис российского электорального PR: проблема периодизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 756–765. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-756-765>

The genesis of Russian electoral PR: issue of periodization

Marina G. Shilina¹, Igor E. Mintusov²

¹Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyannyy Lane, Moscow, 115093, Russian Federation

²Saint Petersburg State University
26 1st line of Vasilievsky Island, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation
SHilina.MG@rea.ru; mintusov@nikkolom.ru

Abstract. In modern Russia, the electoral PR practices make up a significant share in the national public relations structure but have not been systematically studied until now. The directions of communication activities, the object-subject area, as well as the problems of genesis, which is the basis of research in each subject area, have not been systematically studied yet. The research problem is determined by the lack of sufficient novelty and specificity of empirical material, the lack of significant theoretical and methodological foundations and concepts. For the first time in the Russian scientific discourse, the paper presents the definition of electoral PR as a communication process and determines the features of its genesis from the late 1980s to 2014 in the Russian public relations formation context. On the basis of the structural-functional and model approaches, the characteristics, structure, models, messages, functions, and parameters of electoral PR institutionalization are fixed. For the first time, the paper presents the elements, the new subjects of the electoral PR communication models in the Russian Federation. The proposed author's PR periodization methodology is relevant for the electoral public relations periodization as well. The legal regulation of the electoral process as one of the basic conditions for the transformation and periodization of electoral PR is mentioned. The revealed characteristics of the genesis of Russian electoral PR make it possible to record the incompleteness of the process of its institutionalization by the mid-2010s. The presented methodological grounds for studying elective public relations seem to be basic for further research in this area.

Keywords: electoral PR, complicity, genesis, structural and functional approach, electoral PR communication model, normative basic metasubject, basic administrative subject, technological quasi-subject, transformation

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received – 2 September 2020; revised – 29 September 2020; accepted – 6 October 2020.

For citation: Shilina, M.G., & Mintusov, I.E. (2020). The genesis of Russian electoral PR: Issue of periodization. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 756–765. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-756-765>

Введение

Выборный (электоральный) PR в России как формат политического PR, с которого в 1990-е гг. начиналось становление российских связей с общественностью (СО, public relations, PR), представлен обширными практиками, до сего дня системно не проанализированными [1; 2]; исследователи не затрагивают вопросы его специфики как направления коммуникационной деятельности, в частности не изучены проблемы генезиса, что является основанием исследований во всякой предметной области; более того, само понятие и объектно-предметное поле не дефиницированы.

Выборный PR определим в рамках данного исследования на основе структурно-функционального подхода как коммуникативный процесс целенаправленного формирования профессиональными специалистами комплицитности избирателя как объекта коммуникации в интересах базисного субъекта PR в коллаборативной парадигме (наиболее оптимальная двусторонняя симметричная модель, по Грюнигу – Ханту [3]) с целью гармонизации демократических процессов в обществе.

Цель исследования – выявить на основе анализа особенностей российских выборных кампаний с начала 1990-х до середины 2010-х гг. параметры становления и основания периодизации российского электорального PR в контексте генезиса отечественных СО.

Решение выявленной научной проблемы определяет следующие исследовательские вопросы. RQ1: какова специфика генезиса и основания периодизации российских связей с общественностью? RQ2: каковы особенности становления российского электорального PR в контексте генезиса российских связей с общественностью? RQ3: каковы основания периодизации российского электорального PR в период становления?

Объектом исследования являются характеристики становления российского электорального PR в контексте генезиса отечественных СО (1990–2010-е гг.), предметом – особенности периодизации электорального PR периода становления.

Методология и методы исследования. Отсутствие системного научно-теоретического и эмпирического материала, посвященного генезису российского электорального PR, определяет в качестве базовых методологию кабинетного исследования и методы: структурно-функциональный и модельный, включая классификацию моделей PR Грюнига – Ханта (протомодели, односторонние, двусторонние асимметричные, двусторонние симметричные) [3], интервью с экспертами российского политического и электорального PR ($n = 5$, 2020) по выявлению особенностей электорального PR выборных кампаний федерального и регионального уровней в 1990–2010-х гг. (выборы Президента РФ, $n = 6$, 1991–2014; выборы в Государственную Думу РФ, $n = 7$, 1990–2011; выборы глав субъектов РФ, $n = 18$, 1991–2005, 2012–2014).

Особенности генезиса российского PR: базовые основания периодизации

Системная попытка периодизации связей с общественностью предпринимается Петербургской школой PR [4; 5] на основе анализа элементов связей с общественностью как социального института (субъекты, формализо-

ванные организации, специфические социальные нормы, социально значимые функции института). Выделяется три этапа: 1988–1991 гг. – доинституциональный период: появление субъектов профессиональной сферы, оформление первых признаков института; 1991–1994 гг. – первичная институализация: появление специальности 022000 «Связи с общественностью», PR-структур, РАСО; 1994–2000 гг. – вторичная институализация: формирование норм PR как института, развитие образовательной и просветительской деятельности, исследований.

Изучение генезиса отечественных СО в 2000-х гг. дополняется структурно-функциональным и модельным подходами, предложенными одним из авторов статьи [6]; временные рамки периодизации расширяются, поскольку институализация PR не завершена: 1989–1991 гг. – преобладает политический PR, начинает формироваться объектно-субъектная сфера, коммуникационные модели вертикальные односторонние асимметричные; 1991–1995 гг. – наряду с политическим развивается бизнес-PR, аудитории расширяются, объектно-субъектная сфера формируется, модели коммуникации – вертикальные односторонние асимметричные; 1996–2000 гг. – развиваются различные направления PR, расширяется субъектно-объектная сфера, модели коммуникации вертикальные односторонние и двусторонние асимметричные; 2000–2010 гг. – преобладает PR в бизнесе (маркетинговая парадигма), модели коммуникации вертикальные односторонние и двусторонние асимметричные, начинают применяться интернет-технологии (коллаборативная парадигма).

Становление связей с общественностью в современной России с конца 1980-го до 2010-х гг. исторически связано в большей мере с корпоративными СО в маркетинговой парадигме [7]. Модели коммуникации – асимметричные, не изменяются за указанный период, что отражает невысокий уровень взаимодействия базисных и технологических субъектов с аудиториями и социального влияния PR на общественные процессы; институализация PR не завершена.

Незавершенность институализации российских СО позволяет констатировать, что применение данного основания как базового для периодизации хотя и является теоретически корректным, однако не вполне релевантно реалиям отечественного PR, который с момента зарождения так и не был институализирован. Полагаем, что термин «вторичная институализация», предложенный для обозначения данной ситуации Петербургской школой PR, является оксюмороном; возможно фиксировать наличие либо отсутствие институализации. То есть институализация как основание для периодизации в итоге не позволяет определить особенности различных этапов становления связей с общественностью. Институциональные признаки при изучении генезиса и периодизации отечественного PR возможно применять как вспомогательные основания, в качестве базовых параметров – структуру, модели, функции.

De facto особенности становления, характеристики, институализация электорального PR, его влияние на генезис связей с общественностью в России в академических работах в должной мере не отражены.

PR выборных кампаний в России: особенности и модели периода становления

Анализ экспертных интервью ($n = 5$, 2020) в условиях отсутствия релевантного систематизированного эмпирического и научно-исследовательского материала позволяет выявить особенности взаимодействия элементов структуры и модели электоральной PR-коммуникации федерального и регионального уровней, особенности субъект-объектного взаимодействия, функции, а также зафиксировать характеристики институализации российского электорального PR с конца 1980-х по 2010-е гг. (выборы Президента РФ, $n = 6$, 1991–2014; выборы в Государственную Думу РФ, $n = 7$, 1990–2011; выборы глав субъектов РФ, $n = 18$, 1991–2005, 2012–2014) и систематизировать данные о его периодизации на основе структурно-функционального и модельного подходов.

Элементами структуры электоральной PR-коммуникации являются: базисный субъект электоральной PR-коммуникации, участвующий в выборах (политическая партия в случае парламентских выборов, или политик – кандидат в президенты, кандидат в депутаты парламента, другого выборного органа власти) и объект политической коммуникации – избиратель, который должен принять решение об участии в голосовании и проголосовать. Коммуникацию реализуют профессионалы политического PR – технологические субъекты, участвующие в электоральных процессах (внутренние – сотрудники штаба выборной кампании; внешние – консультанты автономные и агентские). Электоральный месседж, который направлен от базисного и технологического субъектов к объекту с целью мотивировать прийти на избирательный участок и сделать выбор в пользу конкретного кандидата (базисного субъекта), реализуется в различных формах электоральных нарративов (рекламные, PR, интегрированные сообщения). Функциями электоральной коммуникации как элемента демократии являются: репрезентация мнений и интересов различных слоев общества, которые выражает кандидат (базисный субъект); разрешение проблем, конфликтов; рекрутирование новой политической элиты; мобилизация населения для поддержки общественно значимых ценностей, а также партийных программ. Обеспечивают коммуникацию регуляторные субъекты – Центральная, территориальная, участковая избирательные комиссии.

Для электорального PR определяющими являются функции законодательного регулирования (в отличие от СО как таковых, на которые законодательство влияет опосредованно), поэтому законодательные органы обозначим как непрямым базисных субъектов. Президент в случае президентских и иных форматов выборов и вне электорального цикла является гарантом политической стабильности; возможно определить его как специфического непрямого базисного метасубъекта.

Зарождение профессионального электорального PR начинается с распадом СССР. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. характеризуется невысоким уровнем релевантности коммуникации всех субъектов и объектов; технологии электорального PR – адаптированные зарубежные, в первую очередь американские, модель коммуникации вертикальная односторонняя асимметричная.

Основная функция электоральной коммуникации – мобилизация населения в поддержку программ базисных субъектов. Отметим, что в России, где демократические выборы не проводились с 1917 до 1989 г., у граждан не было практик самостоятельного выбора субъектов политического процесса, у субъектов всех уровней – практик электоральной коммуникации и PR.

В 1991–1995 гг. сфера избирательных технологий развивается интенсивно (по сравнению с PR в бизнесе и государственной сфере), является наиболее масштабной по объемам работы и бюджетам, количеству специалистов; происходит осознание значимости политического и электорального PR как профессионалами, так заказчиками и обществом. Зарождается индустрия: проводятся первые многочисленные конкурентные выборы разных уровней, включая крупные региональные; выборы демонстрируют активность электората (например, уличная активность, лозунги «Бюрократов к стенке!»); начинается усложнение электоральных нарративов, войны компроматов. Модели коммуникации становятся более структурированными и разнообразными, оставаясь вертикальными односторонними асимметричными. Базисные субъекты слабо информированы о сущности профессиональной политической и электоральной деятельности. Функция выборного PR: мобилизация населения в поддержку базисных субъектов. Спрос на квалифицированных специалистов превышает предложение, при этом непрофессиональные консультанты используют квазитехнологии (так называемый черный PR).

Модель электоральной коммуникации на уровне президентских выборов усложняется: в ходе первых выборов президента РФ в 1991 г. появляется необходимость использовать технологии PR (так, агентство «Никколо М» применяет широкий спектр технологий электоральных связей с общественностью для Б.Н. Ельцина, который, несмотря на рейтинг 4 % в начале кампании, выигрывает). В 1996 г. проходят единственные президентские выборы в два тура, в ходе которых в первом туре ни один из кандидатов не преодолевает 51%-й барьер, во втором туре побеждает Б.Н. Ельцин.

Институализация развивается: отметим минимальное влияние нормативного базисного непрямого метасубъекта и административных участников политической коммуникации (попытки административного давления на избирателей дают обратный эффект), отсутствие фальсификации при подсчете голосов, за исключением отдельных субъектов федерации.

В 1997–2004 гг. из-за экономических проблем (в частности, дефолта 1998 г.) в обществе нарастает безразличие к выборам, снижается явка. Начинается усиление административного регулирования выборных кампаний (согласно новой редакции закона «О выборах президента РФ», вступившей в силу 16 января 2003 г.). Номинальный базисный метасубъект формирует эффективную коммуникацию, на выборах Президента дважды побеждает В.В. Путин (2000, 2004). Объемы электорального PR увеличиваются количественно, объемы внешнего PR-сопровождения снижаются. Административное влияние к середине 2000-х гг. становится определяющим (но не единственным) фактором эффективности базисного субъекта на выборах, что позволяет в качестве элемента структуры электоральной PR-коммуникации вы-

делить административного непрямого базисного субъекта. Знаковым в становлении электорального PR этого периода становится отмена прямых выборов губернаторов в 2004 г. Модели коммуникации – вертикальные одно-сторонние асимметричные. Функции электоральной коммуникации: разрешение конфликтов, рекрутирование новой политической элиты, мобилизация населения в поддержку базисных субъектов.

В 2005–2011 гг. развивается концепция «суверенной демократии», происходит дальнейшее выстраивание «вертикали власти». В 2008 г. на выборах президента из четырех кандидатов с существенным преимуществом побеждает Д.А. Медведев, который благодаря внутренним PR-специалистам предвыборного штаба продвигается как надежный преемник В.В. Путина, и в итоге опережает таких известных электорату соперников, как лидеры ЛДПР В.В. Жириновский и КПСС Г.А. Зюганов.

Функции выборной коммуникации определяются нормативными законодательными непрямыми базисными субъектами, непрямыми базисными административными субъектами и расширяются. Расширяется и функционал PR: легитимация выборов, определение позиции кандидата в будущей Думе; прояснение отношений с другими политическими фигурами и т. д. (так, характерным для кампании 2008 г. является пример электорального нарратива, когда используется портрет кандидата с национальным лидером и слоган «Вместе победим!»). Технологические субъекты все больше внимания уделяют взаимодействию с теми базисными субъектами, которые имеют административный ресурс, поле деятельности внешних профессионалов электорального PR сужается до репрезентации мнений и интересов базисных субъектов, наделенных административным ресурсом. Модели электорального PR: вертикальные асимметричные, *de facto* это модели агитации и пропаганды.

Существенное влияние на развитие электорального PR оказывают многочисленные изменения в законодательстве, которые закрепляют значимость административного ресурса, в частности: запрещение негативной информации о других кандидатах в электронных СМИ; отмена строки в бюллетене «против всех»; изменение правил регистрации партий и кандидатов; полный контроль со стороны местных органов власти процедуры подсчета голосов.

Парламентские выборы 2011 г. отражают новую тенденцию в электоральном PR – активизацию граждан: самоорганизацию для наблюдения за выборами, проведение протестных акций и т. д.

В 2012–2014 гг. законодательные изменения (2012) привели к некоторой либерализации выборной коммуникации. В целом анализ губернаторских выборов в октябре 2012 г. иллюстрирует результаты действия муниципального «фильтра»: кандидаты в пяти регионах (Амурская, Белгородская, Брянская, Рязанская, Новгородская области) выдвигались благодаря подписям депутатов «Единой России», без согласия которых участвовать в выборах не представлялось возможным. Отметим, что другие партии не в состоянии конкурировать с «Единой Россией», которая проводит наиболее организованные региональные кампании.

Появляются новые технологии и функции электорального PR: косвенная агитация (любая деятельность в регионе представляется как заслуга определенной партии); маскировочные технологии (агитация ведется от имени на-

родных движений, например, «За веру, Кубань и Отечество»); спойлерские технологии («Коммунисты России», КПСС – Коммунистическая партия социальной справедливости); проводится дискредитация выборов как таковых (например, в городе Химки).

На президентских выборах в 2014 г. побеждает В.В. Путин, что подтверждает эффективность для базисных субъектов отечественных технологий выборов и выборного PR.

В 2014 г. учреждается Российская ассоциация политических консультантов (РАПК, 75 представителей), что позволяет зафиксировать завершение этапа первичной институализации выборного PR.

Таким образом, структурно-функциональный и модельный подходы позволяют выделить ряд этапов становления российского электорального PR с конца 1980-х по 2010-е гг.: протоэтап конца 1980-х – 1989 г.; этапы: 1989–1996 гг.; 1997–2004 гг.; 2004–2011 гг.; 2012–2014 гг. Временные рамки этапов обусловлены законодательными изменениями, которые определяют базовые параметры выборов различного уровня и их коммуникационного PR-сопровождения. В электоральном PR с момента зарождения формируется и расширяется субъект-объектная сфера, появляются новые специфические для связей с общественностью виды базисных субъектов – нормативные не прямые законодательные, административные, а также нормативный не прямой метасубъект. Условия и контекст выборного процесса и электорального PR благодаря законодательному регулированию постоянно изменяются; статусы и функции нормативных базисных и технологических субъектов и объектов трансформируются; к концу периода первичной институализации основной функцией становится решение задач легитимации власти; объемы деятельности и функции внешних технологических субъектов электорального PR уменьшаются. Модель коммуникации на протяжении всех периодов становления – вертикальная асимметричная, что отражает невысокий уровень влияния электорального PR на общественные процессы и незавершенность его институализации.

Заключение

В исследовании впервые предпринята попытка дефиницирования и выявления особенностей российского электорального PR как процесса коммуникации в период становления.

Электоральный PR в контексте становления выборной системы РФ и отечественных связей с общественностью с момента зарождения в конце 1980-х до середины 2010-х гг. прошел ряд этапов (протоэтап конца 1980-х – 1989 г., 1989–1996 гг.; 1997–2004 гг.; 2004–2011 гг.; 2012–2014 гг.), временные рамки которых определяются в первую очередь законодательными параметрами выборов различных уровней.

Законодательное регулирование выборного процесса представляется одним из базовых условий трансформации целеполагания, структуры, функций электорального PR и de facto основанием периодизации, что отличает данный формат связей с общественностью от прочих (в России СО как таковые прямо или косвенно законами не регулируются).

Периоды становления выборного PR по темпоральности и характеристикам не совпадают с периодами генезиса российского PR, что также позволяет зафиксировать отличие данного направления профессиональной деятельности и его исследований.

Становление российского выборного PR характеризует усложнение моделей политической и электоральной коммуникации на всех уровнях. Поли-субъектность электорального PR является специфической, отличается от субъектности связей с общественностью: законодательные органы выступают не только как регуляторные, но и как номинальные не прямые базисные субъекты; непрямыми базисными субъектами выступают административные структуры; определяющим оказывается участие непрямого базисного мета-субъекта. Функционал выборных кампаний трансформируется в пользу инструментального использования результатов в интересах базисных субъектов. Происходит снижение объемов и сужение функций PR-сопровождения выборов внешними технологическими субъектами. Доминирует вертикальная асимметричная модель коммуникации. Выявленные характеристики генезиса российского электорального PR свидетельствуют о незавершенности его институализации к середине 2010-х гг.

Зафиксированная специфика выборных связей с общественностью в России обуславливает необходимость продолжения разработки релевантной методологии и инструментария их анализа. Представленные в статье методологические основания изучения электорального PR позволяют проводить дальнейшие его исследования на основе впервые примененных в данной работе структурно-функционального и модельного подходов, которые продемонстрировали свою продуктивность.

Ограничения исследования: участие граждан в выборных PR-коммуникациях требует отдельного исследования.

Список литературы

- [1] *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. 328 с.
- [2] *Гринберг Т.Э.* Тенденции развития избирательных коммуникаций: электоральные исследования, стратегии, интернет-технологии // Российская школа связей с общественностью. 2019. № 14. С. 47–58.
- [3] *Grunig E.J., Hunt T.* *Managing Public Relations*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1984.
- [4] *Шишкина М.А.* Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб.: Паллада-медиа; РУСИЧ, 2002. 444 с.
- [5] *Кривоносов А.Д., Филатова О.Г., Шишкина М.А.* Основы теории связей с общественностью. СПб.: Питер, 2018. 288 с.
- [6] *Шилина М.Г.* Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета. М.: РИЦ «Северо-Восток»; НИУ ВШЭ, 2012. 736 с.
- [7] *Горохов В.М., Шилина М.Г.* Генезис и социальная сущность связей с общественностью // Медиаскоп. 2019. № 4. DOI: 10.30547/mediascope.4.2019.5.

References

- [1] *Grachov, M.N.* (2004). *Politicheskaya kommunikatsiya: Teoreticheskiye kontseptsii, modeli, vektory razvitiya* [Political communication: Theoretical concepts, models, vectors of development]. Moscow, Prometej Publ. (In Russ.)

- [2] Grinberg, T.E. (2019). Tendentsii razvitiya izbiratel'nykh kommunikatsiy: Elektoral'nyye issledovaniya, strategii, internet-tekhnologii [Trends in the development of electoral communications: Electoral studies, strategies, Internet technologies]. *Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu* [Russian school of public relations], (14), 47–58. (In Russ.)
- [3] Grunig, E.J., & Hunt, T. (1984). *Managing Public Relations*. New York, Holt, Rinehart & Winston.
- [4] Shishkina, M.A. (2002). *Pablik rileyshnz v sisteme sotsial'nogo upravleniya* [Public relations in the system of social management]. Saint Petersburg, Pallada-media; RUSICH Publ. (In Russ.)
- [5] Krivonosov, A.D., Filatova, O.G., & Shishkina, M.A. (2018). *Osnovy teorii svyazey s obshchestvennost'yu* [Fundamentals of public relations theory]. Saint Petersburg, Piter Publ. (In Russ.)
- [6] Shilina, M.G. (2012). *Tekstogenyye transformatsii infosfery. Metodologicheskiy eskiz stanovleniya Interneta* [Textogenic transformations of the infosphere. Methodological sketch of the Internet formation]. Moscow, RIC “Severo-Vostok” Publ., HSE University. (In Russ.)
- [7] Gorokhov, V.M., & Shilina, M.G. (2019). Genезis i sotsial'naya sushchnost' svyazey s obshchestvennost'yu [Genesis and the social essence of public relations]. *Mediaskop*, (4). (In Russ.) DOI: 10.30547/mediascope.4.2019.5.

Сведения об авторах:

Шилина Марина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна факультета маркетинга Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Минтусов Игорь Евгеньевич, доцент Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

Bio notes:

Marina G. Shilina, Doctor of Philology, Professor at the Chair of Advertising, Public Relations and Design of the Plekhanov Russian University of Economics.

Igor E. Mintusov, Associate Professor of the Graduate School of Journalism and Mass Communications of the Saint Petersburg State University.

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-766-774

УДК 316.77:811.112.2

Научная статья / Research article

Медиарепрезентация политических лидеров: исследовательские подходы

Ч. Линь, О.В. Смирнова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9
linchuanzhao@mail.ru; smirnova.olga@smi.msu.ru

Аннотация. Медиарепрезентация деятельности политических лидеров в СМИ в настоящее время недостаточно хорошо изучена в науке. В данной статье восполняется этот теоретический пробел через рассмотрение существующих научных исследований и отраженных в них подходов к репрезентации политиков. Ее цель – показать, какие подходы к репрезентации деятельности политических лидеров существуют в современной теории медиарепрезентации. Для этого анализируются основные исследовательские подходы к медиарепрезентации политических лидеров. Поскольку журналистика создает политический дискурс отчасти спонтанно, а отчасти продуманно, существует множество подходов к репрезентации деятельности политических лидеров в медиа. Учитывая, что часть контента о политических лидерах создается стихийно, исследовательские подходы, описывающие более продуманный подход к генерированию политического контента в СМИ, особенно интересны в рамках данного исследования. В российских научных исследованиях не встречаются классификации исследовательских подходов к репрезентации деятельности политических лидеров, соответственно, данное исследование обладает новизной. Более того, исследование является одним из первых на тему медиарепрезентации деятельности политических лидеров. Этот процесс и его результаты мало освещены в российской науке. В статье используются методы классификации и сравнительного анализа. Предлагается классификация подходов, которые используются в различных науках, описывается специфика медиарепрезентации. В основе классификации лежит идея о том, что медиарепрезентация – это важный общественный процесс, который осмысливается не только в теории журналистики. Сравнительный анализ осуществляется при сравнении теорий медиарепрезентации. Делается вывод, что такой подход, как моделирование, наиболее интересен с практической точки зрения: моделирование способствует увеличению ответственности журналистов и более осознанному подходу к репрезентации политической жизни общества. Моделирование репрезентации деятельности политических лидеров предполагает, что создание контента о политических лидерах станет менее стихийным, более упорядоченным. Оно может помочь создать ориентир для более адекватной репрезентации деятельности политических лидеров.

Ключевые слова: имидж политического лидера, медиарепрезентация, медиапространство, медиатекст, политический дискурс, политическое лидерство, свобода слова

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Линь Ч., Смирнова О.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: поступила в редакцию – 1 сентября 2020 г.; принята к публикации – 11 октября 2020 г.

Для цитирования: Линь Ч., Смирнова О.В. Медиарепрезентация политических лидеров: исследовательские подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 766–774. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-766-774>

The media presentation of political leaders: research approaches

Chuanzhao Lin, Olga V. Smirnova

Lomonosov Moscow State University
9 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation
linchuanzhao@mail.ru; smirnova.olga@smi.msu.ru

Abstract. The media representation of the activities of political leaders in the media is not well studied in science currently. The article fills this theoretical gap by examining existing scientific research and the approaches to the representation of politicians reflected in various sources. The purpose of the paper is to show what approaches to the representation of the activities of political leaders exist in the modern theory of media representation. The article examines the main research approaches to the media representation of political leaders. Since journalism creates political discourse, partly spontaneously and partly deliberately, there are many approaches to representing the activities of political leaders in the media. Given that some of the content about political leaders is created spontaneously, research approaches that describe a more thoughtful approach to generating political content in the media are especially interesting in this study. In Russian scientific research, there are no classifications of research approaches to the representation of the activities of political leaders; accordingly, this research has a novelty. Moreover, the study is one of the first on the topic of media presentation of the activities of political leaders. This process and its results are poorly covered in Russian science. The paper uses methods of classification and comparative analysis. A classification of approaches used in various sciences and describes the specifics of media presentation is proposed. The classification is based on the idea that media representation is an important social process that is comprehended not only in the theory of journalism. The comparative analysis is carried out when comparing theories of media representation. The conclusion is made that such an approach as modeling is the most interesting from a practical point of view; modeling helps to increase the responsibility of journalists and a more conscious approach to representing the political life of society. Modeling the representation of the activities of political leaders suggests that the creation of content about political leaders will become less spontaneous, more orderly. Modeling can help create a benchmark for a more adequate representation of the activities of political leaders.

Keywords: an image of a political leader, media representation, media space, media text, political discourse, political leadership, freedom of speech

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received – 1 September 2020; revised – 16 September 2020; accepted – 11 October 2020.

For citation: Lin, C., & Smirnova, O.V. (2020). The media presentation of political leaders: Research approaches. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 766–774. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-766-774>

Введение

Политическое лидерство – это деятельность, которая порождает дискурс, в частности журналистский, объединяющий все формы политической коммуникации. Центром политической коммуникации является политический лидер – личность, возглавляющая массы, организующая их жизнь и побуждающая к активному участию в политическом процессе. Лидер действует исходя из тех условий, которые уже сложились в обществе, когда им руководил предыдущий лидер [1].

Имидж политического лидера – это, с одной стороны, целенаправленно конструируемый образ политика, а с другой – следствие дискурса и восприятия этого лидера в обществе. Соответственно, журналистика играет важную роль в конструировании имиджа политического лидера; в то время как в теории журналистики и в других науках рассматривается медиарепрезентация и ее общественное и философское значение.

Теория политического дискурса и понятие медиарепрезентации

Политический дискурс исследовался множеством авторов [2–5], так же как и медиаобраз политического лидера [6–9].

Медиарепрезентация деятельности политических лидеров является предметом исследования как теории журналистики, так и других гуманитарных наук – политологии, философии, лингвистики, социологии, маркетинга и т. д. Само политическое лидерство как феномен тоже изучается этими и другими науками. Теория журналистики описывает медиарепрезентацию деятельности политических лидеров, как правило, с точки зрения влияния политического дискурса на общество и тех инструментов, которые используются в текстах СМИ для создания образа политического деятеля.

Поскольку политика – это одна из важнейших сфер жизни общества, и политические лидеры, руководящие государством на конкретном этапе его развития, являются олицетворением политической сферы. Журналистика, в свою очередь, имеет большой потенциал власти, поскольку журналисты влияют на аудиторию при помощи слова. Каждый медиатекст способен изменить мнение читателей и выполняет пропагандистскую функцию (пропаганда может быть как очевидной, так и неочевидной). В СМИ детально описывается политическая ситуация в конкретной стране и за рубежом, и медиадискурс о политических лидерах зависит от особенностей политического режима государства. Таким образом, политика и журналистика тесно взаимосвязаны, однако эта связь проявляется не исключительно через пропаганду или поддержание демократии в странах, где есть свобода слова – взаимовлияние политики и журналистики бывает не только прямым, но и косвенным [1. С. 444].

С политическим дискурсом все сталкиваются ежедневно – он играет важную роль в обществе. В целом политический дискурс способен сильно влиять на людей, способствуя формированию их политических предпочтений [2. С. 403]. Проблемы власти и политического лидерства постоянно освещаются в СМИ.

Политический дискурс зависит от свободы слова – в либеральных СМИ могут встречаться идеи, которые противоречат сложившемуся в обществе

политическому порядку. Политическая журналистика в зрелом демократическом обществе – это журналистика мнений. Разумеется, эта особенность влияет на разнообразие политического дискурса.

Мнения исследователей о роли журналистики в репрезентации политической жизни

Теория медиарепрезентации только начинает складываться – особенно это касается аспекта репрезентации деятельности политических лидеров. Поэтому исследовательских подходов в этом направлении не так много. Однако мы рассмотрим то, как исследователи медиарепрезентации в целом подходят к описанию этой деятельности, и создадим классификацию исследовательских подходов, исходя из этого, поскольку данные теории можно распространить и на более узкий аспект медиарепрезентации.

Репрезентация деятельности и образа политических лидеров в СМИ зависит от того, есть ли в конкретном обществе свобода слова и цензура. В случае, когда журналисты относительно свободны в выражении своих мыслей, политическая жизнь общества получает репрезентацию в медиа с различных ракурсов. Тогда в СМИ встречаются разнообразные мнения об отдельной политической проблеме или о лидере.

СМИ создают образ политического лидера. Имидж политического лидера складывается из вербальных описаний и визуальных элементов, из репрезентации деятельности лидера и событий, произошедших за время его руководства [10. С. 74]. Политические медиатексты – это главные носители политической информации в медиaprостранстве [11. С. 444].

Далее представлена классификация основных исследовательских подходов к медиарепрезентации политических лидеров.

Основные подходы исследователей к медиарепрезентации политических лидеров

Социологический подход. Е.Г. Ним исследует медиареальность, обращаясь к социологии. Поскольку современное общество развивается под влиянием средств массовой коммуникации, социологический подход позволяет рассмотреть то, как осуществляются социальные взаимодействия при помощи медиа [12. С. 105–107].

Социологический анализ политики как таковой осуществляется многими исследователями – например, П. Бурдые [13]. Что касается медиа, то социология рассматривает массовую коммуникацию как способ и результат взаимодействия индивидов и социальных групп. Медиaprостранство анализирует социальные изменения, поэтому его можно рассматривать как средство конструирования образа реальности конкретного общества.

Семиотический подход. Е.И. Шейгал рассматривает семиотику политического дискурса [14]. С точки зрения семиотики исследуется также медиаобраз политического лидера. Семиотика подразумевает анализ знаков и знаковых систем. Применительно к медиарепрезентации деятельности политических лидеров это означает, что образ политического лидера и политическая реальность рассматриваются как совокупность знаков. Семиотический

подход обеспечивает глубокий анализ политических смыслов и политической ситуации в целом благодаря вниманию к деталям.

Философский подход. М.А. Елисеева осуществляет анализ медиапространства с точки зрения философии. По определению автора, медиапространство – это особая реальность, которая способствует социализации человека. Взаимодействие участников медиапространства осуществляется постоянно, и их ценностные установки влияют на характер коммуникации [15. С. 4]. С философской точки зрения медиа рассматривали и другие исследователи. Например, М. Маклюэн [16] был одним из первых авторов, кто проанализировал влияние медиа на общество и смысл этого влияния. Исследователь уделяет внимание проблеме власти медиа над сознанием человека.

Моделирование. Г.В. Лазутина, Л. Чуаньчжао и О.В. Смирнова исследуют моделирование как метод изучения репрезентации деятельности политических лидеров. Они рассматривают медиарепрезентацию деятельности политиков как сложный процесс, который требует от журналиста особой ответственности. Моделирование как научный метод, как метод познания реальности важно в разных областях деятельности – благодаря этому методу можно создавать модели объектов, существующих в реальности, для познания объектов через более простые модели [17. С. 569–572].

Моделирование применительно к репрезентации деятельности политических лидеров означает, что создание контента о политических лидерах станет менее стихийным, более упорядоченным. Моделирование может помочь создать ориентир для более адекватной репрезентации деятельности политических лидеров.

Моделирование репрезентации деятельности политических лидеров рассматривается в качестве научного метода (и одновременно исследовательского подхода) с точки зрения того, как можно повлиять на качество репрезентации политических лидеров в СМИ, изменив его в лучшую сторону.

Визуализация. В этом подходе рассматривается визуализация политических деятелей с помощью как вербальных, так и невербальных средств. Под визуализацией понимается система семиотических операций, которые направлены на конструирование и трансляцию политических смыслов. Визуальные средства при использовании этого приема в медиа преобладают над визуальными [18].

Особенности визуализации, как правило, зависят от политики конкретного издания. Визуализация при помощи вербальных средств подразумевает словесное описание политических лидеров – оно может быть ярким, с использованием средств выразительности. Визуальные образы дополняют описательную визуализацию политических лидеров. Визуализация может использоваться при описании рядовой деятельности политиков или в особых случаях – например, на выборах. От того, с какой целью используется визуализация, зависит ее яркость и убедительность. Визуализация актуальна потому, что современные СМИ мультимедийны [18].

Интерпретационный подход. Медиапространство и медиарепрезентация – это не объективная реальность, а следствие осмысления журналистами политической жизни общества.

По мнению В.А. Соловьева и А.Н. Моревой, авторы политических медиа-текстов изначально пишут не о фактах, а создают интерпретации политической жизни общества: «Журналист оперирует не информацией, а интерпретацией; зритель или слушатель получает не факты, а интерпретированные события в необходимом для политического курса ключе. Предоставляя готовый интерпретированный информационный продукт и лишая зрителей возможности аналитически мыслить, современные медиа создают иллюзию погружения в событие: каждый зритель становится экспертом» [19. С. 89].

Сравнение подходов

Все описанные нами исследовательские подходы к медиарепрезентации политических лидеров позволяют взглянуть на проблему репрезентации деятельности лидеров с разных сторон. Среди этих подходов неуместно выделять более или менее качественные, аутентичные или уместные – они все раскрывают отдельные аспекты медиарепрезентации.

Учитывая то, что современные гуманитарные исследования тяготеют к междисциплинарности, а сам феномен медиапространства имеет междисциплинарный характер, неудивительно, что многие исследования медиарепрезентации междисциплинальны или содержат более одного подхода. Созданная нами классификация подходов позволяет увидеть науку о медиарепрезентации с разных сторон, показать разные аспекты медиапространства и репрезентации деятельности лидеров.

Однако, на наш взгляд, с практической точки зрения моделирование особенно важно как метод и подход к репрезентации политики. Поскольку часть контента о политических лидерах в СМИ создается стихийно, и нередко такие тексты основаны на субъективном восприятии журналистом деятельности и личности политического лидера. Моделирование данного процесса как момент его изучения потому и важно, что к медиарепрезентации деятельности политиков необходим строгий научный подход.

Заключение

СМИ имеют возможность формировать общественные предпочтения и повестку дня, влиять на мнение аудитории – политический дискурс характеризуется высоким уровнем воздействия на людей. Политические журналисты могут создавать мифы и транслировать идеи, которые способны сподвигнуть граждан к политическому участию. Вместе с тем в журналистике могут быть и относительно свободное слово, и плюрализм идей. Получается, что политическая жизнь общества оказывается представлена в СМИ в разных ракурсах, в медиа можно встретить разные мнения по одной проблеме или об одном лидере (в случае отсутствия жесткой цензуры).

По причине того, что медиа сейчас существенно влияют на сознание аудитории и на политическую вовлеченность граждан, журналистам следует относиться к репрезентации политики с повышенной ответственностью. На этой идее основана концепция моделирования репрезентации деятельности политических лидеров. Такой подход, как моделирование наиболее инте-

ресен с практической точки зрения – моделирование способствует увеличению ответственности журналистов и более осознанному подходу к репрезентации политической жизни общества.

Список литературы

- [1] *Коданина А.Л.* Политика и журналистика как родственные коммуникационные сферы // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 444–447.
- [2] *Акопова Д.Р.* Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2013. № 6. С. 403–409.
- [3] *Берендеев М.В.* Образ и дискурс: к вопросу о дискурсивном характере формирования политических образов // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 6. С. 91–99.
- [4] *Есимбетова С.К.* Дискурс, политический дискурс в языкознании // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. Т. 32. № 12–2. С. 21–25.
- [5] *Chilton P.* *Analysing Political Discourse: Theory and Practice.* London, New York: Routledge, 2004. 240 p.
- [6] *Галинская Т.Н.* Корпусный подход в реконструкции медиаобраза языковой личности политика // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (30). С. 114–124.
- [7] *Зелянская Н.Л.* Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агент политической реальности // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 120–126.
- [8] *Новикова Е.Н.* Технологии и механизмы формирования имиджа политического лидера // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 2. С. 19–25.
- [9] *Петренко Д.В.* Воспроизводство и повторение: медиаобраз между эстетической идентификацией и режимами власти // Гилея: научный вестник. 2016. № 114 (11). С. 225–228.
- [10] *Толкалов А.С.* Сущность политического имиджа: отечественный и зарубежный опыт теоретического осмысления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. Т. 13. № 2. С. 72–75.
- [11] *Линь Ч.* Роль журналистики в репрезентации политической сферы жизни // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 443–445.
- [12] *Ним Е.Г.* Социологический анализ медиареальности: пространственный подход // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 4. С. 105.
- [13] *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
- [14] *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 328 с.
- [15] *Елисеева М.А.* Медиапространство: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 1. С. 4–7. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-4-7.
- [16] *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М. – Жуковский: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
- [17] *Лазутина Г.В., Линь Ч., Смирнова О.В.* Моделирование как метод познания в контексте медиарепрезентации деятельности политической деятельности // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 3. С. 569–584. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).569-584.
- [18] *Кожмякин Е.А., Степаниденко М.С.* Политика визуализации и визуализация политиков: медиарепрезентации кандидатов на пост президента РФ в 2018 году // Дискурс-Пи. 2019. № 3 (36). С. 78–97.
- [19] *Соловьев В.А., Морева А.Н.* Медиатизация как фактор политического воздействия на массовую аудиторию // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 1 (794). С. 89–102.

References

- [1] Kodanina, A.L. (2014). Politika i zhurnalistika kak rodstvennyye kommunikacionnye sfery [Politics and journalism as related fields of communication]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [*Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*], (2–2), 444–447. (In Russ.)
- [2] Akopova, D.R. (2013). Strategii i taktiki politicheskogo diskursa [Strategies and tactics of political discourse]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [*Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*], (6), 403–409. (In Russ.)
- [3] Berendeev, M.V. (2011). Obraz i diskurs: K voprosu o diskursivnom haraktere formirovaniya politicheskikh obrazov [Image and discourse: On the question of the discursive nature of the formation of political images]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* [*Bulletin of the Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*], (6), 91–99. (In Russ.)
- [4] Esimbetova, S.K. (2017). Diskurs, politicheskij diskurs v yazykoznanii [Discourse, political discourse in linguistics]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennoy mire* [*Actual scientific research in the modern world*], 32(12–2), 21–25. (In Russ.)
- [5] Chilton, P. (2004). *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London, New York, Routledge.
- [6] Galinskaya, T.N. (2014). Korpusnyj podhod v rekonstrukcii mediaobraza yazykovoj lichnosti politika [Corpus approach to reconstructing the media image of the language personality of a politician]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [*News of higher educational institutions. Volga region. Humanities*], 30(2), 114–124. (In Russ.)
- [7] Zelyanskaya, N.L. (2014). Mediaobraz politika: Internet-soobshchestvo kak agent politicheskoy real'nosti [Media image of politics: Internet community as an agent of political reality]. *Politicheskaya lingvistika* [*Political linguistics*], (4), 120–126 (In Russ.)
- [8] Novikova, E.N. (2009). Tekhnologii i mekhanizmy formirovaniya imidzha politicheskogo lidera [Technologies and mechanisms for forming the image of a political leader]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennyye nauki* [*News of higher educational institutions. Volga region. Social science*], (2), 19–25. (In Russ.)
- [9] Petrenko, D.V. (2016). Vosproizvodstvo i povtorenie: Mediaobraz mezhdue esteticheskoy identifikaciej i rezhimami vlasti [Reproduction and repetition: Media image between aesthetic identification and power regimes]. *Gileya: Nauchnyj vestnik* [*Gilea: Scientific Bulletin*], 114(11), 225–228. (In Russ.)
- [10] Tolkalov, A.S. (2013). Sushchnost' politicheskogo imidzha: Otechestvennyj i zarubezhnyj opyt teoreticheskogo osmysleniya [The essence of political image: domestic and foreign experience of theoretical understanding]. *Izvestia Saratovskogo universiteta. Novaya seria. Seriya Sociologiya. Politologiya* [*Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Sociology. Politology*], 13(2), 72–75. (In Russ.)
- [11] Lin, C. (2020). Rol' zhurnalistiki v reprezentacii politicheskoy sfery zhizni [The role of journalism in the representation of the political sphere of life]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [*World of science, culture, education*], 3(82), 443–445. (In Russ.)
- [12] Nim, E.G. (2011). Sociologicheskij analiz mediareal'nosti: Prostranstvennyj podhod [Sociological analysis of media reality: A spatial approach]. *Sovremennyye issledovaniya social'nykh problem* [*Contemporary studies of social problems*], (4), 105. (In Russ.)
- [13] Bourdieu, P. (1993). *Sociologiya politiki* [*Sociology of politics*]. Moscow, Socio-Logos Publ. (In Russ.)
- [14] Shejgal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [*Semiotics of Political Discourse*]. Moscow, Gnozis Publ. (In Russ.)
- [15] Eliseeva, M.A. (2019). Mediaprostranstvo: Social'no-filosofskij analiz [Media space: Socio-philosophical analysis]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [*Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*], 19(1), 4–7. (In Russ.)

- [16] McLuhan, M. (1999). *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York.
- [17] Lazutina, G.V., Lin, C., & Smirnova, O.V. (2019). Modelirovanie kak metod poznaniya v kontekste mediarepresentacii deyatel'nosti politicheskoy deyatel'nosti [Modeling as a Method of Cognition in the Context of the Study of Leaders Representations]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Theoretical and practical issues of journalism]*, (3), 569–584. (In Russ.) DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).569-584.
- [18] Kozhemyakin, E.A., & Stepanidenko, M.S. (2019). Politika vizualizacii i vizualizaciya politikov: Mediarepresentacii kandidatov na post prezidenta RF v 2018 godu [Visualization policy, visualization and politicians: Media representations of candidates for the presidency of the Russian Federation in 2018]. *Discourse-Pi*, 3(36), 78–97. (In Russ.)
- [19] Solovev, V.A., & Moreva, A.N. (2018). Mediatizaciya kak faktor politicheskogo vozdejstviya na massovuyu auditoriyu [Mediatization as a factor of political influence on the mass audience]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social science]*, 1(794), 89–102. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Линь Чуаньчжао, аспирантка кафедры периодической печати факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Смирнова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой периодической печати факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Bio notes:

Chuanzhao Lin, graduate student of the Department of Periodical Press of the Faculty of Journalism of the Lomonosov Moscow State University.

Olga V. Smirnova, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Periodical Press of the Faculty of Journalism of the Lomonosov Moscow State University.

АКСИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

AXIOLOGY OF MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-775-786

УДК 070.13

Научная статья / Research article

**Проект закона «О медиа» № 2693:
новые ограничения свободы СМИ на Украине****Ш.Н. Кадырова, А. Фомин**

Российский университет дружбы народов

*Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2**kadyrova_shn@rudn.ru; aksudent_rudn@rambler.ru*

Аннотация. Проведен анализ проекта закона «О медиа» № 2693, представленного на рассмотрение Верховной Радой Украины (ВРУ) в декабре 2019 года. Официальным поводом к его разработке послужило отсутствие рабочих механизмов обеспечения информационной безопасности и защиты национального медиaprостранства Украины в условиях гибридной войны. Основная задача исследования – определить с позиции нейтрального к процессу научного сообщества место законопроекта в реформируемой системе правового регулирования деятельности СМИ Украины. (В пользу системной политики реформ медийной отрасли Украины говорит находящийся также на рассмотрении ВРУ следующий проект закона «О дезинформации»). С этой целью был проведен детальный контент-анализ, который показал, что в перспективе двусмысленные формулировки принимаемого документа на этапе его правоприменения оставляют контролирующим органам свободу трактовать их в зависимости от интересов сторон, а не исходя из буквы закона. Ключевым для понимания рисков, связанных с его вступлением в силу, является раздел, посвященный Национальному совету Украины по вопросам телевидения и радиовещания, в чьей юрисдикции будут находиться все аспекты деятельности медиаструктур страны, включая экономические. Таким образом, предлагаемый материал может представлять интерес и рассматриваться как вклад в дело выработки критериев комплексного научного анализа законодательства, регламентирующего деятельность медийных структур, в то время как необходимость участия научного сообщества в разработке подобных документов и публичная дискуссия на этапе их подготовки выглядят очевидными.

Ключевые слова: законопроект, цензура, интернет-СМИ, правовой регулятор, свобода слова, Украина, О медиа № 2693, дискриминация, санкции, контролирующие органы, ответственность СМИ, блогеры, правоприменительная практика

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию – 12 сентября 2020 г.; принята к публикации – 9 октября 2020 г.

Для цитирования: Кадырова Ш.Н., Фомин А. Проект закона «О медиа» № 2693: новые ограничения свободы СМИ на Украине // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 775–786. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-775-786>

Draft law “On Media” No. 2693: new restrictions of freedom of media in Ukraine

Shuanat N. Kadyrova, Alexander Fomin

Peoples Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
kadyrova_shn@rudn.ru; aksudent_rudn@rambler.ru

Abstract. The analysis of the draft law “On Media” No. 2693, submitted for consideration by the Verkhovna Rada of Ukraine in December 2019. The official reason for its development was the lack of working mechanisms to ensure information security and protection of the national media space of Ukraine in a hybrid war. The main task of our study is an attempt to determine the place of the bill in the reformed system of legal regulation of the media in Ukraine, from a position neutral to the process of the scientific community. (The following draft law “On Misinformation”, which is also under consideration by the Verkhovna Rada, speaks in favor of a systematic policy of reforms in the media sector of Ukraine). To this end, a detailed content analysis was conducted, which showed that the potentially ambiguous wording of the adopted document at the stage of its enforcement leaves the regulatory authorities free to interpret them depending on the interests of the parties, rather than on the letter of the law. The key to understanding the risks associated with its entry into force is the section on the National Television and Radio Broadcasting Council of Ukraine, which will have jurisdiction over all aspects of the country's media structures, including economic ones. Thus, the proposed material may be of interest and be considered as a contribution to the development of criteria for a comprehensive scientific analysis of the legislation governing media structures, while the need for the participation of the scientific community in the development of such documents and public discussion at the stage of their preparation is obvious.

Keywords: bill, censorship, Internet media, legal regulator, freedom of speech, Ukraine, On Media No. 2693, discrimination, sanctions, controlling authorities, media liability, bloggers

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received – 12 September 2020; revised – 29 September 2020; accepted – 9 October 2020.

For citation: Kadyrova, Sh.N., & Fomin, A. (2020). Draft law “On Media” No. 2693: New restrictions of freedom of media in Ukraine. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 775–786. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-775-786>

Свобода слова – одно из основных личных прав человека и политических прав граждан, составная часть свободы информации. Согласно ежегодному рейтингу неправительственной организации *Freedom of the Press* о состоя-

нии свободы СМИ в странах мира, Украина занимает 113-е место (2017) и находится в категории «частично свободных СМИ»¹. Международные правовые и профессиональные организации стабильно относят Украину к проблемным странам, ссылаясь на ограничения работы СМИ, цензуру и нападения на журналистов.

Между тем тема свободы слова и проблема независимости СМИ остаются актуальными для научных исследований и становятся предметом горячих споров на площадках научно-практических конференций, как в области журналистика, так и права [1. С. 62–66]. Детально изучает проблемы свободы СМИ в Украине до 2014 года Л.М. Городенко [2. С. 51–58]. Современной ситуации посвящен ряд работ таких авторов, как Т.В. Романенко [3. С. 276], изучающей обострение ситуации вокруг СМИ после событий Евромайдана, а также Т.Н. Слинько [4] и А.О. Червяцова [5], занимающихся проблемой свободы выражения мнений в Интернете.

Отдельно следует отметить научное исследование В.А. Козырь «Социокультурные смыслы концептуальной модели Украина – Россия в массмедийном контенте», где описываются ситуации, с которыми сталкиваются авторы публикаций, посвященных вопросам украинско-российских взаимоотношений [6. С. 10].

Юридические аспекты подробно рассматриваются Л.В. Ярмол в работе «Свобода выражения взглядов и проблемы их юридического обеспечения на Украине», где отмечается, что в государстве недостаточный уровень обеспечения безопасности журналистов и неэффективный механизм расследования преступлений против них [7]. Немалое внимание правовой безопасности журналистов уделяет и В.Ф. Иванов, автор ряда монографий, среди которых «Законодательство о средствах массовой информации: украинский и зарубежный опыт» и «Общественное вещание: независимость, свобода слова и программное разнообразие» [8; 9].

Но динамично меняющееся правовое поле страны не позволяет исследователям оперативно реагировать на вызовы, которые стоят перед СМИ сегодня.

Таковыми мало изученными вызовами в 2020 году являются законодательные инициативы в сфере контроля за работой медиа и усиления цензуры. Одним из фундаментальных законопроектов является законопроект «О медиа» № 2693, который был зарегистрирован 27 декабря 2019² в Верховной Раде Украины (далее – ВРУ). Он состоит из 124 статей на 174 страницах³.

Вероятность того, что закон будет принят, очень высока и, на наш взгляд, именно он формирует законодательную архитектуру работы медиа. Наша задача выявить угрозы и слабые стороны проекта закона, которые могут суще-

¹ Рейтинг стран мира по уровню свободы средств массовой информации // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/freedom-of-the-press> (дата обращения: 20.09.2020).

² По состоянию на октябрь 2020 года законопроект находится на рассмотрении парламента.

³ Проект закона Украины «О медиа» № 2693 от 27 декабря 2019 года // Портал Верховной Рады Украины. URL: https://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=67812 (дата обращения: 20.09.2020).

ственно снизить уровень свободы слова в Украине и, более того, права граждан, закрепленных в Конституции Украины (ст. 34).

Парламентарии считают, что действующее законодательство Украины в сфере средств массовой информации, принятое в 1993–2006 годах, является устаревшим и не соответствует современному уровню технологического развития в сфере медиа. Как следствие:

1) вопреки принципу технологической нейтральности, законодательством установлены различные правовые режимы для одних и тех же медиа, в зависимости от формы их выпуска (печатные, электронные и т. п.);

2) некоторые формы существования медиа находятся вне правового поля (не подпадают под действие требований, запретов или ограничений, которые установлены для таких же медиа, выходящих в иной форме). Так, законодательством предусматривается регулирование «классического» ТВ (эфир, спутник, кабель) при полном отсутствии регулирования в отношении новых способов распространения ТВ (IPTV, OTT), видео на заказ и платформ совместного доступа к информации;

3) законодательство содержит целый ряд устаревших и неэффективных процедурных норм, касающихся регистрации и/или лицензирования деятельности в сфере медиа, документооборота и т. п., допускает правовую неопределенность при осуществлении регуляторных и надзорных полномочий в сфере медиа;

4) законодательство не предусматривает действенных механизмов защиты национального медиа-пространства Украины и построения информационной среды, способной противостоять реалиям гибридной войны и угрозам информационной безопасности.

Проведенный нами анализ свидетельствует, что законопроект призван отрегулировать деятельность не только официальных средств массовой информации, но и любых поставщиков информации. Тем самым тотально расширяется зона действия закона, вплоть до отдельных пользователей сети Интернет.

Так, в законопроекте в ст. 1 раздела «Общие положения» даются две формулировки:

1) «медиа – средство распространения массовой информации в любой форме, которое периодически или регулярно выходит в свет под постоянным названием в качестве индивидуализирующего признака»;

2) «онлайн-медиа – медиа, которое распространяет информацию в текстовой, аудио, визуальной или другой форме в электронном (цифровом) виде при помощи сети Интернет, в том числе с использованием программного обеспечения и устройств для интерактивных массовых коммуникаций».

Под вышеуказанные формулировки подходит кто и что угодно. Оставим пока в стороне дискуссионный вопрос о статусе блогеров, подпадающих под определение «медиа, которое распространяет информацию в текстовой, аудио, визуальной или другой форме...». На наш взгляд, один из существенных недостатков этого закона именно в том, что и он не дает четкого ответа на данный вопрос, а лишь еще больше размывает понятия. В конце концов, вопрос об ответственности за публикуемый контент напрямую связан с количеством

подписчиков. Между тем указанным в законе характеристикам соответствуют даже украинские торговые площадки, к примеру, такие, как OLX, Auto.rua или Prom.ua, поскольку и они распространяют информацию в текстовой и визуальной форме. При этом в законопроекте представлен перечень исключений, но в столь неясных формулировках, что контролирующие органы могут их попросту игнорировать. Например, указано, что сфера действия закона не будет касаться распространения массовой информации физлицами, которые не действуют как медиа. То есть логично предположить, что блогеры или лидеры общественного мнения как раз находятся вне действия данного закона.

Немного ясности вносит ст. 2.1. раздела «Общие положения», которая указывает, что закон не распространяется на физлица-предпринимателей или юридические лица, которые распространяют информацию на своих веб-сайтах, если *распространение информации не является их основным видом деятельности*. Однако с точки зрения соблюдения и правоприменения данная трактовка также выглядит зыбкой, ибо сегодня невозможно представить себе компанию, одной из основных видов деятельности которой не являлось бы распространение информации о ее назначении, товарах и услугах.

Также вне сферы действия закона – корреспонденция, которая присылается пользователям (то есть рассылка рекламы или анонсов), за исключением распространения массовой информации. Таким образом, если в рассылке будут новости, она уже подлежит регулированию.

Законодатели исключили из сферы действия закона онлайн-игры в Интернете, информацию на веб-сайтах органов власти, а также коммуникационные сети в жилых домах и технологические электронные коммуникационные сети закрытого типа, кроме отелей, ресторанов, транспорта, где предоставляется медиасервис. То есть, если в поезде на экране будет транслироваться какая-то новостная информация, она уже подпадает под этот закон.

Курировать весь процесс будет Национальный совет по вопросам телевидения и радиовещания (далее – Нацсовет). Его обновленные полномочия, статус, задачи закреплены в специальном разделе VI «Национальный совет Украины по вопросам телевидения и радиовещания и его полномочия». Если до сих пор данная государственная структура занималась только телевидением и радио, то после принятия закона она будет отвечать за все медиа (включая газеты и интернет-сайты), провайдеров и поставщиков коммуникационных услуг⁴.

Нацсовету даются очень широкие полномочия, что закрепляется в ст. 88 раздела VI «Полномочия Национального совета». После принятия закона именно этот орган и будет решать все спорные вопросы, кто является или не является медиа, в отношении какого медиа следует предпринять санкции (вплоть до закрытия) и прочее.

Например, Нацсовет получит право карать за отказ раскрывать структуру собственности медиа и публиковать исходные данные. Или за отказ в про-

⁴ Проект Закона Украины «О медиа» № 2693 от 27 декабря 2019 года // Портал Верховной Рады Украины. URL: https://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=67812 (дата обращения: 20.09.2020).

ведении проверки. При этом под «проверкой» теоретически подразумеваются прямые визиты в редакцию.

Из текста следует также, что Нацсовет получит право обращаться в суд, правоохранительные органы, органы государственной власти в случае нарушения медийного законодательства с заявлениями об изъятии тиража печатного СМИ, о блокировании контента интернет-сайта или же с требованием привлечь к дисциплинарной, гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности собственников СМИ, редакторов и журналистов.

Есть и список «нарушений» из 29 пунктов, которые считаются «значительными» или «грубыми», после чего Нацсовет может обратиться в суд с требованием аннулирования лицензии для СМИ или блокировки онлайн-издания. Вот лишь некоторые из них:

- распространение информации о коммунистическом режиме;
- нарушения языкового законодательства;
- любая популяризация государства-агрессора (в разделе X «Переходные положения» в пп. 19 зафиксировано, что на момент принятия закона таковым государством является Российская Федерация) и пр.

Органом контроля за нарушениями, согласно ст. 94, станет отдельная структура в рамках совместного регулирования, в которую войдут зарегистрированные Нацсоветом медиа. Это подразделение будет экспертно оценивать нарушения в информационном поле. Для принятия решений необходимо будет набрать 55 % голосов. Эту оценку будет учитывать Нацсовет при вынесении решений по применению санкций в отношении СМИ (в том числе штрафов, лишения лицензий и блокировке).

Определения «нарушений», по мнению самого профессионального сообщества, предполагают их некоторую политическую мотивированность, а их «размытость» может послужить еще одним источником ограничения свободы слова [10]. Рассмотрим некоторые подробнее.

В перечне нарушений, за которые будет карать Нацсовет – высказывания, считающиеся дискриминационными относительно отдельных лиц или групп на основании их этнического происхождения, гражданства, расы, религии, веры, возраста, пола, физических недостатков, состояния здоровья, сексуальной ориентации или другие признаки. На первый взгляд, все в рамках закона и порядка. Однако мы видим, что дискриминации по языковому признаку в проекте не оказалось, видимо, его авторы не считают ущемление прав неукраиноязычных граждан нарушением законодательства. Хотя ст. 24 Конституции Украины четко закрепляет защиту граждан от языковой дискриминации.

При этом законопроект прямо обязывает сами медиа соблюдать нормы спорного языкового законодательства Украины⁵. Это определено отдельной ст. 41 «Украинский язык в сфере аудиовизуальных медиа». Таким образом, по нашему мнению, в тексте законопроекта закладывается основа для будущих конфликтов при его использовании на практике.

⁵ Венецианская комиссия в своем отчете от 9 декабря 2019 года № 960/2019 назвала украинский закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» дискриминационным и противоречащим ряду международных обязательств Украины.

Напомним, с 16 мая 2022 года, согласно закону «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», должны будут полностью украинизироваться интернет-СМИ, зарегистрированные на Украине. Страничка на украинском языке должна будет загружаться автоматически, а функцию чтения материалов на русском языке предполагается создавать дополнительной, по желанию. Странички СМИ в социальных медиа, например, в Facebook или Instagram, также переведут на украинский язык. То же самое касается мобильных приложений медиа. Эта норма не касается крымско-татарских СМИ, англоязычных и СМИ, которые выходят на официальных языках Евросоюза⁶.

Таким образом, можно предположить, что, если после 16 мая 2022 года любое онлайн-медиа будет подавать информацию на русском языке, это может служить основанием для санкций.

Также в законопроекте есть прямой запрет на позитивное изображение коммунистических деятелей СССР, от секретарей райкомов и выше, а также советских органов правопорядка (кроме тех лиц, которые развивали украинский язык и культуру).

После вступления закона в силу говорить о том, сколько дорог, больниц, самолетов или заводов построили при коммунистах, будет запрещено (или нельзя будет упоминать, что это сделали власти СССР).

В законопроекте есть и прямой запрет на «оправдание оккупации» части Украины (ст. 110), а также отрицание территориальной целостности страны. Теоретически этот пункт можно трактовать как запрет говорить о любых позитивных процессах на неподконтрольных территориях Донбасса и в Крыму (например, о постройке Крымского моста), которые в теории могут «оправдать оккупацию».

Или, к примеру, нельзя будет говорить, что коммунальные тарифы в Донецке ниже, чем на подконтрольной территории Украины. То есть разрешается только критиковать жизнь за линией разграничения.

В законопроекте также имеется раздел IX, который касается ограничений работы СМИ, освещающих события на Донбассе. После принятия закона этот раздел будет действовать, пока Верховная Рада не отменит статус «государства-агрессора» («государства-оккупанта»).

Итак, медиа запрещается обнародовать материалы, содержащие популяризацию или пропаганду органов государства-агрессора, его должностных лиц и организаций. А также их действий или заявлений, оправдывающих вооруженную агрессию и нарушение территориальной целостности Украины. В том числе публичное отрицание указанных действий. К слову, вышеуказанные нарушения относятся к «грубым» и могут повлечь за собой закрытие СМИ.

Это значит, что нельзя, например, транслировать никаких выступлений российских чиновников, включая руководителей высшего звена, если в нем говорится о достижениях России или присутствует позиция в отношении

⁶ Закон Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» от 25 апреля 2019 года // Портал Верховной Рады Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19> (дата обращения: 20.09.2020).

Крыма. То есть вводится полный запрет на любую положительную информацию из РФ.

Будет запрещено публиковать недостоверные материалы о вооруженной агрессии и действиях государства-агрессора, его должностных лиц и организаций. Это означает, что «достоверной» информацией могут признать только, например, данные Штаба операции объединенных сил, а давать разные точки зрения на происходящее на Донбассе будет нельзя.

Отдельным пунктом упомянут запрет на любое положительное освещение деятельности органов власти государства-агрессора. Это значит, что нельзя будет освещать положительные новости даже социально-бытового порядка, как скажем, увеличение размера материнского капитала в России без упоминания, что тысячи россиян на Донбассе обстреливают украинцев.

Нацсовет также получает право штрафовать любые медиа за невыполнение его требований, что зафиксировано в пп. 6 ст. 110. Например, за одно из вышеупомянутых нарушений для аудиовизуальных или печатных СМИ придется выплатить – до 75 размеров минимальной заработной платы (почти 355 тысяч гривен или около 950 тысяч рублей).

Более того, Нацсовет получит право составлять списки лиц, угрожающих национальному медиапространству. Если сейчас для формирования списка лиц, угрожающих национальной безопасности, требуются обращения Службы безопасности Украины (СБУ), то после принятия закона Нацсовет сможет составлять и обнародовать такие списки самостоятельно.

Основания для включения в список весьма обширны: уголовное дело за преступление против основ нацбезопасности, наличие персональных санкций, предусмотренных законом о санкциях, или же факт умышленного распространения информации, которая подпадает под запрет. Решение о включении кого-либо в такой список Нацсовет может принять на первом же заседании после выявления причины.

Интересно, что само понятие «угроза национальному медиапространству» в проекте отсутствует. Поэтому попасть в список лиц, угрожающих национальному медиапространству сможет кто угодно. Например, СМИ, показавшее, где празднует Новый год глава государства, или депутат, публично заявивший о необходимости внести изменения в языковое законодательство, или любой блогер за малейшую критику власти и позитивного упоминания о России.

Кстати, если вносить в «список угроз» Нацсовет может просто по своему желанию, то для исключения человека из такого списка понадобится специальное решение суда.

Интересно, что прямым образом регулировать видеохостинги и соцсети вроде YouTube или Facebook законопроект не может, но может сделать блогеров персонами нон грата, угрожающими национальному медиапространству. Если публикация такого поста блогера появится в онлайн-медиа, санкции обрушатся и на него.

Крайней мерой наказания для онлайн-медиа станет блокировка на уровне провайдера. То есть в случае, если сайт нарушит вышеупомянутые ограничения, Нацсовет обращается в суд и по сокращенной процедуре (без вызова

представителей сайта на заседание) в течение двух дней может быть вынесено решение о запрете распространения медиа на территории Украины. Интернет-провайдерам будет запрещено предоставлять доступ пользователям сети Интернет к этому сайту.

В первоначальном варианте проекта о блокировке говорилось только о том, что запрет распространения медиа реализуется в форме ограничения доступа к онлайн-медиа. Но затем законодатели детально расшифровали, что означает эта блокировка: решения по блокировке сайтов законодатели доверили только одному суду в стране, Киевскому окружному административному суду (раздел X «Переходные положения»).

По ныне действующему законодательству заблокировать сайт можно лишь после того, как будут доказаны в юридическом порядке случаи нарушения закона, например расследованы уголовные дела по контенту сайта. И это должен быть полноценный состязательный судебный процесс.

После вступления закона в силу ни о каком полноценном судебном процессе речи не будет. Кстати, если сайт оспорит решение о блокировке (на это ему дается 10 дней), то Нацсовет также имеет право рассматривать этот запрос в течение 10 дней. Если сочтет нарушения устраненными, то снова обращается в суд (в этом случае сокращенное производство уже не предусмотрено) и после его решения сайт «включат». Простой сайта может длиться минимум 3 недели просто потому, что чиновникам не понравится что-либо из публикаций или обычных репостов. Если провайдеры ослушаются и не выполнят решение о блокировке, то за нарушение предписания их также ждут санкции – штраф в размере до 75 минимальных заработных плат.

Законопроект даже в своей доработанной форме пока вносит раскол с отраслевое сообщество Украины, значительная часть которого видит угрозу введения прямой цензуры, нарушение которой открывает путь к санкциям против медиа. Примечательно, что и противники, и сторонники закона сходятся во мнении, признавая проблемными следующие положения проекта:

- слишком широкие полномочия Национального совета по вопросам телевидения и радиовещания по регулированию и контролю за распространением информации, причем не только за телерадиовещателями, но и за любой информационной деятельностью, включая обнародование информации печатными СМИ, незарегистрированными онлайн-медиа, блогерами и корреспондентами социальных сетей;

- введение института сорегулирования без четкого определения полномочий участников такого сорегулирования и разделения полномочий между ними;

- сугубо декларативные нормы о соблюдении профессиональных стандартов журналистики;

- сохранение старых неэффективных норм законодательства, которые должны предотвращать чрезмерную концентрацию аудиовизуальных медиа в руках одного владельца. [11].

Итак, подробный анализ законодательной инициативы позволяет сделать следующие выводы.

1. В случае ее принятия в Украине возникает угроза усиления контроля работы всех средств массовой информации, включая интернет-СМИ (на дан-

ный момент их работа не регулируется), а также независимых блогеров и телеграм-каналов. Кроме громоздкой системы контроля, будет введена законодательная цензура, направленная на ограничение объективного освещения ситуации в России, на Донбассе и исторического прошлого СССР/УССР.

2. Основным инструментом воздействия на нарушителей станут штрафы и блокирование работы редакций. Так, Национальный совет по вопросам телевидения и радиовещания (Нацсовет) получит право штрафовать любые медиа за невыполнение новых требований. В отдельных случаях допускается обращение регулятора в суд, где по сокращенной процедуре деятельность любого медиа может быть заблокирована, что, в свою очередь, негативно отразится на базовых правах и свободах граждан, в частности, закрепленных в Конституции Украины (ст. 34), где каждому гарантируется право на свободу мысли и слова, свободное выражение своих взглядов и убеждений, и в Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод от 1950 года.

3. Контент-анализ статей проекта позволяют делать вывод, что формулировки ряда положений и терминов законопроекта позволяют неоднозначную трактовку, что в условиях нестабильной украинской демократии может привести к давлению на ряд оппозиционных медиа и их собственников.

4. Наличие оценочных категорий, как «чрезмерная концентрация» (п. 1 ч. 1 ст. 43), «минимальные данные» (ч. 2 ст. 53) и ряда других, несвойственных правовой лексике, в перспективе оставляют для контролирующих органов свободу трактовать закон по своему усмотрению.

5. Весьма спорным является и введение новых критериев ответственности для СМИ. На сегодняшний день ответственность СМИ предусматривается конкретным статьям Уголовного Кодекса Украины: призывы к нарушению территориальной целостности, разжигание межнациональной розни и прочее. За недостоверную информацию медиа отвечают по гражданскому кодексу: по искам о защите чести и достоинства либо по обвинениям в публикации недостоверной информации медиа отвечает сообразно причиненному ущербу. В дополнение к тому, в настоящее время в Верховной Раде Украины находится проект Закона «О дезинформации и внесении изменений в другие нормативно-правовые акты»⁷.

Таким образом, по нашему мнению, введение дополнительных санкций нерационально в рамках рассмотренного законопроекта «О медиа» и является ни чем иным, как попыткой введения прямой государственной цензуры.

Список литературы

- [1] Медіа. Бізнес. Громадськість. Влада: взаємодія на шляху до євроінтеграції [Медиа. Бизнес. Общество. Власть: взаимодействие на пути к евроинтеграции] // Регіональні засоби масової інформації, бізнесові структури та органи місцевого самоврядування: взаємодія на шляху до євроінтеграції (досвід України та Польщі) [Региональные средства массовой информации, бизнес-структуры и органы местного самоуправления: взаимодействие на пути к евроинтеграции (опыт Украины)]

⁷ Проект Закона Украины «О дезинформации и внесении изменений в другие нормативно-правовые акты» // Сайт Министерства культуры, молодежи и спорта Украины. URL: http://mkms.gov.ua/files/pdf/Disinformation_Draft_2020.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

- и Польши)]; матеріали укр.-пол. наук.-практ. конф. / ред. І. Бакушевич, К. Кашуба. Тернопіль: ТІСІТ, 2003. 255 с.
- [2] *Городенко Л.М.* Поняття «масова свідомість»: принципи формування і демасифікації [Понятие «массовое сознание»: принципы формирования и демасификации] // *Українське журналістикознавство*. 2013. Вип. 14. С. 62–66.
- [3] *Романенко Т.В.* Свобода слова в медійному просторі сучасної України [Свобода слова в медийном пространстве современной Украины] // *Молодий вчений*. 2016. № 12.1 (40). С. 275–278.
- [4] *Слінько Т.М., Миць А.М.* Проблеми реалізації права на свободу слова в інформаційних інтернет-джерелах [Проблемы реализации права на свободу слова в информационных интернет-источниках] // *Проблеми законності*. 2018. Вип. 142. С. 22–33.
- [5] *Червяцова А.О.* Свобода вираження поглядів та інтернет: аналіз практики Європейського суду з прав людини [Свобода выражения мнения и интернет: анализ практики Европейского суда по правам человека] // *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: Право*. 2014. № 1106. Вип. 17. С. 44–48.
- [6] *Козир Ю.А.* Концепт «Україна – Росія» в масмедійному дискурсі як теоретична проблема [Концепт «Украина – Россия» в массмедийном дискурсе как теоретическая проблема] // *Наукові записки Інституту журналістики*. 2013. Т. 53. С. 15–19.
- [7] *Ярмол Л.В.* Свобода вираження поглядів та проблеми юридичного забезпечення її реалізації в Україні (теоретико-правове дослідження) [Свобода выражения мнения и проблемы юридического обеспечения реализации в Украине (теоретико-правовое исследование)]: монографія. Львів: Ліга-Прес, 2018. 464 с.
- [8] *Іванов В.Ф.* Законодавство про засоби масової інформації. Український та зарубіжний досвід [Законодательство о средствах массовой информации. Украинский и зарубежный опыт]. Київ: Київський університет, 1999. 188 с.
- [9] *Іванов В.Ф. и др.* Суспільне Мовлення: незалежність, свобода слова і програмна різноманітність [Общественное Вещание: независимость, свобода слова и программное разнообразие]. Київ: Посольство ФРН, 2007. 22 с. (Серія «Політична освіта» / Фонд Кондрада Аденауера).
- [10] *Борзенко Т.* «Детектор меди» нарушає журналістські стандарти, за которые сам же ратуєт / Українські новини. URL: <https://ukranews.com/news/553852-detektor-medya-narushaet-zhurnalistyskye-standarty-za-kotorye-sam-zhe-ratuet-smy> (дата обращения: 20.08.2020).
- [11] *Обух В.* Доработанный законопроект о медиа: большинство «острых углов» сгладили // *Укринформ*. 2020, 13 июля. URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-politics/3062081-dorabotannyj-zakonoproekt-o-media-bolsinstvo-ostryh-uglov-sgladili.html> (дата обращения: 01.10.2020).

References

- [1] Bakushevich, I. & Kashuba, K. (Eds.). (2003). *Media. Business. Public. Vlada: Vzaimosiy na shlyahu do Evropeyskoy Integratsii* [Media. Business. Public. Power. Interaction on the way to European Union]. Ternopil, TISIT Publ. (In Ukrainian.)
- [2] Gorodenko, L.M. (2013). Ponnyatyia “massova svidomist”: Princypy formuvannya ta demasifikatsii [The concept of “mass consciousness”: principles of formation and demasification]. *Ukrainian journalism*, (14), 62–64. (In Ukrainian.)
- [3] Romanenko, T.V. (2016). Svoboda slova v media prostranstve suchasnoyi Ukrainy [Freedom of Speech in the Media Space of Modern Ukraine]. *Young Scientists*, 12.1(40), 275–278. (In Ukrainian.)
- [4] Slinko, T.M., & Mits, A.M. (2018). Problemi reallzatsiyi prava na svobodu slova v Informatsiynih Internet-dzherelah [Problems with realizing the right to freedom of speech in Internet information sources]. *Problems of legality*, (142), 22–33. (In Ukrainian.)

- [5] Chervyatsova, A.O. (2014). Svoboda virazhennya poglyadiv ta Internet: Anallz praktiki Evropeyskogo sudu z prav lyudini [Problems with realizing the right to freedom of speech in Internet information sources]. *Bulletin of V.N. Karazin Kharkiv National University*, 1106(17), 44–48. (In Ukrainian.)
- [6] Kozir, Yu.A. (2013). Kontsept “Ukrayina – Rosiya” v masmedlynomu diskursi yak teoretichna problema [“Ukraine – Russia” concept in mass media discourse as a theoretical problem]. *Scientific notes of the Institute of Journalism*, 53, 15–19. (In Ukrainian.)
- [7] Yarmol, L.V. (2018). *Svoboda virazhennya poglyadiv ta problemi yuridichnogo zabezpechennya yiyi realizatsiyi v Ukrayini (teoretiko-pravove doslidzhennya) [Freedom of expression and problems of legal support of implementation in Ukraine (theoretical and legal research)]*. Lviv, Liga-Pres Publ. (In Ukrainian.)
- [8] Ivanov, V.F. (1999). *Zakonodavstvo pro zasobi masovoï informacii. Ukrain's'kij ta zarubizhnij dosvid [Legislation on mass media. Ukrainian and foreign experience]*. Kyiv, Kyiv University Publishing Center Publ. (In Ukrainian.)
- [9] Ivanov, V.F., et al. (2007). *Suspilne movlennya: Nezalezhnost, svoboda slova ta programna riznomanitnist [Public Broadcasting: Independence, Freedom of Speech, and Programmatic Diversity]*. Kiev, Embassy of Germany Publ. (In Ukrainian.)
- [10] Borzenko, T. (n.d.). “Media detector” narushayet sobstvennie standarty [“Media detector” violates journalistic standards, for which he himself rescues]. *Ukrainian News*. (In Russ.) Retrieved August 20, 2020, from <https://ukranews.com/news/553852-detector-medyanarushaet-zhurnalystskye-standarty-za-kotorye-sam-zhe-ratuet-smy>
- [11] Obuh, V. (2020). Dorabotannyj zakonoproekt o media: Bol'shinstvo “ostryh uglov” sgladili [Finalized media bill: Most “sharp corners” smoothed out]. *Ukrinform*. (In Russ.) Retrieved October 1, 2020, from <https://www.ukrinform.ru/rubric-politics/3062081-dorabotannyj-zakonoproekt-o-media-bolsinstvo-ostryh-uglov-sgladili.html>

Сведения об авторах:

Кадырова Шуанат Набиевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики филологического факультета Российского университета дружбы народов. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-2062-8669>.

Фомин Александр, аспирант кафедры теории и истории журналистики филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Bio notes:

Shuanat N. Kadyrova, Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of Theory and History of Journalism of the Faculty of Philology of the Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-2062-8669>.

Alexander Fomin, PhD student of the Department of Theory and History of Journalism of the Faculty of Philology of the Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ JOURNALISM EDUCATION

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-787-796
УДК 37.06

Эссе / Essay

Клиповое мышление поколения Z: методы развития творческого потенциала студентов

А.Р. Бухарбаева, Л.В. Сергеева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 119571, Москва, пр-кт Вернадского, д. 82
asiya.bukharbaeva@gmail.com; lu.sergeeva1@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме клипового мышления поколения Z. Цель исследования – определить наиболее эффективные методики работы с клиповым мышлением с учетом особенностей восприятия информации современными студентами. Рассматривается феномен клипового мышления, его характеристики и истоки возникновения. Выделены позитивные и негативные черты данного явления, представлены эффективные методики построения учебного процесса в вузе с учетом тенденции к клиповому потреблению информации учащимися. Сделан вывод о том, что клиповое мышление – закономерный процесс и необходимо уметь грамотно работать с данным феноменом, присущим поколению Z. Показано, что обширный выбор диджитал-инструментов меняет образ жизни молодого поколения, а современных студентов характеризует многозадачность, быстрота реакции, высокая степень адаптивности. Сделан вывод о том, что необходимо формировать у студентов аналитическое и понятийное мышление в сочетании с клиповым. При этом не следует пытаться переделать учащихся или бороться с «клиповостью», работа по традиционным методикам не эффективна в современном учебном процессе. Предложено практиковать требующие активных действий вовлекающие кейсы, которые ориентированы на оперативность мышления, мультизадачность. На основе метода включенного наблюдения, в рамках преподавательского опыта авторов эмпирически (включенное наблюдение, эксперимент, опрос) обоснована специфика применения кейс-метода при обучении студентов, который развивает креативные способности, повышает уровень аналитического и критического мышления, позволяет работать с большим объемом информации, изучать предложенные бизнес-ситуации, анализировать данные и принимать на основе этого решения. В процессе обучения предложено практиковать учебно-поисковые методы в режиме диалога, конструирование ситуаций, интерактивы, мобильность, частую смену деятельности, много-

© Бухарбаева А.Р., Сергеева Л.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

задачность. Клиповым мышлением следует грамотно управлять, использовать его положительные характеристики и составлять эффективные учебные программы с применением актуальных онлайн и оффлайн-технологий.

Ключевые слова: клиповое мышление, поколение Z, диджитал, коммуникации, кейс, кейс-метод, бакалавр, онлайн-коммуникации, медиа, фрагментарность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию – 1 сентября 2020 г.; принята к публикации – 12 октября 2020 г.

Для цитирования: *Бухарбаева А.Р., Сергеева Л.В.* Клиповое мышление поколения Z: методы развития творческого потенциала студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 787–796. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-787-796>

Clip thinking of generation Z: methods of developing students' creative potential

Asiya R. Bukharbaeva, Lyudmila V. Sergeeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadskii Ave, Moscow, 119571, Russian Federation
asiya.bukharbaeva@gmail.com; lu.sergeeva1@gmail.com

Abstract. The article is devoted to actual problem of clip thinking of generation Z. The goal of research is to determine the most effective methods of working with clip thinking taking into account the peculiarities of information perception by modern students. It covers phenomenon of clip thinking, its characteristics and origins. Positive and negative features of clip thinking are highlighted, as well as effective methods of university educational process applying having the trend of clip-based consumption of info by students. The authors conclude that clip thinking is a natural process: it is necessary to work competently with this phenomenon of generation Z. It's shown, that vast selection of digital tools is changing lifestyle of young generation, but multitasking, responsiveness, high degree of adaptability characterize modern students. The authors concluded that it's necessary to form students' analytical and conceptual thinking in combination with clip thinking. It's not worth changing students or fight against clip thinking as well as to act according to old methodology of educational process. Modern students need in interesting cases of thinking efficiency, multitasking that requires active action. Specificity of case method application of teaching was substantiated empirically (including observation, experiment, survey), it develops creativity, increases the level of analytical and critical thinking, allows to work with a large amount of information, helps to study proposed business situations, analyzes data and make the respective decision. It's important to practice educational and search methods in a dialogue mode of learning process, construct situations, interactivity, mobility, frequent changes, multitasking. Clip thinking should be managed competently, by using its positive characteristics and preparing effective studying programs engaging relevant online and offline technologies.

Keywords: clip thinking, generation Z, digital, communications, case study, case method, bachelor's degree, online communications, media, fragmentation

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received – 1 September 2020; revised – 3 October 2020; accepted – 12 October 2020.

For citation: Bukharbaeva, A.R., & Sergeeva, L.V. (2020). Clip thinking of generation Z: Methods of developing students' creative potential. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 787–796. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-787-796>

Введение

Клиповое мышление – закономерная тенденция в восприятии информации, характерная, прежде всего, для молодого поколения. Эту особенность необходимо учитывать преподавателям при работе со студентами. Традиционные презентационные методы по модели «субъект – объект» уже не получают нужной отдачи, для усвоения учебных программ необходимы новые эффективные подходы. Действенное решение данной проблемы, по мнению авторов, пришедших в преподавание из медийной практики, – применение кейсового подхода в учебном процессе. Такой метод, как показывает опыт, находит отклик у молодежи, эффективен при обучении студентов гуманитарных профилей, особенно актуален для будущих специалистов медиасферы: журналистов, рекламщиков и др.

Клиповое мышление обусловлено ускорением ритма жизни и возрастающим информационным потоком, буквально обрушивающимся на людей. Клиповой подаче информации свойственна яркая визуализация, краткие речевые и текстовые послания, преобладание видео- и фотоконтента. Однако минусами этого явления может быть рост интеллектуально-психической зависимости от компьютерных гаджетов, где стираются границы между реальным и виртуальным миром, быстрая утомляемость, трудности с концентрацией, прокрастинация. Но есть и ряд существенных плюсов, о чем будет сказано далее. Отсюда задача преподавателя – учитывать и использовать достоинства и недостатки клипового мышления для повышения эффективности учебного процесса.

Методологические обоснования клипового мышления

Ряд исследователей считает, что клиповое мышление – явление закономерное и не является чем-то неестественным. Мы также придерживаемся данного подхода. Слово «клип» происходит от английского *clip* – вырезка, отсечение, нарезка, то есть кусочки чего-то цельного, возможно связанного или разрозненного, но в то же время несущего в себе определенный смысл и информацию. Понятие «клиповое мышление» появилось в 1990-е годы прошлого века, оно характеризует способность человека воспринимать окружающую реальность в виде коротких и ярких образов, соединяя их в один видеоклип. Другими словами, видеть мир фрагментарно, мозаично.

Одним из первых начал исследовать феномен клипового мышления французский социолог А. Моль, выделив характерные черты «мозаичной культуры». В своей работе «Социодинамика культуры» он писал: «Чередой эмоционально насыщенных образов не дает возможности составить цельную картину мира. Таким образом, современная культура постмодерна формирует

индивидов с расщепленным сознанием, не способных к системному мышлению» [1]. Термин «клиповое мышление» (или клиповая культура) применил американский культуролог Э. Тоффлер еще в 1980 году, определяя его как «принципиально новое явление, которое рассматривается в качестве составляющей общей информационной культуры будущего, основанной на бесконечном мелькании информационных отрезков и комфортной для людей соответствующего склада ума» [2].

В 2010 году культуролог К. Фрумкин выделил следующие предпосылки для формирования у молодого поколения фрагментарного мышления [3]:

- массовость информации, приходящей извне;
- потребность в актуализации поступающей с огромной скоростью информации;
- разноплановость данных;
- необходимость совершать одновременно множество действий;
- рост возможностей для общения в социуме.

Все это в совокупности приводит к отсутствию у человека целостного восприятия получаемой и поглощаемой информации.

Подавляющая часть исследователей сходятся во мнении, что клиповое мышление – это абсолютно новая форма сознания хомо сапиенс. Ее появление обусловлено стремительными темпами развития науки и технологий.

Плюсы и минусы явления и его практическая составляющая

Некоторые исследователи считают данное явление вполне нормальным возвратом к естественным процессам мозга, связанным еще с доисторической эпохой. На первых стадиях формирования сознания древние люди обладали именно фрагментарным мышлением. Видеоклипы, большое количество офлайн- и онлайн-рекламы, массмедиа, социальные сети и мессенджеры как раз и формируют клиповое мышление. При этом слишком обширный выбор коммуникационных каналов затрудняет работу с информацией, не давая времени на их понимание и осмысление.

С. Кара-Мурза отмечает, что чем большее давление на человека оказывает мозаичная культура, тем меньшую роль играет логика и тем более восприимчивым к манипуляциям оказывается сознание [4].

Сама проблема клипового мышления у молодого поколения давно приобрела реальные очертания, а сформированная под влиянием инновационных технологий личность не может изменить этот тип мышления, поэтому необходимо научиться работать с этой особенностью. Учитывая медицинские исследования, доказавшие, что левое полушарие мозга отвечает за логику, анализ и упорядоченность, а правое – за фантазию, пространственное соотношение и образность, современный развитый человек одновременно в достаточной мере задействует оба полушария. Таким образом, правильнее формировать у студентов аналитическое и понятийное мышление в сочетании с клиповым. У клипового мышления позитивные черты заключаются в способности быстро переключаться с одной информации на другую, что позволяет строить учебные и рабочие процессы в условиях многозадачности, отсюда и быстрота реакции молодого поколения на любые перемены,

высокая степень адаптивности и быстрое принятие инноваций в области информационных технологий.

С учетом развития диджитал-технологий молодежь потребляет большое количество контента, информационный поток обширен и трудно поддается контролю, становится сложно отбирать информацию и формировать критическое отношение к ней. Поколение Z сознательно блокирует информационные потоки, абстрагируясь, будто не замечая их, учится избирательно их потреблять, им свойственно поверхностное считывание контента ввиду экономии времени: внимание фокусируется на ярких, порой кричащих заголовках и визуальных образах. Отметим, что часто поколение Z рассматривается в качестве синонима понятия цифровой человек, это люди, родившиеся в 1996 году и позже. Их отличает, прежде всего, максимальная приближенность к информации, с которой они умеют прекрасно работать [5].

Общаясь со студентами лучше показывать, а не рассказывать, чтобы удержать их внимание. Наиболее эффективный способ взаимодействия – убеждать, объяснять, показывать яркие презентации, обсуждать и приводить аргументы, не перегружая большими объемами информации (информация должна быть сразу понятной и «цепляющей»), подавать информацию в доступном виде (предпочтительно визуальном), вовлекать в активное взаимодействие.

Исходя из собственного опыта работы со студентами отметим, что при поиске информации молодое поколение чаще ограничивается Википедией и на основе вики-статей формирует свои знания. Говоря современным языком, знания студентов «википедийны», «инстаграмны» (равно фрагментарны) по своей сути. Опрос студентов-бакалавров, проведенный нами в 2018 году выявил, что при поиске информации у 80 % студентов приоритетным источником является именно Википедия [6]. Значительная часть молодежи до 21 года читает краткое содержание литературных произведений, изучает сжатые отзывы блогеров, статьи модных журналистов, формируя таким образом свою фрагментарную картину мира. При этом они способны делать параллельно множество дел, а именно: вести блоги, выкладывать посты в социальных сетях, писать тексты по учебе или работе, слушать или смотреть видеоролики.

Но есть и обратная сторона медали. Такая информационная нагрузка при доступности информационно-коммуникативных технологий и многозадачность психологически давят на поколение Z, не оставляя времени и сил на полноценную учебу. Студенты не читают дополнительную литературу, ограничиваясь конспектами лекций и краткими презентациями преподавателей. Максимум они «гуглят» интересующую их тему, пытаясь узнать подробности. Лишь небольшая часть учащихся умеет грамотно искать информацию и правильно с ней обращаться.

Из этого можно сделать вывод, что основные плюсы клипового мышления – умение быстро переключаться, многозадачность, приспособляемость к быстрым изменениям информационно-коммуникационного пространства. Минусы – отсутствие глубины знаний, быстрая утомляемость, поверхностность, низкие аналитические и критические навыки при работе с информацией, проблемы с концентрацией внимания.

Таким образом, в процессе преподавания важно учитывать особенности студентов, уметь использовать положительные стороны клипового мышления и верно использовать его минусы, обращая их в плюсы. Не следует пытаться переделать учащихся или бороться с «клиповостью», как и работать по старой методологии в учебном процессе. Современным студентам необходимо давать интересные кейсы на оперативность мышления, мультизадачность, требующие активных действий.

Кейсовый подход на практике – эффективный подход к работе со студентами

Для развития креативных способностей студентов, повышения уровня аналитического и критического мышления при работе на практикумах мы используем кейсовый подход в обучении бакалавров по направлению «Реклама и связи с общественностью», предлагая студентам вовлекающие, нестандартные задачи и поиск их оптимальных решений. Кейсовый метод (case study) – методика обучения, которая создана для того, чтобы студенты учились эффективным коммуникациям, получили навыки работы с большим объемом информации, анализировали конкретные бизнес-ситуации, изучали и давали оценку реальным производственным конфликтам, пробовали конструировать практические решения.

Кейс – реальная задача из практики компании, решить кейс – значит найти оптимальный выход из сложившейся ситуации. Этот метод делает из студентов активных участников образовательного процесса, заставляет отказаться от роли пассивных слушателей, предполагая активную работу в группах, участие в дискуссиях, отработку практических знаний, борьбу за свою позицию.

Опрос студентов-бакалавров московских вузов, проведенный нами в 2018–2019 гг. показал, что для подготовки высококлассных специалистов следует приглашать экспертов-практиков, которые смогут познакомить будущих PR-специалистов с реальным профессиональным опытом, показать собственные наработки и кейсы. При этом чуть более 20 % опрошенных студентов отдают предпочтение практическим занятиям, презентациям коммуникационных кейсов, на наш взгляд, этот процент невелик. И это связано с отсутствием у студентов положительного опыта работы с кейсами. Следует отметить, что в современных кейсах не всегда делается акцент на диджитал-составляющей, хотя без этого не обходится ни одна кампания в современной практике коммуникаций. Хорошо ориентируясь в онлайн-инструментах, молодежь активнее и с большим желанием вовлекается в учебный процесс, с энтузиазмом предлагая различные решения в сфере SMM, сотрудничества с блогерами, лидерами мнений, медиа, ориентированными на поколение Z.

Таким образом, мы делаем акцент на сильных сторонах и особенностях мышления студентов, а через диджитал-подходы развиваем их аналитические способности. Например, прорабатываем реальные ситуации – подготовку конкретного мероприятия или разработку PR-кампании и в ходе проработки подобных кейсов переходим от практических решений к аналитике, разрабатываем стратегии продвижения для конкретных брендов на опреде-

ленный срок, различные мероприятия по продвижению продуктов и услуг, далее анализируем предложенные методы и возможность их реализации. В таких кейсах важно не только создать креативную кампанию, но и выбрать эффективные коммуникационные инструменты по ее реализации, провести анализ эффективности, спрогнозировать результаты, которые она принесет.

При подготовке специалистов в сфере рекламы и PR следует прежде всего учитывать коммуникационные и образовательные тренды, и не только текущие. Нужно стараться предугадать, с чем же сегодняшние студенты столкнутся через несколько лет. Проработка футуристических кейсов, применяемых нами в работе, – один из вариантов решения в данной ситуации. Такой подход позволяет быть максимально вовлеченным в реальный рабочий процесс и тестировать кейсовые подходы в образовании для подготовки квалифицированных специалистов [7].

Как правило, со студентами направления «Реклама и связи с общественностью» нами прорабатываются уже реализованные кейсы-проекты из собственной коммуникативной практики, анализируются уже осуществленные PR-кампании и наиболее эффективные инструменты коммуникации при их реализации. В некоторых случаях студенты сами разрабатывают свои проекты для действующих компаний, брендов, а потом представители компаний знакомятся с итогами работы бакалавров, отбирают лучшие креативные решения, приглашают успешных студентов на практику или в свои проектные команды.

Помимо диджитал-подходов и быстрого усвоения новой информации, современным студентам свойственно умение оперативно реагировать на любые изменения, преобладание конкретного мышления над абстрактным, способность перерабатывать большие объемы информации в динамичной форме. В учебном процессе это позволяет решать большое количество различных кейсов, так как студенты быстро переключаются, не терпят однообразия, ценят кейс-метод за его мультизадачность, возможность продемонстрировать свои креативные способности и коммуникативные навыки работы в мини-группах.

Важный вопрос – как нивелировать минусы и использовать их в учебном процессе, не переделывая студентов, а органично использовать особенности их восприятия. Например, при решении нестандартных кейсов нам удавалось перенаправить хаотичную гиперактивность студентов на целенаправленную совместную проектную работу.

От практических подходов в учебном процессе к тенденциям в высшем образовании

На основе собственного опыта работы со студентами первых – четвертых курсов направления «Реклама и связи с общественностью» в течение семи лет был сделан вывод, что в современных условиях неэффективными оказываются не только длительные лекционные занятия, но и привычные методы контроля успеваемости студентов. Так, тестирование не позволяет оценить реальные знания студентов, как и письменные работы, которые легко можно заучить. Режим теста не позволяет найти верный ответ путем анализа. В таких

случаях преподаватель может практиковать эссе на заданную тему, устные ответы, публичные защиты своих решений, кейсов перед аудиторией с презентациями, деловые игры.

К тому же меняется и подход к оцениванию выполненных студентами заданий. Мы все чаще сталкиваемся с ситуациями, когда не может быть однозначно верного или неверного решения ситуации или кейса, которые могут быть оценены условно на отлично или неудовлетворительно соответственно. Это также позволяет студентам активнее проявлять творческие способности и находить нестандартные решения, к примеру, при работе с задачами по антикризисным коммуникациям или с последствиями так называемого черного PR.

Как пример кейса, может быть рассмотрена конкретная ситуация, отражающая положение компании/бренда за конкретный отрезок времени. В описание ситуации включаются случаи, факты, принимаемые решения, имевшие место в течение этого времени. Причем, ситуация может отражать как комплексную проблему (например, разработка интегрированной коммуникационной кампании), так и какую-либо частную задачу (разработка конкретного мероприятия). При оценивании кейсов преподавателям следует учитывать следующие критерии: широту и глубину анализа, структуру и логику, соответствие решения поставленной задачи (прорабатывается во время решения кейса), качество презентации, ответы на вопросы, командную работу (демонстрируется студентами на выступлении при защите кейса).

В современной системе преподавания появляются ресурсы, которые агрегируют различные кейсы-ситуации, преподаватели своими силами создают некую базу кейсов, доступных каждому. Это является очень полезной практикой, но в целом ресурсов с подобными практиками не так много, они не всегда обновляются, ведутся нерегулярно. Решением могло бы стать создание онлайн-ресурсов с кейсами в каждом крупном университете – такая образовательная платформа по коммуникационным дисциплинам поможет сделать обучение студентов более интересным и разнообразным, а преподаватели вузов смогут шире использовать метод кейсов, привлекать полезные материалы, опыт своих коллег. При этом подобные сайты могут быть полезны не только вышеуказанным группам, но и всем, кто интересуется сферой коммуникаций. В настоящее время мы занимаемся созданием такого агрегатора.

Необходимо отметить, что на первый план выходит развивающая функция обучения. Используются учебно-поисковые методы в режиме диалога, конструирование ситуаций, интерактивы, мобильность, частая смена деятельности и многозадачность. Задача современных вузов состоит в подготовке таких профессионалов, которые будут обладать не только гибкостью и вариативностью решений при создании инновационного проекта, но и скоростью реагирования на происходящие цифровые изменения [8].

Для развития критического мышления полезны проведение дискуссий, мозговых штурмов, проектирование, организация форумов, студенческих конференций и круглых столов по обсуждению актуальных вопросов по учебным курсам. Важно учить студентов письменно и устно излагать свои мысли, структурировать информацию, писать научные статьи, эссе.

Учитывая вышеизложенное, современным преподавателям стоит принимать во внимание преимущественно клиповое мышление студентов. И уже отталкиваясь от этого факта, строить образовательный процесс, использовать большое количество наглядной информации с запоминающимися образами, элементами геймификации, ясными, краткими формулировками. Полагаем, что кейс-метод является наиболее оптимальным способом обучения студентов гуманитарных профилей, он развивает навыки анализа и работы с неоднозначными ситуациями в условиях неполноты информации, ограниченного времени. В кейсах не существует единого, верного решения – данный факт может вызвать конфликт мнений, противоречия интересов, создать драматургию занятий. Многовариантность решения позволяет студентам проявлять себя, публично обосновывая решение.

Таким образом, главный вывод – в сложившихся условиях не следует бороться с клиповым мышлением студентов, следует принять его как неотъемлемую составляющую поколения Z. Лучший вариант передачи знаний – управляемая фрагментация учебных курсов с помощью интерактивных кейсовых заданий. Убеждены: клиповым мышлением можно управлять, использовать его положительные характеристики и составлять эффективные учебные программы с применением актуальных онлайн- и оффлайн-технологий.

Список литературы

- [1] Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 406 с.
- [2] Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
- [3] Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста // Топос. 2010. URL: <http://www.topos.ru/article/7371> (дата обращения: 15.08.2020).
- [4] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
- [5] Сана А.В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2. С. 24–30.
- [6] Бухарбаева А.Р. Современные тенденции в обучении студентов-бакалавров по направлению «Реклама и связи с общественностью» в российских вузах // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2018. Т. 26. № 4. С. 130–135.
- [7] Бухарбаева А.Р., Сергеева Л.В. Сфера подготовки специалистов в области PR: тренды, прогнозный аспект // Тренды и управление. 2018. № 3. С. 147–153. DOI: 10.7256/2454-0730.2018.3.25849.
- [8] Волкова И.И., Уразова С.Л., Писарева М.Н. Критерии формирования коммуникативного пространства в студенческой среде: погружение в творчество // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15. № 1. С. 75–81. DOI: 10.21209/2658-7114-2020-15-1-75-81.

References

- [1] Mol, A. (1973). *Sociodinamika kul'tury* [Sociodynamics of culture]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)
- [2] Toffler, E. (2002). *Shok budushhego* [Future Shock]. Moscow, AST Publ. (In Russ.)
- [3] Frumkin, K.G. (2010). *Klipovoe myshlenie i sud'ba linejnogo teksta* [Clip thinking and the fate of linear text]. *Topos*. Retrieved August 15, 2020, from <http://www.topos.ru/article/7371> (In Russ.)
- [4] Kara-Murza, S.G. (2004). *Manipuljacija soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow, Eksmo Publ. (In Russ.)

- [5] Sapa, A.V. (2014). Pokolenie Z – pokolenie epohi FGOS [Generation Z – generation of FGOS era]. *Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii* [Innovative projects and programs in education], (2), 24–30 (In Russ.)
- [6] Buharbaeva, A.R. (2018). Current trends in teaching bachelor students in the direction of “Advertising and public relations” in Russian universities. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy*, 26(4), 130–135 (In Russ.)
- [7] Buharbaeva, A.R., & Sergeeva, L.V. (2018). Sfera podgotovki specialistov v oblasti PR: Trendy, prognoznyj aspekt [Scope of PR specialists training: Trends, forecast aspect]. *Trendy i upravlenie* [Trends and management], (3), 147–153. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0730.2018.3.25849.
- [8] Volkova, I.I., Urazova, S.L., & Pisareva, M.N. (2020). Kriterii formirovaniya kommunikativnogo prostranstva v studencheskoj srede: Pogruzhenie v tvorchestvo [Criteria for forming a communicative space in the student environment: Immersion in creativity]. *Uchyonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly Notes of Transbaikal State University], 15(1), 75–81. (In Russ.) DOI: 10.21209/2658-7114-2020-15-1-75-81.

Сведения об авторах:

Бухарбаева Асия Радолевна, кандидат политических наук, доцент кафедры интегрированных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Сергеева Людмила Валентиновна, старший преподаватель кафедры интегрированных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Bio notes:

Asiya R. Bukharbaeva, PhD in Political Sciences, Associate Professor at the Chair of Integrated Communications of the Russian Academy of National Economy and Public Administration.

Lyudmila V. Sergeeva, senior lecturer at the Chair of Integrated Communications of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

НОВЫЕ МЕДИА

NEW MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-797-807

УДК 316.77:811.112.2

Научная статья / Research article

Тренды медиапотребления в Грузии**Д.Б. Курманова, М. Зарифиан**

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

danarakurmanova@bk.ru; mohsen.zarifian@gmail.com

Аннотация. В статье проанализировано медиапространство Грузии, прежде всего его тенденции с 2016 по 2020 г.: основные предпочтения и спрос аудитории на традиционные и новые медиа. Актуальность темы обусловлена тем, что Национальное агентство статистики Грузии до сих пор не проводило широких исследований в сфере медиа, отчеты и рейтинги составляются отдельными международными фондами, которые не рассматривают медиарынок в Грузии в целом, в связи с чем эти исследования носят несистемный характер. Таким образом, цель исследования – выявить основные изменения в области медиапотребления Грузии по следующим категориям: печать, телевидение, радио и новые медиа. Пандемия коронавируса ускорила цифровизацию грузинских медиа, усугубив кризис в сфере печати и сделав интернет-площадки более привлекательными для крупных холдингов и независимых авторов в условиях экономического спада на медиарынке и оптимизации. Для выявления данных были использованы методы контент-анализа, наблюдения и социологического опроса. Особое внимание в статье уделено тенденциям, возникшим на медиарынке Грузии с начала пандемии, – основным динамичным изменениям грузинского сегмента Facebook, развитию жанра карикатуры и предпочтениям пользователей социальных сетей. Исследование охватило целый ряд факторов, влияющих на медиапотребление Грузии: возраст потребителей информации, их географическое и социальное положение, национальный менталитет, а также уровень религиозности. Полученные результаты демонстрируют высокую степень медиатизации религии в Грузии, проявляющуюся в том, что церковь стала лидером мнений, определяющим точку зрения большинства относительно темы пандемии коронавируса. Согласно результатам проведенного опроса, население Грузии стало больше смотреть телевизор и чаще слушать радио. Повысился уровень интереса к социальным сетям – в частности, к блогам – как на грузинском, так и на русском языке.

Ключевые слова: Грузия, медиапотребление, медиапространство, телевидение, блогинг, социальные сети, коронавирус

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию – 23 августа 2020 г.; принята к публикации – 9 октября 2020 г.

Для цитирования: Курманова Д.Б., Зарифиан М. Тренды медиапотребления в Грузии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 797–807. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-797-807>

Georgian media consumption trends

Danara B. Kurmanova, Mohsen Zarifian

Peoples Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
danarakurmanova@bk.ru; mohsen.zarifian@gmail.com

Abstract. Article analyzes the media market of Georgia, particularly, the main preferences of the audience in the field of traditional and new media. The review is relevant, since the National Statistics Agency of Georgia has not yet conducted extensive research in the field of media. There are some separated reports and ratings, however, they are conducted by international funds. Thus, they do not study the media market in Georgia systematically, so these reports are partial and inferior. Purpose of the study was to identify the main changes in the field of media consumption in Georgia in the following categories: print, television, radio and new media. The transformation of the media environment served as the main hypothesis of the study. The coronavirus pandemic has accelerated the digitalization of Georgian media, exacerbating the crisis in the print sector and making Internet sites more attractive for large holdings and independent authors in the face of an economic downturn in the media market and optimization. To identify the data, the methods of content analysis, observation and sociological survey were used. Particular attention is paid to the trends that have emerged in the media market in Georgia since the beginning of the pandemic – the main dynamic changes in the Georgian segment of Facebook, the development of the cartoon genre and the preferences of users of social networks. The study covered a number of factors affecting media consumption in Georgia: the age of information consumers, their geographic and social position, national mentality, and the level of religiosity. The results of the study demonstrate a high degree of mediatization of religion in Georgia, manifested in the fact that the church has become an opinion leader, determining the point of view of the majority regarding the topic of the coronavirus pandemic. According to the results of the conducted survey, the population of Georgia began to watch TV and radio more often. The level of interest in social networks has also increased – in particular, in blogs, both in Georgian and in Russian.

Keywords: Georgia, media consumption, media space, television, blogging, social networks, coronavirus

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received – 23 August 2020; revised – 30 September 2020; accepted – 9 October 2020.

For citation: Kurmanova, D.B., & Zarifian, M. (2020). Georgian media consumption trends. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 797–807. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-797-807>

Введение

Особенности медиапотребления – актуальная тема научных исследований в сфере журналистики, PR и социологии. Среди работ, которые были учтены при написании статьи, публикации Д.Д. Алваренги, В.Н. Ильмухина, А.А. Комаровой, М. Кумара, М.М. Назарова, А.С. Чернавского и др. [1–6]. Перспективным направлением представляется изучение медиапотребления в отдельных регионах и странах. Есть государства, в которых масштабные исследования на эту тему практически отсутствуют. К их числу относится Грузия. Проблема в том, что Национальное агентство статистики Грузии не публикует эмпирические данные о состоянии медиарынка в стране, сведения на официальном сайте не обновляются, в настоящее время есть лишь информация о тиражах газет за 2016 г.¹ В связи с этим, обзор грузинской медиасреды основывается на отчетах международных фондов, функционирующих в Грузии и изучающих специфику местного медиапространства. Особым объектом для анализа стали последние тенденции в развитии медиасферы Грузии, возникшие в связи с пандемией коронавируса нового типа. На эту тему было опубликовано две статьи на английском языке: в журнале *New Eastern Europe* [7] и *European Journalism Observatory Magazine* [8].

Метод исследования – изучение в динамике эмпирических данных, в том числе результатов двух проведенных опросов. Главная гипотеза, которая проверялась, – режим карантина, блокировка авиасообщения и кризис в области туризма оказали определенное влияние на СМИ и блогосферу Грузии.

Кризис печатного рынка в связи с пандемией

Рейтинги популярности газет в Грузии не публикуются. Национальное агентство статистики никак не выделяет доли государственных и частных печатных СМИ, что тоже затрудняет анализ медиарынка. Э. Цотниашвили пишет о том, что в стране преобладают частные СМИ [9]. Крупнейшие газеты Грузии – «Резонанси», «Квирис палитра», «Сакартвелос республика», «Асавал-Дасавали», «Ахали таоба», «24 саати», «Сакартвело да мсоплио». Они распространяются по всей территории Грузии.

Существует немало изданий, выходящих на языках национальных меньшинств. Это газеты на русском языке: «Свободная Грузия», «Аргументы и факты. Грузия», а также «Комсомольская правда-Грузия». На армянском языке выходят газеты «Джавакх», «Аршадиус», «Самхретис Карибчэ» и «Врастан». На азербайджанском – «Гюрджюстан», «Хайрат» и «Тимэр». Данная ситуация объясняется тем, что Грузия – многонациональная страна, некоторые города которой населены национальными меньшинствами, плохо владеющими государственным языком. К примеру, город Марнеули по национальному составу является преимущественно азербайджанским, в то время как города Ахалкалаки и Ахалцихе – в основном армянские.

Обширен рынок англоязычных изданий, ориентированных на иностранцев, работающих или обучающихся в Грузии. На английском языке выходят

¹ Publishing of books, magazines and newspapers / National Statistics Office of Georgia. URL: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/615/culture> (accessed: 12.09.2020).

газеты *Messenger*, *Georgia Today*, *Georgian Times* и *Financial*. Англоязычные газеты принадлежат строительным, финансовым, туристическим или рекламным компаниям. К примеру, газета *Financial* является активом компании, специализирующейся на рекламе, – *Intelligence*. А газета *Georgian Business Week* принадлежит одному из крупнейших строительных холдингов страны – *Georgian Industrial Group*.

Отметим, что количество печатной прессы в Грузии снижается с каждым годом (табл. 1): если в 2016 г. общее количество газет и журналов равнялось 317, то в 2019 г. уже 177. Данные за 2020 г. независимыми международными фондами пока не опубликованы, однако можно прогнозировать дальнейший спад на рынке печати Грузии, в том числе и в связи с пандемией. Часть печатных изданий неизбежно перейдет в электронный формат. Так, в настоящее время *Georgian Times* можно читать лишь в онлайн-варианте.

Таблица 1

Сокращение количества газет и журналов в Грузии
 [Table 1. Reduction of the number of newspapers and magazines in Georgia]

Периодичность [Frequency]	2016	2017	2018	2019
Общее количество газет и журналов [Total number of newspapers and magazines]	317	218	175	177
Ежедневно [Daily]	14	16	7	7
2–3 раза в неделю [2–3 times a week]	19	10	13	13
Еженедельно [Weekly]	51	52	24	24
Дважды в месяц [Twice a month]	26	12	25	25
Ежемесячно [Monthly]	78	37	35	35
Раз в квартал [Once a quarter]	15	25	13	15
Раз в год [Once a year]	34	3	14	14
Нерегулярная периодичность [Irregular frequency]	41	51	32	32

Медиахолдинги Грузии

Говоря о медиахолдингах Грузии, стоит выделить холдинг «Палитра», основанный 18 апреля 1995 г. На сегодняшний день компании принадлежит 14 журналов, 20 интернет-порталов (включая информационное агентство «Палитра Ньюс»), типография, радиостанция «Радио Палитра», телекомпания «Палитра» и 3 газеты: «Ситхва да сакме», публикующая исключительно объявления, ежедневная спортивная газета «Лело» и еженедельник «Квирис палитра». Холдинг также владеет рекламным агентством «Эдлайн», издательской компанией «Палитра Л», полиграфическими фирмами «Колор» и «Колорпак», сетью дистрибуции печатных СМИ «Элва». Количество сотрудников – 1800 человек². Компания не сообщала о сокращении кадров или оптимизации производства в связи с пандемией.

Другой известный холдинг в Грузии – это «Алиа холдинг», основанный в 1996 г. Ему принадлежат газета «Квирис хроника», портал «Алиа». Стоит отметить, что компания занимается исключительно изданием газет и электронных СМИ, в отличие от холдинга *Georgian Times*, созданного в 1993 г.

² Publishing House Palitra L / Palitra Group. URL: <http://www.palitra.ge/en/gamomtsemloba-palitra-l/393?subject=1> (accessed: 27.08.2020).

Данный холдинг, помимо производства газет на грузинском, русском и английском языках, имеет в числе своих активов одноименные издательство и рекламное агентство, компанию «Советник», специализирующуюся на PR и GR, Центр социологических исследований, Кавказский центр стратегических исследований «Мнение», фотостудию «Сакартвелос твали», киностудию *GT Production* и фирму *Georgian Business Consulting*.

Реакция грузинских СМИ на пандемию коронавируса

В отличие от многих других стран Ближнего Зарубежья, Грузия не публикует данных о трансформациях в сфере медиапотребления на фоне введения ограничений в стране из-за COVID-19. Данный факт можно объяснить тем, что Грузия лишь периодически обращается к международным социологическим и рейтинговым агентствам в рамках определенных проектов, постоянного мониторинга медиасреды республики нет. В сентябре 2020 г. нами был проведен опрос в грузинском сегменте *Facebook*, в котором участвовало 100 граждан Грузии – 50 мужчин и 50 женщин. По результатам опроса оказалось, что 26 % респондентов стали смотреть телевизор чаще, чем раньше, однако 45 % из них включали телевизор в фоновом режиме, так как жили в режиме самоизоляции и таким образом пытались справиться с чувством одиночества. Часть респондентов (10 %) стали включать радио, которое прежде не слушали. 60 % участников опроса заявили, что не верили в существование коронавируса до середины марта 2020 г. (в это время число заболевших значительно увеличилось). При этом 30 % опрошенных до сих пор считают новости о пандемии чрезмерно преувеличенными. Примечательно, что обзор *Google Trends* частично подтверждает результаты проведенного опроса.

Интересный факт – до 12 января 2020 г. информация о коронавирусе на грузинском языке не запрашивалась. С середины января наблюдается рост запросов на данную тему, который, впрочем, пошел на спад к началу февраля, так как правительство Грузии не ограничивало авиасообщение с другими странами. Только с 8 по 14 марта наблюдается всплеск запросов – в связи с введением первых ограничений (рис. 1).

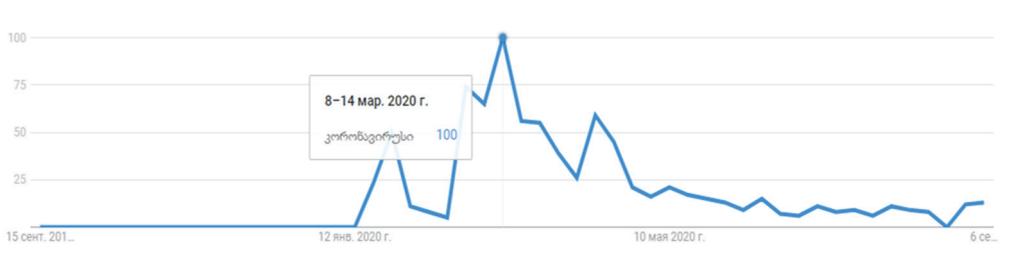

Рис. 1. Динамика запросов, включающих слово «коронавирус», в грузинском сегменте *Google* [Figure 1. Dynamics of queries including the word "coronavirus" in the Georgian segment of *Google*]

Как отмечает Г. Джангиани, поначалу вспышка коронавируса не получила широкого освещения в грузинских медиа [7]. Надо отметить, что сегодня в Грузии практически нет исследований о влиянии пандемии на медиареальность и медиаэкономику страны. Г. Джангиани рассматривает только по-

пулярные темы, возникавшие в грузинских медиа из-за коронавируса. Исходя из его анализа, реакцию грузинского медиапространства на пандемию можно разделить на фазы:

1. Скепсис – первые новости о коронавирусе появлялись на развлекательных веб-страницах, высмеивающих людей, которые носят маски. Данный факт исследователь объясняет тем, что Грузия спокойно перенесла вспышку свиного гриппа в 2010 г., а год назад столкнулась с распространением птичьего гриппа. Поэтому слово «пандемия» было изначально воспринято как преувеличение и обществом, и СМИ. Причиной недоверия также послужили сомнения в достоверности местных онлайн-медиа в принципе. По данным фонда *Transparency*, в 2019–2020 гг. аудитория грузинского *Facebook* неоднократно сталкивалась с фейковыми новостями, касающимися политики [10]. И если в 2019 г. только 36 % активных пользователей слышали о том, что в соцсетях есть страницы, распространяющие ложную информацию, в начале 2020 г. об этом были осведомлены уже 53 % (рис. 2).

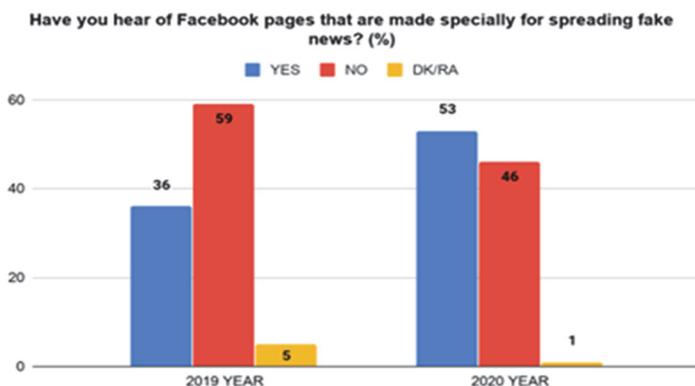

Рис. 2. Осведомленность грузинской аудитории *Facebook* о существовании фейковых страниц
 [Figure 2. Awareness of the Georgian *Facebook* audience about the existence of fake pages]

2. Погоня за сенсацией – рост числа смертей и активное освещение темы коронавируса в международных СМИ заставило грузинские медиа присоединиться к новому тренду. Когда в Грузии появились первые больные коронавирусом, многие СМИ проявили безответственность – особенно ведущие грузинские телеканалы, отмечает Джангиани. Известно, что после подтверждения первого случая заболевания в Грузии репортеры взяли интервью у пациента, пренебрегая правилами безопасности. Персонал больницы также не был подготовлен должным образом, позволив журналистам поговорить с больным, прежде чем медсестры увели его в клинику. Национальному контролю за заболеваниями в Грузии пришлось позднее принести извинения за инцидент, что тоже вызвало насмешки в СМИ.

3. Участие церкви как лидера мнений. В марте и апреле внимание СМИ приковал отказ Грузинской церкви изменить ритуалы причастия в связи с пандемией. Известно, что Грузия – православная страна и церковь является здесь самым авторитетным учреждением, что неоднократно подчеркивали в своих выступлениях президенты страны Гиорги Маргвелашвили и Саломе Зурабишвили, а также основатель партии «Грузинская мечта» Бидзина Ива-

нишвили. Патриарх Грузии Илия Второй считается лидером мнений в грузинских медиа.

4. Гордость – долгое время Грузия оставалась единственной страной бывшего СССР, где не умер ни один пациент с коронавирусом, что также породило в соцсетях мемы, главными героями которых стали ведущие эксперты по борьбе с пандемией в республике – врачи Паата Имнадзе, Тенгиз Церцвадзе и Амиран Гамкрелидзе. Причем мемы с участием врачей появились благодаря международному СМИ – сайту ВВС, который выпустил статью под названием «Три мушкетера, которые помогли Тбилиси справиться с коронавирусом» [11]. В итоге в грузинских медиа врачи стали ассоциироваться только с мушкетерами.

5. Паника и дезинформация – параллельный процесс, возникший на фоне первого летального случая в стране. Как отмечает исследователь Т. Цомая, дезинформация распространялась в социальных сетях – в основном через мессенджеры [8]. Это фейковые статьи о якобы чудодейственных средствах вроде имбиря и лимона, слухи о введении режиме ЧП. Грузинская аудитория разделилась на два лагеря – часть общества верила фейковым рассылкам, другая подвергала их скепсису и насмешкам и эта реакция нашла отражение в медиапространстве: в Грузии стали появляться карикатуры на тему коронавируса.

Развитие жанра карикатуры в период пандемии

Жанр карикатуры в Грузии не пользуется особым спросом – после развала СССР, в эпоху кризиса и миграции многие медиаспециалисты уехали за рубеж. Последующее сокращение тиражей и оптимизация расходов привели к тому, что издания предпочитают использовать изображения из фотобанков, нежели сотрудничать с художниками-карикатуристами.

Жанр карикатуры сейчас активно развивается в грузинской версии информационного агентства *Sputnik*. Сайт агентства доступен на грузинском и русском языках, в обоих вариантах можно найти раздел «Мультимедиа» с постоянной рубрикой «Карикатуры»³. Рубрика обновляется каждую неделю, и с февраля 2020 г. по сей день ее основной темой стал коронавирус, что отражает табл. 2.

Таблица 2

Тематика карикатур с февраля по сентябрь 2020 г.
[Table 2. Theme of cartoons from February to September 2020]

Тематика карикатур (с 14 февраля по 14 сентября 2020 г.) [Theme of cartoons (from 14 February to 14 September 2020)]	Количество карикатур [Number of cartoons]	Процентное соотношение [Percentage ratio]
Коронавирус [Coronavirus]	23	76,7 %
Политика [Policy]	3	10 %
Социальная сфера [Social sphere]	4	13,3 %

³ Карикатуры // Sputnik. URL: <https://www.sputnik-georgia.ru/caricature/> (accessed: 25.08.2020).

Как видно из таблицы, за семь месяцев агентство опубликовало 30 карикатур и 23 из них посвящены теме коронавируса. Политике уделяют внимание лишь 3 карикатуры, социальным новостям – 4. Примечательно, что с 2018 по начало 2020 г. карикатура в издании касалась в основном социальной сферы – образования, туризма, жизни в столице (доля таких публикаций составляла 80 %).

Трансформация новых медиа в условиях пандемии: развитие блогинга и социальных сетей

Несмотря на то что в Грузии наблюдается явный рост интернет-пользователей, значение блогосферы в развитии грузинского медиарынка до сих пор малоизучено, впрочем, как и новые медиа в целом. Национальное агентство статистики Грузии не относит интернет-издания к категории СМИ. Если в 2010 г. Интернетом в стране пользовались 1,3 млн и лишь 5 % из них называли онлайн-СМИ главным источником информации, то в 2018 г., согласно отчету фонда *Transparency*, 25 % населения страны называют интернет-издания вторым источником информации после телевидения, а 18 % отмечают, что источником информации считают социальную сеть *Facebook*. В 2019 г., по данным фонда за сентябрь, число пользователей мобильного интернета в стране составило 3,3 млн человек [12]. Теперь 24 % граждан Грузии считает интернет главным источником информации, а еще 25 % – вторым, что отражает рис. 3.

Рис. 3. Интернет как источник информации в Грузии
[**Figure 3.** The Internet as a source of information in Georgia]

Эти показатели свидетельствуют о важной роли социальных сетей и блогинга в Грузии. Необходимо упомянуть, что газеты в Грузии как первый источник информации предпочитают 5 % населения, остальные выбирают онлайн-издания.

Интересно, что Грузия не рассматривает медиа как сектор экономики. В Агентстве статистики Грузии СМИ включены в графу «Культура». Не менее важно, что фонд IDFI в отчете «Интернет на Южном Кавказе» анализирует онлайн-среду Грузии только с 2008 г. Нет точных данных о первых сайтах, первых новостных онлайн-изданиях, первых блогах. Размер грузинской блогосферы тоже неизвестен.

В сентябре 2020 г. нами был проведен опрос в *Facebook* среди читателей грузинских блогов – 50 читателей блогов на грузинском языке и 100 читателей блогов о Грузии на русском языке (данный показатель больше, так как аудиторию второго типа блогов составляют еще и туристы и экспаты, живущие в Грузии).

По данным опроса, в период пандемии наблюдалось снижение активности в блогах о путешествиях по Грузии, ориентированных на туристов. Из 100 русскоязычных читателей 20 человек стало реже открывать блоги данного типа в связи с отменой поездок в Грузию. В грузинском сегменте уровень интереса к блогам, наоборот, вырос – из 50 респондентов 30 человек подписались как минимум на 2 новых блога за период пандемии, чтобы занять время чтением и просмотром контента в режиме изоляции.

Заключение

Пандемия коронавируса оказала определенное влияние на развитие и потребление медиа в Грузии: в частности, получил новый импульс к распространению жанр карикатуры, а также трансформировалась блогосфера, как на грузинском, так и на русском языке. С 2016 г. формирование интернет-СМИ в Грузии отличается тем, что медийные ресурсы создаются преимущественно в социальных сетях. Страна на протяжении долгого периода времени переживает различные кризисы, платежеспособность населения была и остается низкой, поэтому газеты и журналы пытаются перейти на экономичный формат, сокращают расходы на печать, именно по этой причине создавая блоги и сайты. Особенности поколенческого потребления при этом практически не учитываются.

Список литературы

- [1] *Алваренга Д.Д.* Особенности медиапотребления в Бразилии (к 50-летию Grupo De Mídia SP) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 594–599. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-594-599>
- [2] *Ильмухин В.Н.* Опыт изучения медиапотребления в многозадачном режиме: методология и основные результаты // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16. № 1. С. 69–74. DOI 10.14529/ssh160113.
- [3] *Комарова А.А.* Основные тенденции медиапотребления в России в условиях динамически меняющейся реальности // Вестник университета. 2018. № 5. С. 162–166. DOI 10.26425/1816-4277-2018-5-162-166.
- [4] *Кумар М.* Особенности медиапотребления в Индии: цифровые новости // Средства массовых коммуникаций в многополярном мире: проблемы и перспективы: материалы X Всероссийской научно-практической конференции. М.: РУДН, 2019. С. 311–314.

- [5] Назаров М.М. Цифровое поколение двухтысячных: особенности медиапотребления // Информационное общество. 2016. № 1. С. 27–36.
- [6] Чернавский А.С. Особенности современного медиапотребления и феномен новых медиа // Власть. 2015. № 7. С. 73–75.
- [7] Jangiani G. The Georgian media struggles to cope with COVID-19 // *New Western Europe*. URL: <http://www.neweasterneurope.eu/2020/05/07/> (дата обращения: 01.09.2020).
- [8] Tsomaia T. Georgia: Coronavirus and the Media // *European Journalism Observatory*. URL: <https://www.en.ejo.ch/ethics-quality/georgia-coronavirus-and-the-media> (accessed: 20.08.2020).
- [9] Tsofniasvili E. State of Georgian media since the Rose: Master Thesis. Tbilisi, 2010. URL: http://ies.tsu.edu.ge/data/file_db/tsofniasvili/Etuna%20Tsofniasvili%20Rose%20Revolution.pdf (accessed: 20.08.2020).
- [10] State of Media in Georgia: Public Opinion Poll Results / Transparency International Georgia. URL: <https://www.transparency.ge/en/post/state-media-georgia-public-opinion-poll-results> (accessed: 28.08.2020).
- [11] Demytrie, R. Coronavirus: How 'three musketeers' helped Georgia fight virus / BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-53269000> (accessed: 01.09.2020).
- [12] Internet Ownership in Georgia / Transparency International Georgia. URL: <https://www.transparency.ge/en/post/internet-ownership-georgia> (accessed: 28.08.2020).

References

- [1] Alvarenga, D.D. (2019). Osobennosti mediapotrebleniya v Brazili (k 50-letiyu Grupo De Midia SP) [Media consumption in Brazil (to the 50th anniversary of “Grupo de Midia SP”)]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(3), 594–599. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-594-599>
- [2] Ilmuhin, V.N. (2016). Opyt izucheniya mediapotrebleniya v mnogozadachnom rezhime: Metodolgiya i osnovnye rezul'taty [Experience of studying media consumption in multi-tasking mode: methodology and main results]. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, 16(1), 69–74. DOI 10.14529/ssh160113.
- [3] Komarova, A.A. (2018). Osnovnye tendencii mediapotrebleniya v Rossii v usloviyah dinamicheski menyayushcheysya real'nosti [The main trends in media consumption in Russia in the context of a dynamically changing reality]. *Vestnik universiteta [University Bulletin]*, (5), 162–166. DOI 10.26425/1816-4277-2018-5-162-166.
- [4] Kumar, M. (2019). Osobennosti mediapotrbleniya v Indii: Cifrovye novosti [Features of media consumption in India: Digital news]. *Sredstva massovykh kommunikacij v mnogopolyarnom mire: Problemy i perspektivy [Mass media in a multipolar world: Problems and prospects]: Materials of the X All-Russian scientific and practical conference* (pp. 311–314). Moscow, RUDN University.
- [5] Nazarov, M.M. (2016). Cifrovoe pokolenie duvhtysyachnyh: Osobennosti mediapotrebleniya [The digital generation of the 2000s: Features of media consumption]. *Informacionnoe obshchestvo [Information Society]*, (1), 27–36.
- [6] Chernavskij, A.S. (2015). Osobennosti sovremennogo mediapotrebleniya i fenomen novyh media [Features of modern media consumption and the phenomenon of new media]. *Vlast' [Power]*, (7), 73–75.
- [7] Jangiani, G. (2020, May 7). The Georgian Media Struggles to Cope with COVID-19. *New Western Europe Magazine*. Retrieved September 1, 2020, from <https://www.neweasterneurope.eu/2020/05/07/the-georgian-media-struggles-to-cope-with-covid-19/>
- [8] Tsomaia, T. (n.d.). Georgia: Coronavirus and the Media. *European Journalism Observatory Magazine*. Retrieved August 20, 2020, from <https://www.en.ejo.ch/ethics-quality/georgia-coronavirus-and-the-media>
- [9] Tsofniasvili, E. (2010). *State of Georgian media since the Rose Revolution*. Retrieved August 20, 2020, from http://ies.tsu.edu.ge/data/file_db/tsofniasvili/Etuna%20Tsofniasvili%20Rose%20Revolution.pdf

- [10] Transparency International Georgia. (n.d.). *State Media in Georgia: Public Opinion Poll Results*. Retrieved August 28, 2020, from <https://www.transparency.ge/en/post/state-media-georgia-public-opinion-poll-results>
- [11] Demytrie, R. (2020, July 6). Coronavirus: How 'three musketeers' helped Georgia fight virus. *BBC News*. Retrieved September 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-europe-53269000>
- [12] Transparency International Georgia. (n.d.). Internet Ownership in Georgia. Retrieved August 28, 2020, from <https://www.transparency.ge/en/post/internet-ownership-georgia>

Сведения об авторах:

Курманова Данара Бауржановна, аспирант кафедры теории и истории журналистики филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Зарифиан Мохсен, магистрант кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Bio notes:

Danara B. Kurmanova, PhD student of the Department of Theory and History of Journalism of the Faculty of Philology of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Mohsen Zarifian, master student of the Department of Journalism of the Faculty of Philology of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

REVIEWS

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-808-811

УДК 821.133.1

«Путешествие души»

Рецензия на книгу:

Балашова Т.В. Париж принадлежит мечтателям... М.: ИМЛИ, 2019. 352 с.**В.В. Шервашидзе**

Российский университет дружбы народов
Москва, Российская Федерация, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 10
shervash@yandex.ru

Аннотация. Рецензия посвящена творчеству известного исследователя французской литературы Т.В. Балашовой и последней ее книге. Сборник «Париж принадлежит мечтателям...» содержит научные статьи по французской поэзии XX века, прежде всего знаковым ее фигурам – Гийому Аполлинеру, Андре Бретону и Жаку Рубо. В рецензии отмечается не только широота интересов ученого, ее глубокий аналитический ум, но и верность избранной на всю жизнь теме, любовь к Франции, тесная дружба с выдающимися французскими литераторами. Отмечается ее вклад в развитие культурного и научного сотрудничества России и Франции.

Ключевые слова: Т.В. Балашова, Париж принадлежит мечтателям, французская поэзия, Г. Аполлинер, А. Бретон, Ж. Рубо

История статьи: поступила в редакцию – 10 сентября 2020 г.; принята к публикации – 25 сентября 2020 г.

Для цитирования: Шервашидзе В.В. «Путешествие души»: рецензия на книгу: Балашова Т.В. Париж принадлежит мечтателям... М.: ИМЛИ, 2019. 352 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 808–811. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-808-811>

“Journey of the Soul”

Book review:

Balashova, T.V. (2019). *Paris Belongs to Dreamers...* Moscow, IMLI Publ.**Vera V. Shervashidze**

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
shervash@yandex.ru

Abstract. The review is devoted to the work of the famous researcher of French literature T.V. Balashova and her last book. The collection “Paris Belongs to Dreamers...” (“Parizh prinadlezhit mechtatelyam...”) contains scientific articles on French poetry of the 20th centu-

ry, primarily its iconic figures – Guillaume Apollinaire, André Breton and Jacques Roubaud. The review notes not only the breadth of the scientist's interests, her deep analytical mind, but also loyalty to the topic chosen for life, love for France, close friendship with outstanding French writers. Her contribution to the development of cultural and scientific cooperation between Russia and France is noted.

Keywords: T.V. Balashova, Paris Belongs to Dreamers, French poetry, G. Apollinaire, A. Breton, J. Roubaud

Article history: received – 10 September 2020; revised – 15 September 2020; accepted – 25 September 2020.

For citation: Shervashidze, V.V. (2020). “Journey of the Soul”: Book review: Balashova, T.V. (2019). Paris Belongs to Dreamers... Moscow, IMLI Publ. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 808–811. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-808-811>

*Памяти Тамары Владимировны Балашовой,
заслуженного деятеля науки,
главного научного сотрудника ИМЛИ*

Выдающийся ученый, блестящий популяризатор французской литературы, Тамара Владимировна стремилась передать соотечественникам частицу своей любви к французской культуре.

В Институт мировой литературы Тамара Владимировна пришла в 1956 году и проработала там до самых последних дней, до сентября 2018 года. В течение многих лет она заведовала сектором, была широко известна в писательских кругах как Франции, так и России, была знакома с «живыми» классиками французской культуры – М. Шагалом, Р. Ролланом, Луи Арагоном.

С Луи Арагоном и Эльзой Триоле ее связывала многолетняя дружба, которая оказала огромное влияние на творческое становление и формирование молодого ученого. Арагон – виртуоз в поэзии, в «чувстве» слова, блестящий теоретик литературы, и один из величайших французских стилистов XX столетия. Период сотрудничества Тамары Владимировны и Луи Арагона совпал с возрождением в его творчестве авангардистских тенденций, отголосков сюрреализма. Благодаря влиянию Тамары Владимировны в издательских кругах был опубликован его роман «Гибель всерьез» (в прекрасном переводе Н. Мавлевич и М. Кожевниковой). Название романа – усеченная цитата стихотворения Б. Пастернака:

«Но старость – это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актёра,
А полной гибели всерьёз».

Арагон был для Тамары Владимировны близким другом, которого она принимала в Москве во жизни, как раз вышла переписка сестер – Лили Брик и Эльзы Триоле, в 2000 году. Картина всем известной история культуры, благодаря «открытиям» Балашовой, радикально изменилась, пополнившись совершенно неожиданными фактами и сведениями.

Результатом многолетней работы с архивами – с 1950-х годов – явился грандиозный том «Диалог писателей XX века. 1920–1970» (2002), в котором представлены рукописи Л. Арагона, Ж.-П. Сартра, Андре Мальро, Натали

Саррот и других, их переписка с советскими деятелями культуры, неопубликованные художественные произведения. Но не только публикации, монографии входят в наследие Тамары Владимировны. Невозможно забыть поэтические вечера, которые она устраивала в ЦДЛ, составление каталога для выставки «Воображаемого музея» Андре Мальро в Пушкинском музее, ее встречи с французскими писателями, конференции, посвященные российско-французской культуре, ее энергию и ее «романтическую» влюбленность в профессию, во французскую культуру, в Париж – город «ее мечты».

Книга, посвященная памяти Тамары Владимировны, так и называется «Париж принадлежит писателям». Эта книга состоит из статей, посвященных различным аспектам французской литературы и приложения, в котором собраны переводы Тамары Владимировны.

Книга Т.В. Балашовой завораживает волшебством, неуловимостью парижского пейзажа, погружающего в увлекательный мир современной французской литературы. Жюльен Грин, автор замечательной фразы, пароля этой книги – «Париж город импрессионистов». Импрессионистические пейзажи, разрежают плотный, насыщенный текст, в котором сочетаются филологическая утонченность и глубина авторской концепции. Композицию книги можно условно разделить на несколько частей, предлагающих вниманию читателя все разнообразие вселенной не только французской литературы, но и переключек с Серебряным веком, эскизных набросков портрета Максимилиана Волошина, часто бывавшего в Париже в начале XX века, в качестве корреспондента журнала «Весь». Очерк о Максимилиане Волошине посвящен его дружбе с Анри Ренье, который ввел его в круг французских поэтов-символистов, авангардистов, его переводческой деятельности. В многоцветной картине первой трети XX столетия выделяются знаковые фигуры: Гийом Аполлинер, Андре Бретон, Жак Рубо. Эстетическая система сюрреализма – «без берегов»; она вошла в плоть и кровь современного искусства. Рассматривая сюрреализм в романах многоликого авангарда, автор выделяет в нем новые контрапункты, которые оказали влияние на развитие мировой литературы.

Различные повествовательные голоса, звучащие в книге Тамары Владимировны, объединяют эстетические новации с дискуссионностью литературных явлений 1960–1970 годов. Это прежде всего эпоха 1967–1975 годов, в которой происходит взлет нового романа, формальные поиски, экспериментаторство. В середине 1970-х – переоценка ценностей периода «истощения» литературы и возвращения к традиции, обогащенной открытиями нового авангарда. На этом фоне рассматривается творчество Даниель Сальнав, в котором сконцентрированы основные тенденции «переходной эпохи» – от литературы, близкой новому роману, к новым повествовательным стратегиям.

Использование Тамарой Владимировной редких материалов московских архивов, а также уникальных материалов и писем из Фонда Литературной библиотеки Жака Дусе, Национальной библиотеки Франции дало возможность по-новому осветить ключевые моменты творчества Луи Арагона и Андре Мальро. В творческом поиске Л. Арагона в 1950–1960-е годы рассматривается одна из актуальных проблем современной литературной науки – иллюзорность знания и памяти, изменяющих автобиографическое пространство.

В архивах Тамаре Владимировне удалось найти редчайший материал – переписку М. Шагала и А. Мальро. В приложениях, впервые на русском языке в авторском переводе публикуется эта переписка, открывающая новую страницу во взаимоотношениях всемирно известного художника и министра культуры Франции. Будучи лично знакома с Шагалом, Тамара Владимировна в 1976 году удостоилась редкого дара от великого художника – его автографа.

В статьях, посвященных Андре Мальро – писателю и министру, Тамара Владимировна воссоздает ту особую ауру, которая сопутствовала искусствоведческим исследованиям Мальро, провозгласившего основным законом искусства закон «метаморфозы», который разрушает зависимость от времени, истории, судьбы. «Метаморфоза – знак вечного движения и обновления». А. Мальро поддерживал на протяжении всей жизни творческие отношения с художниками, которых высоко ценил: Пабло Пикассо, Марк Шагал, Фернан Леже, Александр Алексеев, Блез Сандрап, Жорж Руо. Опережая идеи Р. Барта, Мальро считал, что каждое новое положение может прочесть страницу прошлого под новым углом зрения. Интуиция, пророческое предвидение, культ искусства, в котором отвергались всяческие запреты дополняют портрет Мальро – министра культуры. На протяжении своей министерской деятельности Мальро активно проводил в жизнь проект по созданию Домов культуры во всех уголках Франции. Наделенный энергией, стремлением внедрить культуру в массовое сознание, он был бесценным организатором выставок, составителем каталогов. Эта сторона деятельности Мальро впервые так подробно освещается в современной науке.

Книга завершается приложением, в котором представлены наиболее яркие переводы автора, вводящие нас в мир «конвульсивной красоты» в повести А. Бретона «Безумная любовь», в мир лирических воспоминаний Жюльена Грина и Жака де Лакретеля, воспевающих волшебную атмосферу Парижа, признающихся в любви к этому городу. Слова Жака де Лакретеля – «любить Париж – это искусство, которым мы овладеваем постепенно» – отражают полное неожиданных находок и открытий путешествие по вселенной французской культуры.

Сведения об авторе:

Шервашидзе Вера Вахтанговна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов.

Bio note:

Vera V. Shervashidze, Doctor in Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-812-815

УДК 821.161.1

«Сей первый русский ежемесячник»

Рецензия на книгу:

Готовцева А.Г. «Сие есть наиболее полезное для русского общества»: журнал «Ежемесячные сочинения» как российский интеграционный просвещенческий проект середины XVIII века. М.: ЯСК, 2018. 369 с.

А.Ю. Овчаренко

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
ovtcharenko-1959@yandex.ru

Аннотация. В рецензии на монографию профессора А.Г. Готовцевой «Сие есть наиболее полезное для русского общества»: журнал «Ежемесячные сочинения» как российский интеграционный просвещенческий проект середины XVIII века» рассмотрены методологические принципы описания и анализа периодического печатного издания, генезис его внутреннего сюжета. Раскрывается своеобразие рецензируемой монографии, исследуется эволюция журнала, создание различных рубрик, видоизменение первоначальной концепции журнала и состава авторов, рассматриваемых в динамике историко-политического и культурного процесса эпохи. Подчеркивается новый взгляд на роль русской исторической науки и журналистики XVIII в. создателя журнала, одного из крупнейших российских историков того периода Г.Ф. Миллера.

Ключевые слова: Г.Ф. Миллер, М.В. Ломоносов, русская журналистика XVIII в., историко-политический контекст

История статьи: поступила в редакцию – 2 сентября 2020 г.; принята к публикации – 14 сентября 2020 г.

Для цитирования: Овчаренко А.Ю. «Сей первый русский ежемесячник»: рецензия на книгу: Готовцева А.Г. «Сие есть наиболее полезное для русского общества»: журнал «Ежемесячные сочинения» как российский интеграционный просвещенческий проект середины XVIII века. М.: ЯСК, 2018. 369 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 812–815. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-812-815>

“This is the first Russian monthly”

Book review:

Gotovtseva, A.G. (2018). *“This is the most useful for Russian society”: The “Monthly Essays” as a Russian integrative enlightenment project of the mid-18th century.* Moscow, YASK Publ.

Alexey Yu. Ovcharenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
ovcharenko-1959@yandex.ru

Abstract. The review analyzes the monograph of A.G. Gotovtseva “This is the most useful thing for Russian society”: the “Monthly essays” as a Russian integration enlightenment project of the middle of the 18th century”. The review of the presents book examines a universal descriptive way of periodical, as well as the genesis of its internal plot. The review considers the journal’s evolution in the context of the historical and political process of the epoch, the creation of various headings, modification of the original concept of the journal and the composition of authors. The author of the present monograph emphasizes a new view of the role of G.F. Miller as one the major Russian historians of that period in the development of Russian science and journalism in the 18th century.

Keywords: G.F. Miller, M.V. Lomonosov, Russian journalism of the 18th century, historical and political context

Article history: received – 2 September 2020; revised – 6 September 2020; accepted – 14 September 2020.

For citation: Ovcharenko, A.Yu. (2020). “This is the first Russian monthly”: Book review: Gotovtseva, A.G. (2018). “This is the most useful for Russian society”: The “Monthly Essays” as a Russian integrative enlightenment project of the mid-18th century. Moscow, YASK Publ. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 812–815. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-812-815>

Монография А.Г. Готовцевой «“Сие есть наиболее полезное для российского общества”: журнал “Ежемесячные сочинения” как российский интеграционный просветительский проект середины XVIII века» посвящена одному из первых российских журналов «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

Профессор А.Г. Готовцева, автор книг по истории русской литературы XVIII века и по истории декабризма, соавтор (совместно с О.И. Киянской) интересной биографии К. Рылеева в серии «ЖЗЛ» (2017).

В центре исследования фигура Герхарда Фридриха (Федора Ивановича) Миллера, ученого, путешественника, историографа, организатора Московского главного архива. В советский период Г.Ф. Миллер позиционировался лишь как идеологический, научный и административный противник М.В. Ломоносова, а его роль в создании журнала, в становлении российской исторической науки замалчивалась. Он был одним из многих русских немцев, внесших важный вклад не только в создание и развитие русской госу-

дарственности, науки и культуры, но и в освоение (колонизацию) новых земель на южной окраине империи и в Поволжье.

В монографии интересно и полно представлена борьба Г.Ф. Миллера за создание журнала, за развитие его концепции, а также борьба внутри Академии наук, полемика с М.В. Ломоносовым о принципах создания истории России. А.Г. Готовцева указывает на агиографичность биографии М.В. Ломоносова: в российской науке и в российском общественном сознании он долгое время представлял как вышедший из самых низов «природный» просветитель, борец с так называемой немецкой группировкой и в Академии наук, и в самой русской науке. Отношения Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова составляют один из важных сюжетов монографии.

Естественно, что в этом контексте А.Г. Готовцева не могла не упомянуть о норманнской теории, одним из основоположников которой являлся Г.Ф. Миллер. Но она совершенно справедливо не углубляется в этот нескончаемый спор, лишь упоминая истоки дискуссии, поскольку он не является частью сюжета ее книги.

Заслуги Г.Ф. Миллера как историка, «отца Сибирской истории» признаны, хотя его труд «История Сибири» полностью издан только в 2005 г. Его организаторская деятельность как создателя журнала «Ежемесячные сочинения...» далеко не всегда освещена объективно либо не упоминается вообще. И сам журнал также изучен недостаточно.

Монография состоит из четырех глав, соответствующих структуре журнала и логике появления в нем материала. Во введении автор предлагает принцип описания печатного издания, применимый и для современных бумажных версий «толстых» журналов – тематический принцип классификации статей – литература, география и экономика и т. д. Представлена динамика развития журнала на фоне и в связи с историческими процессами в России второй половины XVIII в.: история создания и развития концепции журнала, появление различных рубрик, формирование постоянного состава авторов, значение и объем переводных текстов, зарождение статуса профессионального литератора и т. д.

В приложении размещена полная постатейная роспись выпусков журнала с января 1755 по декабрь 1764 г., представляющая не только библиографическую ценность, но и обширный справочный аппарат, позволяющий ориентироваться в редком и мало востребованном материале. Роспись статей наглядно демонстрирует эволюцию журнала от переводного, печатавшего научные статьи иностранных ученых и переводные художественные тексты, до научно-литературного журнала конвергентного типа, на страницах которого стали публиковаться не только российские ученые, но и писатели и поэты того времени.

В своей книге автор развивает и известную мысль Ю.М. Лотмана о «мифе о себе», который начинается с «мифологизации покинутого вчерашнего дня». Важной мыслью автора монографии является указание на то, что молодая империя в эпоху географических экспедиций Петра I, не только осваивала и покоряла новое пространство, но и осмысляла его, создавала новый исторический дискурс.

Заметим, что в книге А.Г. Готовцевой явно не хватает упоминаний исследований ИРЛИ РАН о русской переводной литературе и более актуальных ссылок на работы по истории французской литературы. Также автору следовало бы указать, что полемика архаистов и новаторов проходит почти через всю историю русской литературы.

Хотя в сложившейся печальной практике издания книг малым тиражом монография А.Г. Готовцевой не нашла пока отклика в научной печати, эта книга достойна занять должное место в курсе истории российской журналистики, особенно ее раннего периода, ее истоков.

Сведения об авторе:

Овчаренко Алексей Юрьевич, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Юридического института Российского университета дружбы народов.

Bio note:

Alexey Yu. Ovcharenko, Doctor in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ

на газету
журнал

36435

(индекс издания)

Вестник РУДН.
Серия: Литературоведение.
Журналистика

(наименование издания)

Количество
комплектов

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ДОСТАВОЧНАЯ

36435

ПВ	место	литер

КАРТОЧКА

(индекс издания)

на газету
журнал

Вестник РУДН. Серия:
Литературоведение. Журналистика
(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	пере- адресовки	руб.	

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

--	--	--	--	--	--	--	--

город

село

почтовый индекс

область

район

код улицы

улица

дом

корпус

квартира

фамилия, инициалы